

я скучаю по тебе.

ПРИСМАТРИВАЙ

ЗА
МНОЙ

ТАРА СИВЕК

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Тара Сивек

Присматривай за мной

я скучаю по тебе.

присматривай

за
мною

тара сивек

Оригинальное название: *Watch over me, Tara Sivec*

Переводчик: Ирина Н.

Редактор: Оля П.

Вычитка: Katherine

Переведено для группы: <https://vk.com/stagedive>

Любое копирование без ссылки на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Эддисон Сноу типичный подросток. У нее есть семья, которая её любит, друзья, которые ее смешат, и она с нетерпением ждет окончания школы и поступления в колледж, чтобы осуществить свою мечту - стать писателем. Ее мир рушится, когда ее мама, которая одновременно была лучшей подругой Эддисон, неожиданно умирает.

Смерть меняет каждого...

Чтобы унять боль, Эддисон и её отец выбрали разные пути. Она решает покончить с горем раз и навсегда, а он глушит печаль алкоголем. Как научиться жить заново, когда самый важный человек в твоей жизни умер?

Эддисон собирает свою жизнь по кусочкам. Вместо того, чтобы снова стать беззаботным подростком, какой она была раньше, она взвалила на

себя обязанности своего отца. У неё нет времени горевать, нет время на эмоции и нет время на счастье... Пока не появляется Зэндер Райнхардт.

Всего одна маленькая рукописная записка на салфетке возвращает ее к жизни и помогает осознать, что, возможно, в жизни есть еще что-то кроме боли.

Но неужели это так просто? Сможет ли она на самом деле довериться человеку, который заставил её почувствовать себя живой впервые за этот год?

+18

(в книге присутствует нецензурная лексика и сцены сексуального характера)

Оглавление

Пролог

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Эпилог

Пролог

Смерть меняет каждого.

Она меняет твоё мышление, твоё мировосприятие и твою жизнь. Иногда она заставляет тебя быть благодарным за то, что ты имеешь. Но чаще всего она заставляет тебя сожалеть о потерянном.

Мне восемнадцать лет, и большую часть времени за последние пять месяцев я провела в черной дыре, из которой, казалось, я не смогу выкарабкаться. Каждый вздох, каждая минута — напоминание о том, что больше нет человека, который должен быть рядом со мной, направлять меня, поддерживать меня.

Сегодня День Матери. Прошло пять месяцев с тех пор, как я потеряла ее, с тех пор как я заблудилась в воспоминаниях. Теперь я больше не узнаю девочку в зеркале. Этим утром я проснулась и поняла, что мне нужно сделать. Несправедливость происходящего меня бесит настолько, что мне хочется кричать, рвать и метать. Сам факт того, что я на сто процентов не уверена в своем решении, должен быть знаком, что я не готова на это. Хотя у меня нет другого выбора. Больше нет места, куда мне нужно прийти, нет никого, с кем я хочу быть.

Небо затянуто тучами, в воздухе веет прохладой. Идеальная погода для моего настроения и моих планов. Я встаю с кровати, натягиваю потрёпанные шорты и одну из ее футболок, которые я сохранила. Я засовываю ноги в тапочки, сажусь за руль и еду в булочную под названием Пэнэра Брэд неподалеку от дома. Я заказываю

ее любимые блюда: жареный в масле хрустящий рогалик с корицей и большой кофе без сахара с фундуком и сливками. Кассира я прошу завернуть все с собой. Когда она отдает мне мой заказ, краем уха я слышу, как кассир рядом с ней поздравляет покупателя с Днем Матери. Мне приходится сдержаться изо всех сил, чтобы не развернуться и не послать её нахер. Вокруг меня матери с дочерьми. Одни нарядились для утренней службы в церкви, другие одеты в повседневную одежду для совместного похода по магазинам. Их улыбки и смех еще больше ухудшают мое настроение и заставляют меня проглотить ком в горле. Мне хочется ненавидеть всех. Мне, той, которая в старших классах победила в конкурсах «Лучший друг для всех» и «Способный рассмешить любого», хочется подойти к незнакомцам в булочной и тоже испортить им настроение. Хочется напомнить, что нужно ценить то, что имеешь, потому что в один прекрасный день можно все потерять. В какой-то момент, не успеешь глазом моргнуть, как все вырвут из твоих рук.

Чем больше звучит поздравлений с Днем Матери, тем сильнее я борюсь с желанием наорать на всех. Я вырываю пакет с коричневым рогаликом, хватаю кофе с прилавка и громко матерюсь, когда жгучая жидкость выплескивается на мои руки из отверстия для питья на крышке.

Злобно пялясь на счастливых, улыбающихся посетителей, я выхожу из Пэнэра Брэд, сажусь в машину и гребаных 15 минут добираюсь до кладбища, чтобы провести День Матери с моей мамой, чашкой кофе, пузырьком таблеток и прямоугольной бритвой.

Глава 1

Первый надрез самый глубокий

10 месяцев спустя.

— Тебе не приходила в голову мысль обратиться в анонимное общество взаимопомощи, Эддисон? Я на самом деле думаю, что разговор с людьми, которые прошли через тоже, что и ты, пойдет тебе на пользу.

Не моргая, я не свожу глаз с моего психиатра. Она тем временем продолжает свою речь. Она настолько напоминает мне мою маму, что у меня перехватывает дыхание. Когда я первый раз вошла в её офис, запах парфюмерной воды «Венеция» от Лауры Биаджотти ударил мне в нос. Я чуть было не выбежала из комнаты. Я не знала никого, кроме одного человека, кто пользовался бы этими духами. У моего врача такая же прическа, такое же чувство юмора и такие же разумные советы. Я хожу к ней на прием с тех пор, как выписалась из больницы. С этой точки зрения я кажусь себе мазохисткой. Я не хочу, чтобы мне постоянно напоминали о маме, но не могу удержаться. Не могу устоять от желания быть рядом с человеком, который так на нее похож.

— Вот список собраний в твоём районе, — объясняет она и протягивает мне листок бумаги с указанием адреса, даты и времени проведения встречи. — Они считают, что нужно посетить минимум шесть встреч, чтобы понять, подходит это тебе или нет. Попробуй. Откройся людям, которые понимают, что ты чувствуешь. Я

честно думаю, что это поможет. Не заставляй меня читать тебе лекцию. Иначе ты закатишь глаза, а я буду надоедать тебе, пока ты, наконец, не сдашься.

— Боже, даруй нам милость: принимать с безмятежностью то, что не может быть изменено, Мужество — изменять то, что должно, И Мудрость — отличать одно от другого.¹ Возвращайтесь. Все сработает, если над этим работать.²

Мне хочется закатить глаза от того, с какой жизнерадостностью произнесены эти слова. Вместо этого я прикусываю щеку, на случай если Доктор Томпсон каким-то образом следит за мной. Человек двадцать, сидящих полукругом, после молитвы опускают руки и разбиваются на группы, чтобы поболтать. Я никогда не понимала, как эти люди могут улыбаться и вести себя как обычно после того, как в этой комнате они в течение часа рассказывали о своих самых потаенных и темных секретах. Например, Диана, чей сын умер от передозировки наркотиков в прошлые выходные. Она продала всю мебель и свои украшения, чтобы дать ему денег на героин. Или Майк. Молодой муж, чья жена везла маленьких дочерей в школу в алкогольном опьянении и, свернув на милю левее школы, врезалась в телефонную будку. Их младшая дочь умерла мгновенно.

Я проделываю тоже, что и последние шесть недель. Беру с пола сумку и с опущенной головой выхожу из комнаты. Ни с кем не разговариваю.

Я не собираюсь врать. Когда Доктор Томпсон месяц назад дала мне листок с указанием места проведения собраний анонимных сообществ взаимопомощи, я разорвала листок на мелкие кусочки и швырнула их подальше на заднее сиденье, как

только забралась в машину. После того как мы в течение десяти месяцев до посинения вели разговоры о том, почему я недовольна своей жизнью, я почти уверена, что она считает меня безнадежным пациентом. Ей хочется поскорее избавиться от меня, хотя она старается этого не показать. Она убеждена, что я смогла справиться со своей «хандрой» и больше не представляю для себя угрозы. Теперь она хочет, чтобы я положила на других, чтобы помочь отцу.

Это шестое собрание анонимных больных за шесть недель. Я честно не могу сказать, почему я продолжаю их посещать. Это не «сработает, если над ним работать», потому что я не работаю над собой. Я ни разу не рассказала свою историю, ни разу не обсуждала проблемы других. Я не подружилась ни с одним из тех, с кем я провожу по часу каждую неделю, и кто изливает душу комнате полной реальных незнакомцев.

На самом деле они не совсем незнакомцы. Они все знакомы, делятся друг с другом проблемами и обращаются друг к другу за поддержкой. Я для них чужой человек. Я странная девочка, которая сидит в стороне и каждую неделю отказывается выступать, когда очередь доходит до нее. Мне некомфортно рассказывать *знакомым* о моем отце-алкоголике и о том, что за последние полтора года он пытался вылечить большее количество раз, чем я смогу посчитать. Не говоря уже о людях, которые ничего не знают обо мне. Раньше я без проблем могла рассказать любому о моих проблемах. Но это было очень давно. Мои проблемы обычно сводились к тому, что завтра одеть в школу или пригласит ли меня на свидание парень, который мне нравится. С тех пор все сильно изменилось. Я

возвела невидимые стены и заперла свои чувства на замок, потому что я искалечена от одиночества и не доверяю никому. Самые близкие люди бросили меня на произвол судьбы. Как после такого я могу доверять кому-либо? Когда я знаю, что в итоге они отвернутся от меня? Они всегда так поступают.

Спускаюсь на первый этаж клиники «Метро Хоспитал» и выхожу через главный вход. Меня пронзает ночной свежий воздух. Я делаю несколько глубоких вдохов, пока иду по парковке к машине. Каждую неделю все повторяется. Я слушаю чью-либо историю и чувствую, как в горле закипает паника. Я нервно отбиваю ногой минуты в ожидании окончания собрания, глядя на настенные часы.

До сих пор не понимаю, почему я прихожу сюда снова. Не имею ни малейшего представления, что заставляет меня каждый вторник в 19:45 садиться в машину, проезжать пару домов до клиники и подниматься на пятнадцатый этаж в зал собраний. Я ничего не получаю от этих встреч. Я не научилась «отпускать ситуацию и полагаться на Божью волю», или «играть роль, пока роль не станет тобой», или какому-то другому дерьмовому девизу, который они украли у сообщества анонимных алкоголиков.

У меня есть отец, который перестал жить в день, когда мама умерла. Он выбрал ежедневное утешение водкой. Я переживала потерю лучшей подруги и в тоже время присматривала за отцом, чтобы он не захлебнулся собственной рвотой или не умер от алкогольной интоксикации. Я была выпускницей школы, у которой впереди вся жизнь. Через месяц после похорон мне пришлось положить отца в реабилитационный центр, заниматься имуществом моей матери, учиться вести

бизнес — и все за один день. Неожиданно я стала родителем, а не ребенком. До этого момента я состояла в национальном обществе почета и была избрана выпускником, который будет произносить речь. После похорон мне повезло, что я смогла окончить школу.

Горе, боль и новые обязанности — все это превратило меня в человека, которого я едва узнала. Только что моя мама была здесь, давала советы и помогала мне, и вдруг ее не стало. Без предупреждений, без предостережений — ее просто не стало. Ее жизнь задули как свечи на праздничном торте, не загадав желание. Только темнота. Женщина, которая обеспечивала ровное течение нашей жизни и заботилась о нашей маленькой семье, исчезла. Я осталась барахтаться сама по себе.

Я выбираюсь с переполненной парковки и в сотый раз клянусь себе, что больше сюда не приду. Я еду по городу и медленно езжу вокруг магазина «Сноу Шугари Свитс» — олицетворения мечты моей мамы и моих кошмаров.

Годами моя мама готовила десерты на все семейные праздники: свадьбы, выпускные, праздники для будущей мамы. Если она не работала или не ходила по магазинам, она занималась своим вторым любимым делом — выпечкой. Дома всегда пахло маслом и сахаром. Плита очень редко была выключена. Каждый раз, когда она появлялась на празднике с подносом всяких вкусностей, люди предлагали ей бросить работу и открыть кондитерскую.

— Дина, это лучшее печенье, которое я когда-либо ела. Как оно называется, дашь рецепт? — Мама посмеивается, когда моя тетя запихивает в рот целую горсть легких масляных сладостей.

— Эти называются Леди Локс³, Кэти. Их очень сложно готовить. Я могла бы дать тебе рецепт, но тогда мне придется тебя убить. — Она отвечает, хмуря брови и мрачно хихикая.

— Хорошо, не рассказывай. Обязательно приноси их на Рождество, Пасху, мой день рождения, свадьбы детей и на все остальные наши встречи, начиная с сегодняшнего дня и до нашей смерти. Или просто открой свой магазин, тогда я смогу приходить каждый день и съедать столько, сколько влезет. — Серьезно заявляет моя тетя.

— Договорились, — подмигивает моя мама.

Она посмеивалась над этой идеей в течение нескольких лет, пока её не уволили из бухгалтерии конструкторской компании по сокращению штата. Это случилось, когда я училась в младших классах. Ей нечем было заняться в ожидании, когда папа отоспится после ночной смены или я приду из школы. Она пекла и начала выяснять, как открыть своё дело. За два года заработал магазин «Сноуз Шугари Свитс»⁴. Наша фамилия – Сноу, поэтому придумать название магазина было легко. Труднее всего было уговорить моего отца.

— Кондитерская? Мы открываем кондитерскую? – шокировано спрашивает мой отец.

Он наблюдает, как мама в это время носится по кухне: вытаскивает противни из духовки, щелкает переключателями на четырех миксерах и листает множество

поваренных книг.

— Да, мы открываем кондитерскую. Не смотри на меня так. Тебе не придется ничего делать, только хвалить меня и быть моим подопытным кроликом. — Она заверяет его, глядя, как он закатывает глаза и издает тяжелый вздох. — Подумай об этом с другой стороны. Если все получится, ты сможешь раньше уйти на пенсию и сможешь утереть нос этим идиотам с фабрики. Затем мы найдем человека для выполнения тяжелой работы и сможем путешествовать, как мы всегда мечтали.

Всего несколько маминих тщательно подобранных слов и все опасения отца испаряются. Она знала, что его беспокойство связано с тем, что она будет проводить много времени вне дома, вдали от него. Мои родители очень привязаны друг к другу. Куда бы ни пошел один, другой всегда рядом. Они встретились в старших классах и были лучшими друзьями, пока не решили, что хотят большего. Я всегда завидовала их браку. Влюбленные старшеклассники, чувства которых проверены временем. Они были показательным примером родственных душ. С годами им пришлось столкнуться с проблемами, но когда любовь построена на дружбе, легче понять друг друга в любой размолвке. Первый раз за всю мою жизнь отец выразил нечто подобное на несогласие. Его ужасала мысль о том, что бизнес отнимет у мамы все силы и всю любовь, а ему ничего не останется. Хотя если он чему-то и научился за все эти годы, — никогда не спорить с мамой. Она добивалась всего, чего хотела. Моей маме с ловкостью удалось вовлечь отца в бизнес и дать ему возможность принимать самые важные решения по поводу магазина. Он ощутил, что это их совместная мечта, а не просто воплощение ее затей.

«Сноуз Шугари Свитс» мгновенно стало достоянием маленького городка. Это была единственная кондитерская в радиусе двадцати двух миль. Конечно, если вы не хотите давиться сухими пирожными с жирной глазурью из Вол-Марта, которые оставляют во рту отвратительный масляной привкус.

Мама была всеобщей любимицей. Она была доброй, мягкой, всем помогала. У нее было больше друзей, чем могло бы быть у меня. Именно из-за нее магазин Сноу стал таким популярным.

Пока я своими ключами открывала заднюю дверь кондитерской, я размышляла о том, что это место вызывает у меня и любовь, и ненависть одновременно. С одной стороны, мне нравится, что все здесь напоминает маму: от запаха до снеговиков, круглый год развешенных на стенах и прилавках, подчеркивая название «Сноу». ⁵ С другой стороны, меня бесит все, что напоминает здесь о ней. Меня раздражает, что все вокруг напоминает о ней, куда ни глянь.

— Ты на самом деле собираешься развесить всех своих снеговиков в кондитерской? — удивленно спрашиваю маму, пока она вытаскивает очередную голубую коробку с полок в подвале, где хранятся все елочные украшения. Снеговики всегда украшали наш дом до конца Рождества. Пока не убрана ёлка и рождественские чулки, не упакованы стеклянные шары со снегом, хрустальные снежинки и фигурки снеговичков.

— Конечно, я собираюсь повесить снеговиков. Они восхитительны — заявляет она, снимая крышку с коробки и заглядывая внутрь.

Удовлетворенная содержимым, она отпихивает коробку к остальным десяти, которые сейчас занимают весь дальний угол подвала.

— Но сейчас июль. В Огайо. Тебе не кажется это немного странным?

Моя мама вытаскивает из коробки плюшевого снеговика. Если нажать на кнопку на руке, то он танцует под песню «Айс Айс Бейби»⁶, которая играет через колонку, встроенную в его зад.

— Какой нормальный человек решит, что снеговики странные? – спрашивает она, потряхивая головой и пританцовывая под мелодию «Ванилы Айс».

— Эм, я. – говорю я.

— Ну, ты подросток. Тебе все кажется странным. Ты забавно одеваешься, так что на самом деле у тебя нет права голоса. В любом случае ты сама виновата. Именно ты начала дарить мне снеговиков.

— Эй! Не моя вина, что школьный магазин «Тайный Санта» – отстой. И мне было девять. Ты не можешь обвинять меня! – жалуясь я, опускаюсь на колени и разглядываю содержимое коробок.

— О да, я могу. В этом прелесть материнства. Я могу обвинять тебя в чем угодно, потому что я взрослая, — смеётся она.

— Не могу дождаться, когда у меня будут дети. Я смогу также над ними издеваться, как и ты надо мной, — говорю я. Достая стеклянный снежный шар, держу перед собой, наблюдая, как снег медленно кружится внутри вокруг снеговика.

— Поверь мне, я тоже жду не дождусь, когда у тебя будут дети. Я хочу, чтобы у тебя была дочь такая же, как ты, чтобы ты почувствовала мои страдания. А я буду сидеть, указывать и смеяться.

Грудь разрывает острая боль, когда я вспоминаю, сколько раз мы вели подобные разговоры о детях. Она считала, что в детстве я была монстром. Я не спала по ночам, мучилась от колик и была вездесущей занозой в заднице. Конечно, в подростковом возрасте прибавился еще и ПМС. Ее радовал тот факт, что однажды она сможет увидеть, как я испытываю те же муки ада с моими детьми. Тяжело жить без нее день за днем. Не могу даже представить, как больно будет растить детей без бабушки.

Я незамедлительно запрещаю себе вспоминать. Не могу думать о ней, иначе я зароюсь в кроличью нору и никогда не смогу оттуда вылезти. Я понимаю, что это неправильно — слишком часто отключать и включать эмоции. Но только так я могу выжить. Это единственный способ просыпаться каждое утро, передвигать ноги и идти дальше.

Вздыхая, я щелкаю выключателем на кухне, начинаю готовить дрожжевое тесто для печенья на завтра и жидкое тесто для капкейков. Пока я смешиваю ингредиенты и замешиваю тесто, я думаю о празднике в следующем месяце. Сможет ли папа после пятой реабилитации продержаться трезвым до праздничной даты. Мне стыдно, когда я вспоминаю тот день на кладбище. После десяти месяцев лечения я до сих пор не могу ни с кем разговаривать. Мой врач снова и снова пытается помочь мне забыть события того дня, но я отказываюсь. Вместо этого мы обсуждаем, как

жить полной жизнью и преодолеть всепоглощающую горе. Я надеваю маску «я выздоровела», и в ней я готова ступить на землю обетованную. Я доказываю ей, что мне лучше, и меня уже не тревожат мысли о смерти и темноте.

Она никогда не узнает о моих снах. Не узнает о том, сколько раз я думала, что я была бы счастливее вдали от этого места, от боли и отчаяния, в попытках жить дальше без самого важного человека в моей жизни.

Я вбиваю яйцо в большую миску для теста, замираю, увидев еле заметный рваный шрам на внутренней стороне левого запястья. Всплывают воспоминания, о которых я не хочу думать. Они навсегда останутся со мной.

— При-ивет ма-м, — еле слышно шепчу я и плюхаюсь, скрестив ноги, на грязь внизу надгробья. Пока ехала, я запила горсть таблеток кофе, и теперь я ощущаю их чудодейственный эффект. Мне кажется, что я парящее облако, и мои мысли путаются.

Я внимательно смотрю на овал с фотографией под маминым именем. Фотография снята на свадьбе моего двоюродного брата в октябре прошлого года. Я терпеть не могу надгробные плиты с фотографией. Меня бесит, что мы выбрали такое. И конечно, говоря «мы», я подразумеваю себя. Мой отец был слишком занят, чтобы что-то выбирать. Он пробовал–перепробовал разные виды водки. А спустя два часа после похорон члены нашей большой семьи разъехались по домам и забыли о горюющих людях, которых они оставили страдать и бороться со своей бедой в одиночку. Они вернулись в свои счастливые дома, к своей счастливой жизни. Для них жизнь пошла своим чередом. В тот момент, когда они вышли из церкви, облако

смерти упало с их плеч, они смогли свернуть печаль, засунуть её в задний карман и больше о ней не вспоминать. А мы застряли во времени, пытаюсь справиться и снова дышать.

— С Днем матери — мямлю я, снимаю крышку с её чашки кофе с фундуком и медленно выливаю содержимое стакана на грязь передо мной, наблюдая, как жидкость быстро впитывается в сухую землю.

Когда чашка пустеет, я закрываю крышку и ставлю стакан рядом с собой, пытаюсь дотянуться до сумки с рогаликом. Мне приходится расширить глаза и пару раз моргнуть, прежде чем удастся сфокусироваться на сумке, открыть ее и достать коричный хрустящий рогалик. Я сажусь у изголовья надгробья и тяжело вздыхаю.

— Я не могу без тебя. Меня бесит, что тебя нет рядом. Меня это так сильно угнетает. — Я разговариваю с фотографией на плите, тщетно пытаюсь удержать слезы. Они скатываются по щекам и падают на мои колени.

Я подбираю несколько травинок, которые выбились из потревоженной земли, и начинаю рвать их на кусочки, пока льются слезы.

— Что я должна делать без тебя? Как мне жить? — рыдаю я от злости.

Я верчу в руках еще несколько травинок и вытираю нос тыльной стороной руки. Слова на надгробье расплываются в глазах.

— Я не хочу находиться здесь без тебя. Я не знаю, как... Я не знаю, как жить без тебя.

Легкий ветерок веет сквозь деревья, я поднимаю лицо к небу и позволяю ему ласкать меня, надеясь, что это знак. Может, это мамин знак, что я должна это сделать. Она хочет, чтобы я была с ней. С закрытыми глазами я достаю из переднего кармана шорт бритву, слегка вожу вперед-назад по ней большим пальцем. Думаю о том, как мне хочется спать и как легко будет свернуться калачиком на земле и вздремнуть.

Не открывая глаза, я прикладываю бритву к внутренней стороне запястья и делаю первый надрез.

Глава 2

За тобой

— Как поживает твой отец? — спрашивает доктор Томпсон.

В её кабинете светло и свежо. В начале каждой встречи она извиняется и закрывает шторы над своим рабочим столом, чтобы солнце не слепило нам глаза. Она всегда шутит, что хотела бы ослепить меня. Якобы так я смогу забыть, что нахожусь в кабинете у врача, и это поможет мне открыться. И каждый раз я удивляюсь, не была ли она знакома с моей мамой в прошлой жизни. И не украла ли у нее самые лучшие черты.

Я всегда забираюсь с ногами на белый кожаный диван. Он мягкий словно масло. Я подбираю ноги под себя, а доктор Томпсон садится напротив в голубое мягкое кресло. Она считает, что такое расположение наиболее удобно и способствует откровенному разговору. Ей хочется, чтобы у посетителей создалось впечатление, что они просто болтают в ее гостиной. В ее кабинете теплая и благоприятная атмосфера. Предполагаю, это характерно для кабинета любого психотерапевта. Точно сказать не могу, так как она единственный врач, у которого я когда-либо была. Я всегда замечаю, что разглядываю картину Томаса Кинкейда на стене. На ней изображен заснеженный особняк в канун Рождества. У моих родителей над камином висела точно такая же картина, пока мой отец не стер все следы существования моей мамы после её смерти. Интересно, где эта картина сейчас.

— Думаю у него все нормально. Он всегда умудряется позвонить в самый

неподходящий момент и огорчается, когда я не могу говорить. Он не имеет ни малейшего представления о том, насколько я занята. Он не понимает, что мир не вертится вокруг его дурацких проблем с алкоголизмом.

Я стараюсь придать значимость своим словам и произношу их быстро. Хотя доктор Томпсон не даст одурачить себя.

— Это его пятое лечение, верно?

Я отвечаю кивком. Видно невооруженным глазом, что за полтора года моя жизнь очень изменилась.

— Как ты относишься к тому, что он не смог продержаться трезвым после выписки из больницы? — она скрещивает руки и кладет их на стопку бумаг, зажав между пальцами карандаш.

— Больно. Грустно. Я в ярости.

— Смерть твоей мамы очень повлияла на него, — заявляет она.

Это сильно повлияло на нас обоих. Это случилось неожиданно и должно было произойти по—другому. Я нуждалась в нем, а его не было рядом.

Доктор Томпсон размыкает руки и что—то записывает на бумаге.

— Ты винишь своего отца в твоей попытке самоубийства?

Я поеживаюсь от слова «самоубийство». Я не хочу, чтобы меня приписали к категории слабых людей, которым незачем жить, и они выбирают единственный путь.

После месяцев копания в себе, через которое мне пришлось пройти после того дня на кладбище, я поняла, что на самом деле я не хочу умирать. Я просто хочу почувствовать что-нибудь кроме печали. Хотя я каждый день разговариваю с Богом

и больше не верю даже половине того, чему меня учили в Католической Церкви, одна мысль всегда со мной. Если взять мою жизнь, небеса — если они и правда существует — не то место, где я ее закончу.

— Да. Нет. Не знаю. Возможно. Я раздражено вздыхаю в ответ на её вопрос. — Он сломался после её смерти. Он просто исчез. Казалось, я потеряла обоих родителей в один день. Это было слишком.

— Я думаю, у тебя есть все права обижаться на него за его действия. Только тебе стоит помнить, что он тоже горюет. Он потерял жену, и она никогда не вернется. — мягко отвечает Доктор Томпсон.

— А я потеряла мать. По крайней мере, однажды он сможет вернуться к жизни, найти другую жену. У меня никогда не будет другой мамы.

Мег, можешь принести мне эти чертовы капкейки с сырной глазурью, пожалуйста? — ору я на новую сотрудницу Сноуз. Она исчезает сквозь вращающиеся двери позади прилавка, пока я звоню покупателю.

Мег двадцать два года. Она энергичная и общительная — моя полная противоположность. Но она так напоминает прежнюю меня, что я к ней привязалась. Мы встретились на обязательных семидесяти двух часах психологической помощи в клинике «Метро Хоспитал». До сих пор не пойму, как кто-то вроде неё мог оказаться в месте, подобном психбольнице, что только подтверждает насколько я не дружу со своим психическим состоянием. Мы встретились на улице возле клиники через два часа после того как я очнулась от воздействия успокоительного, как только мне разрешили пять минут побыть на свежем воздухе под присмотром.

Белый точно нам не к лицу. Меня зовут Мег.

Она ткнула пальцем в белый бинт, обвязанный вокруг моего запястья, и затем протянула свою замотанную руку.

— Мы как пара супергероев. Супер-Близнецы в бой!

Она приложила свое запястье к моему, издала звук взрыва, отняла руку и затем плюхнулась рядом со мной на скамейку.

— Жаль, что у них нет розовой одежды под цвет моих шлепанцев, — удрученно сказала она, пока мы обе глазели на ее пушистые розовые тапочки.

Так как мы с Мег были в разных группах терапии, пока находились в клинике, я никогда не знала, что подтолкнуло её на самоубийство. Думаю, это к лучшему. Ведь она тоже не знает моих секретов. Легко дружить с человеком, который не знает о твоих тараканах.

В день выписки я снова увидела Мег. Она курила сигарету возле клиники, пока я ждала такси, чтобы поехать домой. Я стрельнула у неё сигарету, хотя не курю. Мне казалось, она нуждалась в компании.

После первой затяжки дым слишком быстро наполнил мои легкие, я начала задыхаться и откашлялась. Я думала, что меня вырвет.

— Господи, Бил Клинтон тебя ничему не научил? Не вдыхай, подруга — засмеялась Мег, забрала у меня из рук сигарету и затоптала её в траву.

— Уходишь отсюда сегодня? — спросила она, как только я перестала кашлять.

— Ага. Получила выписку и длинный список врачей, которым следует позвонить, как только

доберусь домой, — ответила я. Она схватила мой список и пробежала по нему

глазами.

— Любит осуждать, слишком стар, хронический..., этого не знаю, этот хотел залезть мне в трусы... ооо... вот этот хороший, — заявила Мег, прочитав имя каждого врача в списке.— Я думаю Супер-Близнецы должны выбрать этого.

Я заглянула ей за плечо, чтобы посмотреть, на кого она показывает.

— Я посещала её пару лет назад, но пришлось бросить, так как отец поменял страховку. Теперь, когда у меня нет ни работы, ни жизненного пути, мою страховку оплачивает государство и я могу пойти к кому захочу, — заявила она безоговорочно.

— Тебе нужна работа?

Мег пожала плечами, сложила список врачей и вернула его мне.

— Было бы неплохо иметь деньги. Раньше я работала нянечкой, но вчера они написали мне по электронной почте, что теперь я плохой пример для детей. Эй, алё! Тут самоубийца! Я чуть не сорвалась с края, а им все равно — драматично сказала Мег.

Я ни секунды не сомневалась, предложив ей работу в кондитерской. Мег заставляла меня улыбаться и не пыталась сунуть нос в мою жизнь. Кроме того раза, когда Мег упомянула о потере работы, никто из нас не рассказал о себе больше ничего. Не было необходимости говорить ей правду, поэтому я сказала, что мой отец «чем-то очень занят». Технически он все еще владелец бизнеса. Она не знала, ни что он в пятый раз лечится от алкоголизма, ни другой причины его систематического отсутствия. Она не знала, что я собиралась поступить в колледж и стать писателем после школы. Я ей не сказала, что с каждым днем все больше ненавижу отца за то, что заставил взвалить на себя свои обязанности, вместо того

чтобы позволить мне осуществлять свои мечты и желания. Мег знала достаточно, чтобы не задавать вопросов. Именно поэтому мы легко поладили.

Во время летних каникул в Сноу кипит работа. Одна из лучших черт нашего магазина — здесь одинаково нравится и старым, и молодым. Можно увидеть, как за одним столом сидят ученики старших классов и пожилая пара из дома престарелых, который располагается за углом. Мама разговаривает со своим новорожденным малышом. Рядом ей дает советы пара, чей сын только что окончил колледж. Сегодня учительский день в старшей школе. Кажется, все 4 класса выпускников и учителей снуют туда-сюда с самого открытия магазина, с семи утра.

Я только перешла в старшую школу, когда моя мама открыла магазин. Я с первых дней сделала это место сборищем подростков. Мои друзья считали, что лучше не придумашь, если моя мама будет давать нам бесплатные обеды после школы и позволять нам выглядеть клево с чашкой кофе на вынос по утрам.

Мои друзья всегда называли мою маму «клёвой», даже до открытия кондитерской, до того как аромат шоколада и выпечки соблазнил каждого подростка в радиусе мили. Моя мама относилась к тому типу родителей, которые каждые выходные в честь пятничных футбольных матчей разрешают устраивать вечеринки и позволяют выпить пару банок пива, при условии, что сдашь ключи от машины и останешься ночевать на полу в гостиной. Моя мама была из тех, кто не даст нагоняй, а, напротив, доверит мне принять самостоятельное решение. Если у меня неприятности, я могу позвонить ей. Мои друзья завидовали мне. Но я не могла оценить её по достоинству, пока не повзрослела.

— Эй, кто этот горячий красавчик, который глаз с тебя не сводит? — спросила

Мег, выходя из кухни с подносом капкейков.

Я отдала покупателю сдачу и бесстрастно глянула в угол магазина, куда показывала Мег. Мои глаза встретились с самыми пронзительными голубыми глазами, которые я когда-либо видела. Дрожь пробежала по позвоночнику. Он не отводил глаза — не оглядел меня с ног до головы как обычно делают парни, не посмотрел вокруг, хотя рядом творил хаос. Я заметила, как смягчился его взгляд, и уголки рта растянулись в улыбку. Бабочки залетали у меня в животе, я никогда такого не испытывала. Я резко оборвала зрительный контакт, когда поняла, что он не намерен этого делать. Его пристальный взгляд заставил меня почувствовать себя не в своей тарелке, как будто он пытается заглянуть внутрь меня и узнать, что меня беспокоит. Я не хочу, чтобы кто-то столько знал обо мне, особенно незнакомец.

— Понятия не имею. Никогда его не видела. — Ложь легко слетает с языка. Я на самом деле с ним не знакома, но я видела его раньше. Последние несколько месяцев он приходит раз в неделю и сидит за тем же столиком в углу. Я слышала его глубокий мелодичный голос, когда он каждый раз заказывает шоколадную булочку и черный кофе с двумя кусочками сахара. Я не знаю, почему я запомнила именно его заказ. У нас сотни посетителей и у меня не такая хорошая память, чтобы помнить все. Когда он зашел в первый раз и подошел к прилавку, на долю секунды мне показалось, что я его знаю. Ощущение deja vu. Как будто я видела этого парня раньше. Я приняла его заказ и молча ждала, пока он скажет, где мы встречались, но он молчал. Он кивнул в знак благодарности и улыбнулся. Каждую неделю он делал заказ и не произносил больше ни слова.

— Ну, кто бы он ни был, он лапочка. Я заметила, что он целый час наблюдает за

тобой, попивая кофе. — Мег засунула поднос с капкейками на витрину под первым прилавком.

— Он может смотреть как угодно до тех пор, пока находится на расстоянии.

Мег поворачивается ко мне и берет мое лицо в свои руки.

— Как ты собираешься с ним переспать, если заставляешь держаться на расстоянии? — спрашивает она с притворной серьезностью.

— Эм, возможно потому что я не собираюсь ни с кем спать. У меня едва хватает времени побрить ноги или принять душ. Я не готова войти в категорию подружек для парней.

Телефонный звонок спасает меня от дальнейших рассуждений Мег на тему, почему у меня нет парня.

Даже если бы я захотела иметь кого-то в жизни, чтобы удовлетворить потребности, им всегда нужно будет больше. Больше информации, больше историй о прошлом, больше ответов на вопросы, которые я не смогу дать. Я не рассказываю о себе уже полтора года. Мег отвечает на звонок и тут же передает трубку мне.

— Это твой отец.

— Привет, заяц, — Отец радостно здоровается, когда я беру трубку. — Как ты?

— Занята, — резко отвечаю я.

У него сочувствующий голос. Ощущение, что мой отец всегда звонит, когда рядом Мег. И по моим ответам ясно, что мы с отцом не ладим.

— Есть заказы на проведение праздников на этой неделе? — он пытается поддержать разговор.

— Неа.

По его вздоху понятно, что мои односложные ответы огорчают его. День за днем он пытается научиться общаться со своими родными и вести здоровый образ жизни. Он ждет, что я присоединюсь к нему и открою ему сердце, но я уже пробовала и ничего не получила в ответ. Однажды обманешь — твоя вина, дважды обманешь...

— Да, я тоже очень занят. Только что прошло занятие групповой терапии. Вечером мне нужно сделать домашнее задание. Нужно составить список людей, с которыми я плохо обошелся пока пил. Думаю, вечера мне не хватит — смеется он.

Я не разделяю его радости.

Я не жестокий человек. Когда его отправили в клинику впервые, я на сто процентов его поддерживала. Он мог звонить мне несколько раз в день, как только у него есть свободная минутка. Я подбадривала его, задавала вопросы и поддерживала его трезвый образ жизни всеми возможными способами. Я гордилась тем, что он признал, что ему нужна помощь и что он все-таки смог пересилить себя и сказать об этом. За эти тридцать дней я верила его каждому слову. Я верила, что ему жаль, что он меня любит, что он понял, что он все испортил и что он сделает все возможное, чтобы не пить, и будет постоянно поддерживать меня. Я навещала его по Семейным дням, каждую субботу. Раз в неделю они разрешали посещения. Я участвовала в каждом «Воскресенье позора», когда любящие родственники говорили своим алкозависимым о том, какую боль последние причинили им своими действиями. После третьей неудачной попытки вылечить мою поддержка улетучилась вместе с его трезвостью.

В то время я получила очень ценный урок. Он заключался в следующем: как

определить, что зависимый врет? Он открывает рот.

—Итак, я хотел узнать придешь ли ты на семейный день в эти выходные? Мне нужно сказать моему консультанту, чтобы тебе выписали пропуск.

Я отхожу на всю длину шнура, чтобы Мег и покупатели меня не услышали.

—Я не собиралась. У меня здесь очень много дел.— Говорю я, отвернувшись от посетителей, и прислоняюсь лбом к стене.

—Ну, я хотел бы тебя увидеть — настаивает он.

—Ага, я поняла. У меня просто нет времени. Прости.

Он снова вздыхает в трубку, я знаю, он злится.

—Серьезно, Эддисон. Ты ни разу не пришла на семейный день как я сюда попал. В моей группе только ко мне никто не ходит.

Я чувствую, как во мне закипает злость, мне приходится приложить все усилия, чтобы не заорать в трубку.

—Пап, до тебя ехать полтора часа на машине. По выходным самый наплыв посетителей в магазине. Я не могу надолго отлучаться. Ты же знаешь.

— Знаешь что? Забудь. Забудь о моей просьбе. Я позвоню позже.

Я не успеваю ответить, в трубке раздаются короткие гудки. Я закатываю глаза и возвращаюсь, чтобы положить трубку.

Мой отец похож на доктора Джекила и мистера Хайда.⁷ В основном, когда он трезвый, он напоминает мне того, кем он был при жизни мамы — общительный, веселый, всегда готовый помочь и трудолюбивый. Когда он пьет, он превращается в жестокого человека, который кидается бранными словами и ехидными обвинениями. Даже, несмотря на пройденное лечение, до него не доходит, что эти

слова слишком задели меня. Каждое резало меня и кромсало мое сердце. Простить человека, который причинил тебе боль, легко. Забыть невозможно.

— Что, черт возьми, тебе нужно от меня? — орет мой отец.

Меня тошнит от запах виски, который источает каждый миллиметр его тела. Было 4 июля, и я пыталась изобразить семейный обед, хотя мое сердце было против. Он вышел из клиники две недели назад. В этот раз он продержался четырнадцать дней. Новый рекорд. В прошлый раз было девять.

Насколько я знала, он не собирался приходить сегодня. Возможно, было не лучшей идеей для человека, который лечится от алкоголя, прийти в самый крупный после Нового года праздник в году, но он все-таки явился. Он выехал на подъездную дорожку и как только вышел из машины, я уже знала. Я могла определить это по его походке, манере держаться, по манере громко общаться со всеми вокруг. Я пыталась избежать его. Я знала, что если пройду в двух футах от него, мы обменяемся парой слов, не самых ласковых. Когда он пьян, у меня не хватает терпения, и его все во мне бесит.

Он попросил поговорить с ним наедине. Я согласилась, хотя знала, что пожалею. Я уступила, обошла дом и подошла к месту, где он ждал меня. Его хватило всего на пять минут, пока он уговаривал меня наладить отношения между нами, затем разговор повернул в неприятное русло.

— Как насчет того, чтобы побыть трезвым хотя бы раз? Это было бы хорошим началом. Я устала решать все вопросы.

Он усмехнулся и закатил глаза.

— Бедняжка. Раз в своей избалованной жизни тебе придется поднять свою

ленивую задницу и пошевелить пальцем.

Его слова резали меня как ножи и выкачивали воздух из легких. Мне стоило привыкнуть к его жалящим словам, но я не могу. Мне стоило понять, что ругаться с пьяным человеком бесполезно. Но я не поняла. Я развернулась и ушла, осознавая, что отстраниться — единственный выход в этой ситуации. Что бы я ни сказала, ничто не пробьет алкогольный туман, который окутал его мозг и лишил способности четко мыслить.

— Молодец. Давай, уходи. Это лучшее, что ты можешь сделать. Ну ты и сучка!

Мег ударяет меня плечом и заставляет меня отогнать мысли о прошлом.

—Эй, тот парень, который следил за тобой, оставил записку. — Мег улыбается во весь рот. Я разворачиваюсь и включаю свой выключатель эмоций. Она вручает мне свернутую салфетку. Я бросаю взгляд на его столик — пусто. Я разворачиваю ее. На ней аккуратным ровным почерком написано:

Ты прекрасна, когда улыбаешься.

Тебе следует делать это чаще.

Я неловко смеюсь и отдаю ей записку.

— Сомневаюсь, что она для меня. Уверена, она предназначена тебе.

Мег пробегает глазами текст и закатывает глаза. Она засовывает записку мне в руки.

— Да ты что! Он даже не взглянул на меня. Он был поглощен тобой. Этот парень просто милашка. И ты на самом деле красавица, когда улыбаешься.

Она хлопает ресничками, я легонько шлепаю её по руке, чтобы она не раздувала

из мухи слона. Мег, смеясь, уходит. Я смотрю ей в след и качаю головой. Комкаю салфетку, засовываю в карман и возвращаюсь к работе, стараясь забыть о том милом парне в углу и не думать, с чего бы ему писать мне такие послания.

В десять вечера я наконец-то попадаю домой после работы. Принимаю душ, чтобы смыть остатки масла на коже, и сажусь за стол в комнате. Включаю компьютер и открываю страничку в Facebook. Автоматически грузится её страница. Начинаю писать ей личное сообщение, как обычно перед сном. Я знаю, мне давно стоило удалить её страницу, но я не могу себя заставить это сделать. Естественно, ни один из моих поступков нельзя назвать нормальным, но меня это не волнует. Каждый раз, когда курсор замирает на вкладке «удалить страницу» в настройках, моя грудь сжимается и мне трудно дышать. Мне кажется неправильным удалить её страницу. Как будто я удалю её из своей жизни. Я еще не готова к этому, несмотря на то, что я ненавижу думать о ней. Глубоко вздохнув и отгоняя боль, я печатаю сообщение.

Дорогая мама,
Я скучаю по тебе. Мечтаю, чтобы ты была рядом.
Сегодня я скучаю по тебе больше чем вчера,
но даже не на половину того, как буду завтра.
С любовью,
Эддисон

Глава 3

Упрямая любовь

— Почему тебе так не нравится ходить на собрания, Эддисон? — спросила доктор Томпсон, как только я уселась на диван. На столе рядом с ней я заметила чашку кофе из кафе «Панера». На секунду я закрыла глаза и представила, будто я говорю с мамой, а она пьет свой любимый кофе.

— Просто, я думаю, в них нет смысла. Будто я ничего не получаю от них.

Она качает головой и улыбается.

— И все же ты продолжаешь туда ходить. Ты приходишь в одно и то же место неделя за неделей, к одним и тем же людям. Я знаю, тебе тяжело возвращаться в клинику — туда, где ты провела много времени, пока болела мама. Но ты все равно туда ходишь. Как ты думаешь, почему?

Она сидит и терпеливо ждет моего ответа. Но у меня нет ответа. Я честно не знаю, почему я туда возвращаюсь.

— Хотя ты не хочешь этого признавать, эти встречи дают тебе чувство комфорта. Ты чувствуешь себя нормальной благодаря им. Не только ты борешься с человеком, имеющим зависимость. Ты не так одинока, как кажется, Эддисон. Возможности на каждом углу: возможность обрести надежду, возможность найти друга, поддержку. На этой неделе постарайся раскрыться. Назови им свое имя, откройся им, дай им *что-нибудь*. Покажи, кто ты есть, и не бойся. Никто не может

тебе помочь, никто НЕ БУДЕТ тебе помогать, если ты не позволишь. Ради бога, позволь им помочь тебе, чтобы я перестала читать тебе эти скучные нотации.

Она подчеркивает свои предложения короткими громкими смешками, точно как моя мама. На мгновение, легко представить её, сидящей напротив меня вместо доктора Томпсон. Я бы сразу последовала ее совету, без промедления, будь это моя мама, скупая раздающая мудрые советы.

В пятнадцать минут девятого я припарковалась возле клиники. Еще десять минут пришлось ждать лифта. Помимо того, что я терпеть не могу эти собрания, больше всего меня бесит, что они проводятся именно *здесь* — в месте, где я провела больше всего времени за последние два года старшей школы. Ненавижу этот запах, эти вывески. Меня бесит, что я продолжаю приезжать сюда неделя за неделей и мучаю себя.

В 7:50 я была абсолютно уверена, что не пойду на следующее собрание. Бессмысленно ходить куда-то, где мне совсем не помогают.

В 8:00 я завела машину и громко материлась пока выезжала задом с подъездной дорожки.

Лифт, не торопясь, выполнял свою работу и останавливался почти на каждом этаже. Я издала выдох разочарования, когда он затормозил на седьмом этаже. Мои глаза полезли на лоб, когда я увидела, кто вошел.

Какого черта ОН тут делает?

Тот парень из кондитерской. Тот, кого я стараюсь никогда не замечать, но о ком постоянно думаю. Тот, кто всегда улыбается мне. Автор записки на салфетке. Той салфетки, которую я поклялась выбросить, а теперь храню дома возле ноутбука. Теперь я ее разгладила, хотя в порыве раздражения скомкала.

Как только наши глаза встретились, его шаги замерли. Но он быстро пришел в себя. Широко улыбаясь, зашел в лифт и встал рядом со мной.

— Десятый, пожалуйста, — радостно говорит он женщине, стоящей рядом с кнопками, и приподнимает свой рюкзак чуть выше плеча. Я не отвожу взгляд от закрывающихся дверей, надеясь, что смогу заставить ноги выбежать отсюда. Я отказываюсь смотреть на «Салфетного мальчика», хотя краем глаза вижу, что он смотрит на меня.

Лифт ползет на следующий этаж, и звонок оповещает о прибытии еще до открытия дверей. Я молча проклиная вошедшего человека за то, что он встал прямо передо мной и перекрыл мне путь к спасению.

— Приятно видеть тебя здесь, Девочка из кондитерской, — наконец шепчет он мне сквозь толпу.

Девочка из кондитерской? Он назвал меня Девочкой из кондитерской?

Я стискиваю зубы и, в конце концов, поворачиваюсь к нему. У меня захватывает дыхание, когда я вижу, как близко его лицо. Он на голову выше меня, и ему приходится наклоняться, чтобы нас не слышали. В кондитерской даже с расстояния фута я замечала, какой он симпатичный. Но рядом с ним я сбита с толку.

— Ты преследуешь меня? — Злобно шепчу я первое, что пришло в мою запутанную голову. Его улыбка сразу расширяется, и он издает смешок, придвигаясь еще ближе. Он говорит мне прямо в ухо, его грудь вздымается возле моей руки.

— Если бы я преследовал тебя, это было бы самое скучное и угнетающее место для проявления моих безумных навыков преследователя. Это место отстой. Буквально.

Четкий мужской запах его одеколona рассеял мою концентрацию. Его близость и шутливые манеры заставили меня нервничать. Кроме Мег, больше никто не шутит со мной. В последнее время я не похожу на человека, с которым можно заигрывать или над которым можно подтрунивать.

Я отхожу от него на шаг и врезаюсь в медсестру в фиолетовой форме по другую сторону меня.

Я слышу, как он снова хихикает, когда я отворачиваюсь от него и делаю вид, будто я полностью поглощена тем, как загораются номера этажей.

— Ты кого-то навещаешь? — он снова шепчет рядом со мной.

Господи, он как ниндзя.

Я смотрю прямо перед собой и игнорирую его вопрос.

— Ты же не больна? Может мне не стоит стоять так близко? Может, ты заразна?

Его радостный тон порождает во мне желание заглянуть ему прямо в глаза и сказать, что я на самом деле больна, но к счастью для него, это не передается. Очевидно, он не остановится, пока я не отвечу. Может, если я буду груба, он отстанет.

— Встречи анонимных преследователей на втором этаже. Думаю, ты не туда едешь, Салфетный мальчик, — бормочу я злобно, не глядя на него.

— Ты что, назвала меня *Салфетным мальчиком*? — смеется он. — На самом деле меня зовут Зендер, а встречи анонимных преследователей находятся на четвертом этаже. И они встречаются, только когда их жертва занята или Соглашение маньяков отменено.

Я продолжала игнорировать его, пока люди заходили и выходили из самого медленного лифта на земле. Хотя мне было все больнее кусать губу, чтобы сдержать улыбку в ответ на его остроумные замечания. Когда двери долго не закрывались после того, как вышел последний пассажир, он приблизился ко мне и нажал кнопку закрытия дверей. Его рука задела меня, и мне пришлось сдержаться, чтобы унять дрожь.

Я взглянула на него уголком глаза, пока он пялился на меня и напевал «Stairway to heaven», подпевая фоновой музыке, которая доносилась из колонок лифта. На вид ему было чуть больше 20 лет. Его короткие черные волосы, казалось, недавно пострижены, судя по четким линиям волос возле шеи и на бакенбардах. Он облизал губы. С трудом оторвав взгляд от его губ, я заметила, что он не отрывает глаз от меня. Он застал меня за тем, как я наблюдала за ним. Я быстро отвела глаза и

почувствовала, как щеки залила краска.

Я не знаю, что он тут делает. Я правда не шутила, когда назвала его преследователем. Хотя мне стоило бы нервничать, так как он, кажется, следит за мной, в его присутствии мне комфортно. Я так долго закрывалась от людей, что чувство учащенного сердцебиения вместо чувства ужаса было в новинку. Мне стоило радоваться, что *что-то* способно вызвать у меня такие чувства, но я не ощущала ничего кроме раздражения. Мне не нужен был какой-то странный парень, который старается залезть ко мне в трусы. Я была уверена, что только это ему и нужно. Или он просто дружелюбный человек, который заговорит с любым, независимо от обстоятельств, прямо как моя мама.

— Мне повезло, после химиотерапии у меня не было приступов тошноты. У моей сестры был рак груди десять лет назад. Она себя ужасно чувствовала. Ее выворачивало несколько дней после процедуры. Мой доктор до сих пор выписывает мне рецепт Зофрана на всякий случай.

Я зашла следом за мамой, которая была увлечена разговором с кассиром Мэсу's. Я вытащила из сумки мобильник и начала читать смски, чтобы не слушать разговоров про мамин рак. У нее было хорошее настроение, и я не хотела, чтобы что-то его испортило. Особенно мои переживания.

— Не забудь передать доктору Фуллеру от меня привет. Она замечательная. Я до сих пор получаю от нее открытки на каждое рождество, — сказала кассир моей

маме, собирая лекарства в пакет и передавая их маме через прилавок.

— Конечно, Дэбби. Я также расскажу о том, что у тебя еще одна внучка.

— Это было бы великолепно. Береги себя, а я буду за тебя молиться, — ответила кассир Дэбби с доброй улыбкой на лице.

Моя мама попрощалась, и мы вышли из Масу's. Пошли на обеденную площадку пообедать.

— Откуда ты знаешь Дэбби?

Моя мама посмотрела на меня и пожала плечами:

— Я и не знаю. Я ее в первый раз видела.

Лифт остановился на этаже Зэндера до того, как я это поняла. Я срочно начала рыться в сумке, чтобы занять руки мобильным телефоном, пока он снова не втянул меня в разговор или, не дай бог, пригласил на свидание. Продолжая копаться в сумке, я подняла глаза, только когда за ним закрылись двери. Вдруг я поняла, что он даже не взглянул в мою сторону и не попытался заговорить со мной. Я не осознавала, насколько сильно я хотела, чтобы он сделал что-то подобное, пока не почувствовала укол разочарования после его ухода.

— Увидимся, Девочка из кондитерской, — кинул он через плечо, пока я с открытым ртом наблюдала, как закрываются двери и лифт начинает подниматься вверх.

Я рассеяна.

С тех пор как Зэндер вышел из лифта две недели назад, у меня в голове полная неразбериха. Я спалила капкейки, уронила целый поднос пирожных, сорвалась на Мег, чего раньше никогда не делала. Она самая милая девушка в мире, которая не смотрит на меня с жалостью. А я отчитала ее за заказ, который сама записала неправильно.

Я целую неделю пропускала собрания, не желая столкнуться с Зэндером: его непринужденным смехом, симпатичными глазами, — или снова впасть в состояние шока, в которое он вверг меня, уйдя и не сказав ни слова. Хотя я ненавижу эти чертовы собрания, мне было неловко от того, что я пропустила их. Я постоянно проверяла, не оставила ли духовку открытой, и ощупывала карманы в поисках ключей от машины. С утра я влетела в квартиру, чтобы убедиться, что выключила утюг. Когда я вышла на улицу, я пнула переднее колесо машины от досады, что все это творится из-за чувства вины после пропуска тупого собрания — собрания, которое никогда мне не помогало и никак не повлияло на мою жизнь.

Мое огорчение — единственное объяснение, почему я постоянно слежу за столиком в углу — тем столиком, за которым сейчас Зэндер читает газету. Это тот самый столик, где я нашла еще шесть записок вслед за первой. Каждая содержала либо напоминание о том, что улыбка делает меня еще красивее, либо шутку подобно вчерашней: *«Каждый раз, когда ты хмуришься, Бог убивает котенка»*. Мне стоило знать, что пропуск собраний не заставит его исчезнуть. И, конечно, Мег, которая не упускала случая повеселиться по поводу записок на салфетке, называя их чем-то

наподобие сюжетов для телесериалов Холлмарка.

Что, черт возьми, он о себе возомнил?

— Что, черт возьми, ты о себе возомнил? — яростно спросила я, остановившись рядом с его столом в защитной позе, скрестив руки на груди.

Он взглянул на меня поверх газеты. У меня перехватило дыхание. Я была настолько обескуражена встречей с ним несколько недель назад в *моей* клинике, в *моем* личном пространстве, что не заметила ничего, кроме хорошего парфюма и приятной внешности. Сейчас, глядя на него в упор, я заметила, что его глаза не просто голубые. Они кристально голубые. Они искрятся, когда через окно рядом с ним светит солнце. Их обрамляют невозможно длинные темные ресницы.

Уголок рта растянулся в улыбке, и на нижней части левой щеки откуда ни возьмись появилась ямочка, которую я раньше не замечала. У него гладкая и чистовыбритая челюсть. Над правой бровью виден маленький шрам. У меня появилось неестественное желание провести по нему пальцем. Я настолько увлеченно рассматривала его, что забыла, зачем подошла к его столику. Мои глаза следили за его мягкими, полными губами. После того, как я пару секунд с вожделением разглядывала их, я поняла, что они двигаются. Он отвечал на мой требовательный вопрос.

— Я думал, я представился в лифте. Я Зэндер, но, возможно, я ошибся. Ты раздражена. Так как насчет того, чтобы ты рассказала мне, кто я такой, — усмехнулся он.

— Меня не волнует твое тупое имя. Я хочу знать, почему ты продолжаешь оставлять мне свои бесячие записки, — не обращая внимания на чертову ямочку, я кидаю чертову кучу чертовых салфеток с чертовыми посланиями на чертов стол перед ним. Его чашка с кофе дребезжит на столе от силы моего удара. Он смотрит на меня и переводит взгляд со стопки салфеток на меня.

— Ты хранишь все мои записки? — мягко спросил он, удивленно подняв брови.

Серьезно? Это все, что он может сказать?

— Перестань оставлять мне записки. Перестань пялиться на меня. И перестань улыбаться, — рычу я, разворачиваюсь на каблуках и ухожу.

— Ничего если я буду продолжать дышать? А моргать? Моргать можно, Девочка из кондитерской? — кричит он мне в спину.

— Прекрати называть меня Девочкой из кондитерской. Меня зовут ЭДДИСОН! — раздраженно ору я через плечо. Я захожу за угол прилавка и прохожу мимо улыбающейся Мег, которая облокотилась локтями о прилавок и уперлась подбородком в ладони. Она открывает рот, чтобы заговорить, я выставляю руку перед ее лицом.

— Нет. Ни слова, — предупреждаю ее перед тем, как пойти дальше, и с силой хлопаю по вращающимся дверям, которые ведут в подсобку.

Я начинаю вытаскивать миски для замешивания теста, чайники, сковороды из кухонного шкафа. Со стуком ставлю посуду на стол и проклиная себя.

Черт дернул меня с ним заговорить. Он будет как бездомная кошка, которую ты кормишь из жалости на переднем крыльце. Теперь я точно никогда не смогу от него избавиться.

Я еще больше на себя злюсь, когда осознаю, что не уверена, счастлива я или разочарована тем, что он продолжает приходить. Интересно, понравится ли доктору Томпсон, что я показала ему истинную себя и назвала свое имя. Возможно, это не совсем то, чего она ждала, когда сказала мне рассказать о себе кому-нибудь. Но мне все равно. Теперь он знает, что я стерва. Если он умен, он изменит мнение и не захочет связываться со мной.

Глава 4

Просто дыши

— Когда в последний раз ты делала что-то для себя? Что-то, что делает тебя счастливой и никак не связано с кем-то еще? — спросила доктор Томпсон, когда я в своей обычной позе забралась на ее безупречно-белой софу. Она смотрит на меня и затем дергает носом, как Саманта в старом телевизионном шоу «Моя жена меня приворожила». У моей мамы случался такой же нервный тик. Мы обычно шутили, что она делает это сознательно, чтобы приворожить всех нас.

Должно быть, ответить на вопрос доктора Томпсон просто. В смысле каждый время от времени делает что-то для себя, например, сделать маникюр, вздремнуть, посидеть в погожий день на улице с книжкой. Мне не должно быть так сложно вспомнить о чем-то, О ЧЕМ-ЛИБО, что я в последнее время сделала для себя. К

несчастьем, мне ничего не приходит в голову.

— Эддисон?

Доктор Томпсон сидит, скрестив руки на коленях, и ждет моего ответа. Но я не могу. У меня нет ответа. Я уже давно не делала ничего для себя, даже не могу вспомнить. Каждый день я управляю кондитерской. Убеждаюсь, что все счета оплачены, и у меня есть крыша над головой. Но я делаю это ради моей мамы, не для себя. Я делаю это, потому что этого хотела бы она. Каждый день я хожу на собрания группы анонимной поддержки. Предполагается, что они должны мне помогать, но на самом деле они нужны не мне. Они нужны моему папе, потому что ОН счастливее от того, что я хожу на них неделю за неделей.

— Я хочу, чтобы на этой неделе ты кое-что сделала. Что-то для себя. Что-то, что не приносит пользу никому кроме тебя. Что-то, что делает счастливее тебя, а не других. Как ты думаешь, ты сможешь это сделать?

Сидя на скамейке напротив кондитерской, я смотрю на заголовок желтого линованного блокнота, который лежит у меня на коленях, уже пять минут. На этой неделе я решила последовать совету доктора Томпсон, несмотря на то, что её предложения сильно меня раздражают. Я только что поставила партию бананово-ореховых маффинов в духовку. У меня есть двадцать пять минут, прежде чем мне нужно пойти вынуть их и собрать заказ. Двадцать минут посвящены только мне. Одна тысяча пятьсот секунд безмятежного времени я могу потратить на Эддисон. Как только доктор Томпсон это предложила, я уже знала, как проведу время. Я буду писать. Я буду писать, пока мои руки не устанут от ручки, и я буду писать, пока не иссякнут слова. Я напишу достаточно материала, чтобы заполнить сотню желтых

линованных блокнотов, и у меня еще останутся идеи для парочки следующих. Вот я сижу на скамейке на весеннем солнышке и не могу написать ни слова. Единственное, что крутится в голове — мысли о кондитерской и моих обязанностях. Что я не должна просто так сидеть здесь, когда у меня столько много дел. Возможно, я не уловила смысл упражнения: сделать что-то, что сделает меня счастливой и поможет мне выбраться из черной дыры, в которой я нахожусь уже долгое время.

Я закрыла глаза и постаралась подумать о чем-то радостном, никак не связанным со зданием за моей спиной. Это оказалось невозможным. Очень давно я возвела стену между моим сердцем и разумом, и теперь ничто не может ее сломать. Я пыталась почувствовать другие эмоции кроме оцепенения, но не смогла. Если я позволю хотя бы одному чувству взять верх, остальные хлынут потоком, и моя стена разрушится, и тогда я почувствую все. Я не могу себе позволить чувствовать. Я не могу позволить себе почувствовать силу тех эмоций, которые обрушатся на меня. Мне нужно управлять бизнесом и платить по счетам. В девятнадцать лет, в то время как мои бывшие друзья наслаждаются учебой в колледже и веселятся, у меня есть обязанности, которые я не смогу свалить на чужие плечи. Если я буду посвящать время себе, вокруг меня все рухнет.

Разочарованная собой и моим провалом по поводу «времени для себя», я открыла глаза и увидела, что сверху блокнота на коленях лежит салфетка с очень знакомым почерком. Почерк особо меня не удивил, что не скажешь о картинке, нарисованной после слов. На ней изображен человечек с распростертыми объятиями и надпись: «Мне

воooooooooooooooooooooooooоот так нравится, когда ты улыбаешься».

За несколько недель я привыкла видеть его каракули на салфетках, и я почти ожидала их и ждала с нетерпением. Так что записка больше не шокировала меня. Когда он встает из-за углового стола и идет к парадной двери, махая мне рукой, я задерживаю дыхание и заставляю бабочек в моем животе успокоиться, направляясь к его столу, чтобы убрать со стола и схватить записку, которая, я знала, ждала меня там. Я не ожидала увидеть на своих коленях что-то, настолько разбудившее воспоминания о моей маме, что у меня перехватило дыхание.

— Мам, мне семнадцать лет. Ты не должна собирать мне обед в школу, — я закатываю глаза, когда она вытаскивает салфетку из салфетницы и хватает ручку из ящика для мелочей.

— Чепуха. Если я не соберу для тебя обед, ты не поешь. Ты и так тощая. К тому же, если я не буду собирать его, то я не смогу писать записки, — улыбается она, рисуя привычного человечка на салфетке с распростертыми объятиями и надписью над ним «Я люблю тебя вооооооооот так».

— Готово. Отлично, — она держит салфетку в кулаке и прикалывает ее к коричневому бумажному пакету.

— Теперь можешь отправляться в большой злой мир старшей школы и сказать друзьям, что твоя мама до сих пор пишет тебе любовные записки и кладет их в твой обед.

Я качаю головой, вздыхая, выхватываю пакет из ее рук и иду к двери.

— Хорошо, что мои друзья знают тебя. В другом случае, было бы очень стыдно, — я кричу через плечо, направляясь к подъездной дорожке.

Раньше я притворялась, будто меня смущают ее подобные поступки. Но если честно, на самом деле, никогда. Они приносили мне чувство, что меня любят, и заставляли улыбаться. Сколько я её помню, она все время оставляла записки в моем обеде, в доме или в моей машине. Каждый год на День Святого Валентина она покупала мне плюшевого животного либо с сердцем в руках со словами «Я люблю тебя вооооооооот так», либо громко говорящего эти слова, если развести его лапы.

Мое сердце бешено билось в груди, и слова на салфетке на моих коленях расплывались от слез, наполнивших глаза. Я НЕ заплачу. Я отказывалась плакать. Если я начну, я никогда не остановлюсь. Если я подумаю о ней, я не смогу остановиться. Это будет нескончаемый поток воспоминаний и разговоров, который просто НИКОГДА НЕ ЗАКОНЧИТСЯ.

— Прекрати, прекрати, прекрати, пожалуйста, прекрати, — я снова и снова шептала себе, сильно сжимая глаза и мысленно считая, сколько десятков капкейков мне нужно сделать, чтобы выполнить заказ на следующую неделю в преддверии праздника танцев Отцов и дочерей в начальной школе. А также, сколько фунтов сахара, муки и масла нужно не забыть заказать, когда приедут из компании доставки на этой недели.

Мне не стоило никогда вспоминать об этом. Как только я увидела эти слова и человечка, мне стоило скомкать салфетку и выкинуть ее на улицу, до того как всплывут воспоминания. За последние полтора года я научила себя отключать все. Никаких воспоминаний, никаких эмоций, просто продолжать жить и притворяться, будто она никогда не существовала. Если я представляю, что её не было, я могу дышать. Если я представляю, что она не была настоящей, я смогу просыпаться каждое утро без ощущения, что мое сердце вырвали из груди.

— Эй, все в порядке? Эддисон, открой глаза.

Я слышу его голос рядом со мной, но я не могу открыть глаза и посмотреть на него. Я боюсь их открывать. Если я их открою, все окажется реальным. Я почувствую палящую жару солнца на моей коже и дуновение ветра на моем лице. Я буду знать, что это не сон. Я буду знать, что я проснулась в одиночестве. Я буду знать, что все это время я не спала, что она на самом деле ушла и никогда не вернется.

— Эддисон, ну, давай, открой глаза. Что бы ни было, все хорошо. Все в порядке.

Я почувствовала, как он обнял меня за плечи и притянул к себе. Мне хотелось расслабиться в его объятиях и принять комфорт, который он предлагал, но я не

могла избавиться от неподвижности тела. Я не привыкла прислоняться к кому-то фигурально или буквально. Я почувствовала запах его одеколona, и он напомнил мне встречу в лифте. Он напомнил, как у него получается заставить меня забыть обо всех проблемах, Я чувствую, что снова могу дышать. Я могу жить, потому что он заставляет меня забыть. Я просто хочу забыть. Я медленно открываю глаза и смотрю прямо в его голубые глаза, которые смотрят с тревогой и беспокойством.

— Как ты узнал, что я здесь? — шепчу я.

Он издает смешок и затем глубоко вздыхает, сильнее прижимая меня за плечи.

— Я зашел за моим кофе и, когда не увидел тебя, спросил у девушки за барной стойкой. По-моему, её зовут Мег? Она немного чокнутая? Он была готова вскарабкаться на барную стойку и запрыгнуть мне на спину или что-то в этом роде, когда я спросил про тебя. Я увидел тебя, как ты сидишь тут с закрытыми глазами, и подкинул записку тебе на коленки.

Его лицо осунулось, когда я неожиданно дернула плечами, освободилась из его объятий и отодвинулась на пару дюймов от него. Не потому что я хотела, потому что я должна была. Я не понимала, почему незнакомец захочет сделать что-то подобное для меня. Мое недоверие к людям заставило меня искать скрытые мотивы в его поведение. Но в то же время, из-за его уверенности и непосредственности в общении со мной, мне захотелось унять своего внутреннего защитника. Мой разум и мое сердце воевали друг с другом, и я уже сейчас могу сказать, что это будет война до победного. Один взгляд в его глаза и я захотела сбросить с себя любую ношу. За долгое время никто на меня так не смотрел. Будто ему есть до меня дело, и он хочет помочь мне. Никто не хотел помогать мне, никто не переживал, все ли у меня в

порядке. Они просто принимали меня сильной и независимой, так как я не показывала свои эмоции, а они и не догадывались. Зэндер едва знает меня, но он подсознательно понимает, что мне нужно чувство комфорта, даже если не догадывается почему. Мне хотелось сказать ему, чтобы он бежал от меня так быстро, насколько мог, потому что я сломлена. Самое смешное, что я не хочу, чтобы он уходил. Я не хочу делать ничего, что бы заставило его уйти, потому что я больше не хочу быть сильной. Я так устала быть сильной.

Зэндер потянулся и снял салфетку с моих колен также быстро, как я забыла о её существовании. Этот маленький клочок бумаги способен нанести столько вреда, и я забыла об этом только потому что он был так внимателен ко мне. Его занимал вопрос как мне помочь, вместо того чтобы заниматься своими делами, как все остальные.

Я отвела глаза и сфокусировалась на его руках, в то время как он начал рвать салфетку на кусочки.

— Почему ты это делаешь? — мягко спросила я, наблюдая, как сначала у человечка отрывается голова, затем он остается без ребер, и рваные кусочки приземляются на его бедра.

— Извини. Мне не стоило этого делать, — тихо говорит он.

Мне становится не по себе от того, что он каким-то образом знает, почему я расстроилась. Он знает, что в голове у меня кавардак, и я почти впала в панику из-за тупого рисунка на салфетке. Он знает, что у меня полным полно проблем, и ему стоит встать и уйти.

— Видимо мне стоит доработать свои художественные навыки. Этот человек

был отвратительный. Если бы кто-то вручил мне такого, я бы тоже расстроился. У него была слишком большая голова и глаза на выкате.

Он сказал это настолько серьезно, что мне показалось, что это самая смешная шутка, которую я слышала. Мне захотелось смеяться во весь голос, но это чувство было мне незнакомо. Я не смеялась во весь голос очень давно. Я прикусила губу, чтобы сдержать улыбку, пока он собрал в кучу разорванную на кусочки салфетку, сжал её в кулаке и поднял руку в воздух.

— Бог свидетель, мне никогда больше не следует рисовать человечков снова! — громко кричит он.

Злость исказила его лицо, и несколько прохожих перебежали улицу так быстро, как смогли. Это было последней каплей. Смех подошел к горлу до того, как я смогла его остановить. Этот звук был настолько странный, что я закрыла рот ладонью, чтобы его сдержать. Бесполезно.

— Не убегайте от своих страхов! Люди, плохо нарисованные человечки — это серьезно! — заорал он.

Он опустил руку и с улыбкой посмотрел на мое лицо, наклоняя голову в сторону.

— Только если ты обещаешь никогда не сдерживать этот смех, — мягко сказал он мне.

Я нервно сглотнула от сладости его слов, пытаясь не замечать притяжение к нему, стараясь относиться ко всему проще.

— Ты собираешь сказать что-нибудь смешное снова, типа «ты такая красивая,

когда смеешься»? — с улыбкой спрашиваю его, не веря в то, что этот парень способен заставить меня перейти от ощущения паники до истерического смеха. Власть, которой он обладает надо мной, должна меня пугать, но по какой-то причине не пугает. Он напоминает мне, каково это, забыть обо всех проблемах, смеяться, будто никто не видит. Он заставляет меня снова чувствовать себя живой.

— Я мог бы. Я известен тем, что тут и там разбрасываю смешинки.

Я покачала головой и взглянула на мои часы, осознавая, что у меня есть тридцать секунд, чтобы зайти внутрь и вытащить маффины из духовки.

— Мне надо идти, спасибо за... ну, просто... спасибо, — говорю я, вставая со скамейки и спеша в кондитерскую, пока я не выставила себя душой.

— ТЫ УМОПОМРАЧИТЕЛЬНАЯ, КОГДА ТЫ УЛЫБАЕШЬСЯ И СМЕЕШЬСЯ, ЭДДИСОН! — кричит он мне. Я издаю смущенный смешок, открываю дверь и вхожу. Я замечаю свое отражение в зеркале прямо при входе в магазин. Все что я вижу — это обычную девчонку. Я пять футов три дюйма ростом со скучными, каштановыми, вьющимися волосами ниже плеч, когда я не собираю их в растрепанный хвост. Мой нос усыпан веснушками и у меня мамыны глаза, которые я всегда считала своей единственной гордостью. Но Зэндер считает меня умопомрачительной. Он видит что-то, чего я никогда не видела.

Я не могу понять, как отключить своим мысли и найти время для себя и что-нибудь написать, но сейчас, кажется, это меня не очень беспокоит.

Глава 5

Возможность

— Я не могу сказать хорошо или плохо то, что ты чувствуешь, Эддисон. Я только могу дать тебе инструменты для принятия самостоятельного решения.

Загадочный ответ доктора Томпсон на мой вопрос о странной связи, которую я так рано почувствовала по отношению к Зэндеру, нисколько не помог. Я хотела, чтобы она сказала, что чувство комфорта, которое я испытываю рядом с ним, — это безумие, и бесполезно тратить время даже на мысли о нем.

— Ты чувствуешь, что он тот человек, которому ты сможешь доверять, в конце концов, и в котором ты будешь уверена? — спрашивает она.

— Понятия не имею. Я даже ничего о нем не знаю.

Доктор Томпсон слегка смеется над моим растерянным ответом.

— Тогда спроси его. Узнай его. Откройся кому-нибудь. Может быть, тебе так быстро стало комфортно в его компании от того, что он ничего о тебе не знает. Тебе не приходится беспокоиться, что он будет судить или жалеть тебя, — объясняет она.

— Вы так говорите, как будто он не стал бы делать ничего подобного, если бы все знал обо мне.

Доктор Томпсон пожимает плечами:

— Я не знаю, стал бы или не стал. И ты не знаешь. И никогда не узнаешь, если

не дашь ему шанс. Очень может быть, что он докажет обратное.

По ее словам кажется, что это так легко. Она не понимает, что оба варианта ужасают меня, больше чем я могу признаться. Что если он окажется тем, кому я смогу доверять? Что тогда? Я могу только навредить ему, когда он узнает, каким человеком я стала.

— Эй, ты в порядке? Я не видела, чтобы ты так улыбалась с тех пор как... хм, никогда не видела. Доктор прописала тебе другие таблетки или что? — с любопытством спросила Мег, пока я старалась скрыть улыбку с лица, даже этого не осознавая. Не могу сдержаться. Прошло две недели с того дня, когда я сидела на улице на солнце с Зэндером и смеялась сильнее, чем случалось за последнее время.

Независимо от того, насколько сильно я пыталась не думать об этом, я с радостью встала с утра и пришла в кондитерскую, зная, что я увижу его. Последние две недели он заходит каждый день, и, вместо того чтобы сидеть за своим привычным столом, он каждый раз стоит у барной стойки и наблюдает, как я работаю.

— Ну, что ты теперь делаешь? — спросил Зэндер, допивая кофе и засовывая стакан в мусорную корзину за прилавком.

— Ореховую макадамию с белым шоколадом, — говорю я и вычеркиваю блюдо из списка. Я только что закончила кокосовое печенье с шоколадом. Теперь они остывают на стойке рядом с ним.

Я повернулась к нему лицом и застала его, засовывающим два печенья в рот.

— Эй! Руки убери! — ругаюсь я, шлепая его по руке, которая тянется за следующим.

— Но ты поставила их прямо передо мной!

Он скрещивает руки на груди и надувает губы. Его рот неодобрительно изогнулся. Невозможно не засмеяться на тем, насколько драматично он себя ведет.

Я отодвинула поднос подальше.

— Я поставила их перед тобой, чтобы они остывали, а не для того, чтобы ты их слопал.

— Просто считай, что я контроль качества. Ты же не хочешь накормить покупателей плохим печеньем? Очевидно, что кто-то должен убедиться, что всё печенье объедение. Все в порядке, тебе не придется платить мне. Нескрываемая радость на твоём лице — достаточная благодарность.

Каждый божий день он оставлял салфетки, пока я не видела. И я все еще притворяюсь, что они раздражают меня, чтобы Мег не приставала ко мне. Тяжело изображать раздражение, когда вчера на салфетке было написано, что он любит мои ямочки на щеках, когда я улыбаюсь.

Я начала прикреплять каждую салфетку на пробковую доску в моей комнате, но я никогда об этом никому не расскажу. Я никогда не признаюсь, что каждую ночь после того, как я печатаю сообщение моей маме перед сном, я смотрю на записки и внимательно изучаю надписи на них. Я читаю каждое из них, перед тем как

забраться в кровать. По какой-то странной причине это помогает бороться с кошмарами. С тех пор как я получила первую салфетку от Зэндера, мне перестал сниться один и тот же повторяющийся сон. Мне снилось, что моя мама жива и не хочет иметь со мной ничего общего. Я больше не просыпаюсь посреди ночи в слезах, с немым криком в горле, пытаюсь стряхнуть остатки сна, в котором я преследую ее, зову по имени, а она не поворачивается и не хочет знать меня. Я потратила уйму времени на поиски значения этого сна в интернете, и все ответы наводили на меня ужас. Все эмоции, которые я так давно похоронила, перерастали в одну самую страшную: моей маме стыдно за мое поведение, и поэтому она не признает меня во сне.

Я не замечаю бесконечную болтовню Мег позади меня о грубом покупателе, который вчера приходил в магазин. Я смотрю на часы и размышляю, придет ли сегодня Зэндер вовремя или снова опоздает, как вчера. Я даже не знаю, чем он зарабатывает на жизнь. Или сколько ему лет. Или его фамилию. Боже, это сумасшествие, и, вероятно, мне НА САМОМ ДЕЛЕ нужно сменить таблетки. Мы разговаривали несколько недель и не поговорили ни о чем важном.

Над дверью звенит колокольчик, и я не могу сдержать улыбку на своем лице. Несмотря на то что Мег стоит рядом со мной и смотрит на меня с широко открытым ртом, потому что я практически подпрыгиваю от счастья, что вижу его. Зэндер отвечает на мою улыбку и подходит к стойке.

— Итак, приближается день рождения моей мамы, и я на самом деле хочу испечь ей пирог, — говорит он в качестве приветствия, пока я наливаю ему кофе.

Он садится на единственный барный стул по ту сторону прилавка. Мег специально принесла для него из кладовки на прошлой неделе.

— Ммм, да? — отвечаю я в замешательстве, не совсем понимая, почему он мне об этом рассказывает.

— Вот в чем проблема. Я могу сделать дюжину тостов с корицей и сахаром, а мои куриные нагетсы, приготовленные в микроволновке, — просто ПАЛЬЧИКИ ОБЛИЖЕШЬ. Но в остальном я беспомощен на кухне, — отвечает он с робкой улыбкой.

Он смотрит на кофе и занимается размешиванием сахара. Я вижу легкий румянец на его щеках и вдруг понимаю, что он смущается. Я не знаю почему, но это самое милое зрелище в моей жизни. Он всегда выглядит уверенным в себе, и это слегка пугает. Но в эту минуту он на моей территории и просит моей помощи в вопросе, в котором я чертов профи.

— Ты хочешь, чтобы я что-нибудь испекла для нее?

Он поднимает на меня глаза, и я не могу отвести взгляд от него, пока он закусывает нижнюю губу.

— Это будет жульничество. Она точно узнает, что я сжульничал, и мне придется вечно слушать об этом. Она до сих пор рассказывает всем историю о том, как я в садике пытался подкупить воспитателя шоколадным печеньем, чтобы та делала за меня домашнюю работу всю неделю. Имей в виду, магазин закупил шоколадное печенье. Представь, что она сделает, когда узнает, что я попросил

знакового профессионального повара испечь торт и выдал его за свой?! — он с ужасом смотрит на меня.

Он кладет ладони на прилавок, наклоняется вперед, ближе ко мне. Я задерживаю дыхание, когда он смотрит мне прямо в глаза.

— Научи меня печь. Помоги мне, Эддисон. Ты — моя единственная надежда, — он шепчет серьезно.

Я тяжело сглатываю и чувствую, как в груди учащается сердцебиение, пока он умоляюще смотрит на меня. Я даже не знаю, что он мне только что сказал. Все что я могу — это вслушиваться в его мягкий голос, даже если бы он просто повторял алфавит или читал телефонную книгу.

Неожиданно раздается громкий смех Мег, и я подпрыгиваю от неожиданности. Я даже не осознавала, что она все еще стоит рядом со мной, наблюдая весь этот обмен фразами. Я отхожу на шаг от прилавка и мысленно стряхиваю с себя состояние транса, в которое ввел меня Зэндер своим симпатичным лицом и красивым голосом.

Глупый симпатичный мальчик.

— О боже, ты в слово в слово процитировал Звездных войнов! Ты, мой друг, поднимаешься на вершину списка самых клевых, — говорит Мег, широко улыбаясь.

Она придвигается ко мне и обнимает меня левой рукой за плечи, а правой крепко закрывает мне рот.

— Эддисон с удовольствием научит тебя печь. Вечером магазин закрывается в шесть тридцать, поэтому приходи к шести сорока пяти. Просто постучи в заднюю дверь.

Я пытаюсь оторвать руку Мег и заговорить через руку, но она не дает мне этого сделать. Она усиливает свою хватку и наступает мне каблуком на большой палец ноги. Под её рукой я издаю болевой писк и посылаю ей злобный взгляд.

Зэндер переводит взгляд с одной на другую и смеется.

— Ну что ж, очень мило со стороны Эддисон предложить свои услуги. Мег, могла бы ты передать ей, что я очень признателен и буду здесь ровно в шесть сорок пять?

Он подмигивает и улыбается мне, перед тем как поднести чашку кофе ко рту и сделать глоток. Я забываю о своем сопротивлении и опираюсь на Мег. Мы вместе наблюдаем, как он встает с табурета, поворачивается и выходит из магазина.

— У этого парня клевая задница, — мягко вздыхает Мег, её рука все еще закрывает мне рот. Она забыла убрать ее, потому что очень занята разглядыванием всех прелестей. Я молчаливо киваю, соглашаясь с ее замечанием по поводу задницы. Мы обе стоим там в оцепенении, не сводя глаз с двери, в которую он только что вышел, пока на одной из духовок не срабатывает таймер. Меня возвращает к реальности осознание того, что Мег только что сделала. Я ударяю ее бедром и толкаю локтем, пока она не выпускает меня, издавая раздраженный болевой возглас.

— Эй, за что? — жалуется она, потирая бок.

— Ты издеваешься? ТЫ, ЧЕРТ ПОБЕРИ, ИЗДЕВАЕШЬСЯ? — Я ору на нее шепотом, чтобы посетители не слышали мое извержение. — Зачем ты это сделала? О боже, о боже, о боже!

Мег округляет глаза, глядя как я вышагиваю туда-сюда за стойкой, размышляя о том, как быстро я смогу сделать паспорт и уехать из страны.

— Серьезно, остынь. Он просто парень. Очень милый парень, которому без сомнения нравишься ты. Все утро ты ходила тут, витая в облаке счастья, и все из-за НЕГО.

Она подходит и встает прямо передо мной. Мне приходится прекратить свои маниакальные шаги и посмотреть на нее.

— Я и ты обе знаем, что жизнь дерьмо. В любую секунду может случиться что-нибудь дерьмовое. Мы обе просто сидим и ждем чего-то дерьмового. Когда случается что-то хорошее, нам стоит протянуть руку и схватить это, иначе наши жизни превратятся в гигантский ком ежедневного дерьма. Я устала от дерьма, Эдди. Давай, устань от дерьма вместе со мной.

Она вопросительно поднимает брови, глядя на меня. Я издаю вздох.

— Давай же, все твои друзья это делают, — говорит она со смехом, протягивает руку и треплет меня по плечу.

Я хихикаю над ее радостным энтузиазмом. Она проходит мимо меня и направляется обратно в кухню, чтобы вытащить капкейки, вероятно уже сгоревшие,

из духовки.

Она права. Я знаю, что она права. Жизнь — это постоянный риск. Никогда не знаешь, что случится дальше. Раньше мне нравился трепет незнания, что принесет жизнь и ощущение возбуждения по утрам от нового дня и всех возможностей. Теперь я провожу каждый день, скованная ужасом от мысли, что что-то плохое может случиться. Я просыпаюсь каждое утро, думаю о том, что же плохое случится дальше. Я больше не наслаждаюсь мелочами, потому что я знаю, что последует что-то огромное, что проглотит все мелочи и заставит их исчезнуть, будто их никогда и не было. В чем смысл наслаждаться этими мелочами, когда они вскоре исчезнут?

Я не знаю, Зэндер — это мелочь или что-то серьезное: возможность или обязанность. Я приняла решение исключить игру «угадай-ка» из моей жизни. Для этого я выключила эмоции и каждый день делала то, что должна. Неожиданно я поняла, насколько пустой стала моя жизнь. Меня до смерти пугала мысль о том, что мы проведем вечер наедине, и он станет задавать вопросы, на которые я не найду ответа. Но в то же время я чувствовала, как кипят нервы и бабочки порхают в животе. Эти ощущения не имеют никакого отношения к страху и на сто процентов имеют отношение к трепету перед неизведанным и его последствиям. Может быть, у меня все еще есть надежда.

Глава 6

Боль

— Верно ли утверждение, что каждый день ты ожидаешь, что люди вокруг собираются тебя предать? — спросила доктор Томпсон, перед тем как сделать глоток своего кофе из кафе Панэра.

Я пожала плечами, ковыряя ноготь.

— Конечно. Так легче, и это обоснованно.

Когда она не отвечает, я поднимаю глаза и радуюсь, что не вижу жалость на её лице. Единственная причина, почему я продолжаю ходить к доктору Томпсон, — она никогда не жалеет меня. Её беспокоит, что со мной происходит, но она никогда меня не жалеет. Терпеть не могу людей, которые меня жалеют, как будто я такая печальная, жалкая малышка, с которой нужно нянчиться.

— Объясни мне, чем это обоснованно, Эддисон? Я хочу понять, что творится в твоей прекрасной головке, когда ты думаешь о таких вещах. И прекрати ковырять ногти, — ругается она и ставит кружку на столик рядом с собой.

Я сразу размыкаю руки и с виноватым лицом опускаю их по швам на диван. Я обычно делала такое лицо, когда мама ругала меня за то же самое. Я раздраженно фыркаю и скрещиваю руки на груди.

— Смотрите, если ожидать, что люди облажаются, когда они ВСЕ-ТАКИ облажаются, это не так тяжело. Они повели себя именно так, как я и думала. Я не удивлена и могу просто жить дальше. Если я буду витать в облаках каждый день, считая, что никто меня не подведет и никогда не навредит, довольно скоро они

покажут своё истинное лицо и разочаруют меня. Легче просто принять тот факт, что только мне есть дело до меня.

Я закончила свои объяснения и ждала, что она скажет как я не права начёт жизни, насчет окружающих, насчет своего мировоззрения. Как и каждую неделю. Хотя она никогда не делает то, чего я от неё жду.

— На твоём месте я бы поступала точно также. Сложно в таком юном возрасте так часто проходить через предательство близких людей именно тогда, когда они тебе больше всего нужны. Просто попробуй, окажи мне услугу. Не будь предвзятой. Иногда люди могут удивить тебя.

Кажется, меня сейчас вырвет от нервов. Я повесила табличку «закрыто» на входную дверь. После этого я посмотрела на часы уже сотню раз. Стук в заднюю дверь раздаётся раньше, чем я успеваю передумать и убежать из здания. Наскоро осмотрев кухню, чтобы убедиться, что вокруг не большой разгром, я делаю несколько глубоких вдохов, подхожу к двери и открываю засов.

— Я принес тебе цветы, — улыбаясь, говорит Зэндер, когда я открываю дверь. Я смеюсь и чувствую облегчение, когда он вытаскивает из-за спины два пакета муки и протягивает их мне.⁸

— Вау, очень романтично с твоей стороны, — говорю ему.

Я поежилась и тут же захотела забрать свои слова назад. Почему я сказала «романтично»? Это не свидание. Ничего общего с романтикой. Он не пригласил меня куда-нибудь. Он попросил помочь. Большая разница. Я учу его печь. Вот и все. Он даже не обратил внимание на выбранные мной слова и не заметил, что творится у меня в голове из-за одного слова. Он просто вручил мне пачки муки и прошёл на

кухню.

Я закрываю заднюю дверь и поворачиваюсь, чтобы поставить муку на деревянный помост посреди кухни, игнорируя его пристальный взгляд. Он наблюдает, как я передвигаюсь по кухне. Я знаю, что если посмотрю на него, то буду выглядеть идиоткой. Я подхожу к док-станции моего iPod и включаю обычную рок-радиостанцию Пандора, переключив с радиостанции, где разъяренные чики поют рок. Что-то подсказывает мне, что Зэндеру не понравится слушать кучку женщин, орущих о том, как они ненавидят жизнь и что все мужики мудаки.

— Меньшее, что я мог сделать — принести муку. Ты спасаешь мою задницу, помогая мне.

Он подошел и встал рядом со мной, пока я расставляла миски для теста, мерные стаканчики и все необходимые для пирога ингредиенты.

— Где готовая смесь для пирога? — растерянно спрашивает он и поднимает жестяную банку разрыхлителя, глядя на нее.

— Готовая смесь для пирога? Не произноси подобных вещей здесь. Это богохульство. Зачем ты принес муку, если думал, что мы воспользуемся готовой смесью? — со смехом спрашиваю его. Пока я расставляю ингредиенты на столе, он продолжает стоять и в страхе смотреть на меня.

— Ты работаешь в кондитерской, я подумал, мука всегда пригодится. Я старался быть милым и мыслить за рамками головной коробки. Но не за рамками коробки с готовой смесью для пирога. Я уже не успею купить маме украшение или подарочный сертификат в спа? — в панике спрашивает он.

— О, не торопись. Все получится. Мы делаем пирог сами, потому что это самый

лучший способ.

Я поровну поделила ингредиенты на столе.

— Ты не забыла маленькую деталь? Я не умею готовить. Это все плохо кончится, — нервно говорит он. В это время протягиваю ему два яйца и указываю на миску для замешивания.

— Ты упустил маленькую деталь — я управляю кондитерской. Все будет офигенно. Меньше слов, больше сосредоточенности, — говорю я и руками показываю, чтобы он повторял мои движения. Разбиваю яйца и отмеряю сахар, муку, масло, разрыхлитель, ваниль и молоко. Я даю ему деревянную ложку, и мы в тишине замешиваем тесто. Я думала, что буду чувствовать дискомфорт наедине с Зэндером. На самом деле это не так. Кроме моей оговорки по поводу «романтичности», рядом с ним я чувствую что угодно, кроме нервоза. Мне комфортно рядом с ним. Играет тихая музыка, наши руки соприкасаются время от времени, пока мы добавляем ингредиенты и замешиваем тесто. Он действует на меня успокаивающе. Это ощущение кажется знакомым. Раньше я этого как-то не замечала. Каждый раз когда он говорит, в моем сознании что-то отзывается. Как будто воспоминания пытаются прорваться сквозь туман, но я не могу их поймать. Я не обращаю внимания на ноющее возбуждение и позволяю себе хотя бы раз просто жить, не беспокоясь ни о чем. Мы разговариваем на обычные темы: любимые знаменитости, фильмы, книги, места, которые хотели бы посетить. Между разговорами я инструктирую его и делюсь секретами готовки. Кажется таким естественным находиться с ним, беззаботно болтая и практикуясь во флирте.

К сожалению, у вселенной есть забавный способ узнавать, когда я позволяю

унять своего внутреннего охранника. Как только я собираюсь спросить Зэндера о его работе, мой iPod начинает играть навязчивую мелодию — ту, которая мне слишком знакома.

— Это отличная песня. Ты слышала версию в исполнении Джона Кэша? — спросил Зэндер.

Я слишком занята. Меня затягивает воспоминание. Воспоминание, из-за которого я роняю свою миску с маслом. Я сжимаю руки на груди, чтобы успокоить боль в сердце и остановить воспоминание о том дне, о котором я стараюсь никогда не думать. Теперь невозможно выключить мой внутренний переключатель эмоций и все отключить. Рядом с Зэндером мой переключатель сломан.

Я включаю громкость в моей Honda Civic на полную. Мы с моей лучшей подругой едем в школу. Я за рулем. Прошлой ночью мы ночевали у неё дома. Вчера был последний учебный день перед рождественскими каникулами, поэтому мама разрешила мне остаться у нее на ночь.

— О боже. Я ненавижу эту песню. Она очень депрессивная. — Кейси перекрикивает музыку.

— Ты больная! Это же Hurt группы Nine Inch Nails. Она офигенная! — возражаю я и начинаю подпевать.

На половине припева, когда играет самая тихая часть песни, посреди приборной панели звонит мой мобильный телефон. Я торможу возле знака «стоп» и хватаю телефон, замечая три пропущенных вызова от папы.

— Привет, папа. Что случилось? — поднимаю трубку и делаю громкость тише.

— ЕЁ БОЛЬШЕ НЕТ! О БОЖЕ, ЕЁ БОЛЬШЕ НЕТ! — мой папа кричит в трубку. Я никогда не слышала, чтобы папа так кричал. Мой желудок скручивает, когда я слышу всхлипы в его голосе, пока он кричит и плачет.

— Папа, о чем ты горишь? Что происходит?

Кейси наклоняется и вопросительно смотрит на меня. Я только качаю головой. Понятия не имею, что происходит. Я до смерти напугана.

— Твоя мама, о боже, думаю, твоей мамы больше нет. О боже. Господи, помоги мне, — плачет отец.

— ЧТО? Папа, о чем ты говоришь?

Мои руки трясутся. Я чувствую, как Кейси обхватывает меня за плечи.

— Я не могу разбудить её, Эддисон. Я думаю, она умерла. О господи Иисусе. О боже.

Я задерживаю дыхание и сильно сжимаю челюсть, чтобы не сорваться в трубку. Он в истерике, и я не могу понять, что он говорит.

— Я еду домой. Прямо сейчас я еду домой. Хорошо, пап? Я скоро буду дома! — заверяю его.

Он продолжает плакать и несвязно бормотать о том, что её больше нет. В ухе раздаётся сигнал отсоединения. Я смотрю на телефон.

Этого не может быть. Это не правда. Вчера вечером я видела её, и она была в порядке. Она была здорова и отлично выглядела. Мы разговаривали о рождественском печенье. На прошлой неделе она получила результаты терапии от своего онколога. Все чисто. Мы отпраздновали вторую годовщину её ремиссии. Это неправда, неправда, неправда.

— Эддисон, что случилось?

Я подпрыгиваю от голоса Кейси. Я забыла, что она в машине. Я медленно поворачиваюсь к ней и смотрю на неё. Я не хочу произносить это в слух, не хочу поверить в реальность происходящего.

— Думаю, мамы больше нет. Я... я думаю, она умерла.

Кейси задерживает дыхание и глазеет на меня. Слезы скатываются по её щекам. Я не могу плакать. Я не могу поверить, что это правда. Это неправда.

— Это неправда, неправда, неправда, — шепотом повторяю себе.

Мой мобильный снова звонит, и я незамедлительно поднимаю трубку. Всем сердцем надеюсь, что это чья-то жестокая шутка, что кто-то подшутил надо мной.

— Эддисон, этот тётя Кэти, — мягко говорит тётя. Я слышу слезы и печаль в её голосе, но не обращаю на это внимание.

— Что происходит? Ты говорила с папой? Это не правда, да?

Моя тётя всхлипывает, и я сжимаю глаза.

— Тебе нужно приехать домой, дорогая.

Я передаю телефон Кейси, даже не отвечая ей. Я слышу, как Кейси мягко разговаривает с моей тётей, но не обращаю на это внимание. Песня все еще играет по радио. Я слышу лишь слова Кейси о том, что она слишком депрессивная, сказанные минуту назад.

Все, кого я люблю, в конце концов, умирают.

Я наклоняюсь, кладу голову на руль и кричу так громко, насколько могу. Я кричу, пока не срываю голос. Я кричу, пока я не перестаю слышать все кроме собственного голоса, отдающегося в голове.

— Эддисон, эй, ты в порядке. Шшш, ты в порядке. Я здесь, Эддисон.

Успокаивающий голос Зэндера над моим ухом возвращает меня в реальность. Что-то есть в этих словах. По телу бегут мурашки о того, как он это произносит. Он уже говорил эти самые слова раньше. Я уверена. Но это невозможно. Я помню каждый наш разговор, каждое произнесенное слово. Что происходит со мной? Что со мной не так?

— Кажется, я схожу с ума, — шепчу ему, наконец, обретая голос. Моё горло саднит, и я смущаюсь. Мне знакомо это чувство. Должно быть я кричала.

— Все в порядке. Все мы немного сумасшедшие, — он нежно уверяет меня, притягивает меня к себе и целует в лоб.

Неожиданно я замечаю, что мы сидим на полу кухни в луже смеси ингредиентов для пирога. Мои джинсы измазаны смесью. Так как Зэндер рядом со мной, его джинсы и обувь тоже в смеси. Я в ужасе от того, что это снова произошло. У меня давно не было подобных приступов. А за время знакомства с Зэндером это случилось дважды.

— Извини, о боже, извини. Я такая идиотка, — стыдливо заявляю. Глаза щиплет от слез. Я высвобождаюсь из его объятий и пытаюсь встать, чтобы убежать и спрятаться где-нибудь в туалете и никогда больше с ним не встречаться.

К несчастью, ноги скользят на скользкой смеси, которая покрывает пол, и я приземляюсь обратно на попу. От моего падения смесь забрызгивает футболку Зэндера.

Я в ужасе смотрю на его футболку и наблюдаю, как он медленно переводит взгляд на футболку. Протягивая руку, я стараюсь вытереть футболку. Я забыла, что

при падении измазала руки. Вместо помощи, я делаю только хуже, еще больше размазываю жир по футболке.

— О нет, — шепчу в отчаянии. Чувствую, как дрожит подбородок и понимаю, что если я не уйду прямо сейчас, я разрыдаюсь. Я НЕ буду плакать у него на глазах.

Этот вечер только что превратился из плохого в самый худший в истории. Сейчас он встанет и быстро убежит. Останется только облако пыли. Мне будет легче больше никогда не встречаться с ним. Я забуду этот ужасный кошмар, как у меня случился нервный срыв у него на глазах, и я облила его смесью для кекса. Даже мысль об этом вгоняет меня в депрессию.

— Ну, теперь ты попала, — наконец негромко произносит Зэндер и поднимает глаза на меня. Я кусаю губу и жду, что он скажет, какая же я дура. Вместо этого его рот искривляется в грозной ухмылке. Я не успеваю извиниться перед ним, он зачерпывает горсть смеси и размазывает по моему лицу.

Я в шоке открываю рот. Холодная жидкость стекает по лицу и капает в мой V-образный вырез футболки.

Зэндер хихикает над выражением моего лица. Не понимая, что делаю, я быстро собираю смесь у ноги и, повторяя его движения, с маниакальным смехом размазываю масло по его щеке. Для меня ситуация настолько сумасшедшая, что я даже не могу её понять.

Мы сидим, молча уставившись друг на друга с широко распахнутыми глазами, пока оба не раздражаемся диким хохотом. Каждый старается собрать побольше смеси с пола и швырнуть друг в друга. Я начинаю визжать и смеяться, когда горсть приземляется мне на голову, а Зэндер взвизгивает, когда я приближаюсь и провожу

масляной рукой по его волосам.

— О боже, ДЯДЯ! ДЯДЯ! Мне в глаз попала смесь для пирога! — смеясь, жалуется Зэндер, глядя на свои масляные руки в знак капитуляции.

— Заткнись! У меня смесь в ухе! — хихикая, отвечаю я.

Он вытирает руки о свои джинсы и протягивает руку, чтобы тыльной стороной ладони стереть смесь с моей щеки. Он прикасается к моей коже, его рука теплая и мягкая. От его прикосновений я тут же чувствую себя желанной. Так долго я жаждала, что кто-нибудь проявит ко мне такого рода внимание. Этот простой жест наполняет меня неожиданным чувством признательности и ощущения, что он обо мне заботится. Когда он почти все стер, он не убирает руку. Вместо этого он кладет её мне на щеку и проводит большим пальцем по скулам.

Я тяжело сглатываю и задерживаю дыхание. Он смотрит мне в глаза и медленно переводит взгляд на мои губы. Я быстро провожу по ним языком и слышу, как он издает низкий рычащий гортанный звук.

— Я очень хочу поцеловать тебя прямо сейчас, — шепчет он, не сводя взгляд с моих губ.

Моё сердце бешено колотится в груди. Мне следует сказать нет. Мне следует сказать, что ему не стоит связываться со мной, потому что это плохо кончится. Мне следует сказать, что он слишком хороший, чтобы путаться со мной. Мне следует сделать слишком много вещей, но сейчас я не могу ничего, кроме как медленно кивнуть головой в ответ на его слова.

— Окей, — мягко отвечает он.

Он медленно придвигается ко мне. Я закрываю глаза. Ожидание почувствовать

его губы на моих слишком велико, чтобы смотреть на него. Я чувствую его дыхание и первое нежное прикосновение его губ. По позвоночнику пробегает дрожь. Его губы мягкие и теплые, он прижимает их к моим. Я выдыхаю ему в рот, когда он обнимает меня за талию и кладет меня на пол рядом с собой. Все плохие мысли улечиваются, и ничто не беспокоит меня сейчас кроме Зэндера: прикосновения Зэндера, губы Зэндера, руки Зэндера... Он повсюду и заставляет все плохое исчезнуть. Он засовывает язык глубже и издает гортанный рык, сильнее сжимает мою талию. Мои руки обвивают его шею, и я отвечаю на поцелуй всеми силами. Я вкладываю в этот поцелуй каждое чувство, каждую мысль, каждую эмоцию.

— Эддисон! Что, черт возьми, происходит?

Злой голос моего отца разрезает туман удовольствия, которое поглощает меня и Зэндера. Я быстро отстраняюсь от него.

В шоке я смотрю на отца. Он стоит в дверях кухни, раздраженно глядя на нас с Зэндером. Предполагалось, что он пробудет в реабилитационном центре еще две недели. Осознавая, что он в очередной раз сбежал, чувствую, как меня охватывает волна ярости.

В этот момент в голове неожиданно всплывают слова Зэндера. Он сказал: «Это кончится плохо». Интересно, знал ли он, как он был прав.

Глава 7

Время, и еще раз время.

— Эддисон, может быть, на этот раз он действительно начинает жизнь с чистого листа?

В ответ на замечание доктора Томпсон я округлила глаза и скрестила руки на груди.

— Ты не веришь, что человек может измениться? — видя раздражение на моем лице, она старается говорить мягко.

— Кто знает. Исходя из моего небольшого опыта, не похоже, что люди способны меняться к лучшему. Никто не отвечает за свои слова, никто не исполняет своих обещаний.

Я снимаю невидимую пушинку со своей футболки, пока доктор Томпсон что-то записывает в блокнот. Когда-нибудь мне нужно будет подойти к ней и вырвать эту штуку у неё из рук, чтобы посмотреть, она на самом деле пишет что-то или просто играет в крестики-нолики сама с собой.

— Верно. Не каждый человек будет поступать так, как ты ожидаешь. Иногда люди будут тебя предавать. Иногда, хотя они будут говорить, что любят тебя, своими поступками они докажут обратное. Тебе просто нужно решить, есть ли для них место в твоём сердце. Место, чтобы впустить их и показать, что ты от них ждешь. Те, кого мы любим, не могут залезть к нам в голову, как бы нам этого не хотелось. Если они не знают, чего мы хотим или что нам нужно, они никогда не смогут дать нам этого.

Я уже знаю, чего хочу от моего отца. Я хочу, чтобы он вел себя как настоящий мужчина и отвечал за свои поступки. Я хочу, чтобы он вернулся назад, стер все свои неправильные решения и забрал назад все обидные поступки, которые он делал, из-за которых я превратилась в того, кем являюсь сейчас.

Хотя я знаю, что это невозможно. И, честно говоря, я не уверена, что у меня хватит сил освободить для него место в голове. Это место занято моими обязанностями, с тех пор как он слетел с катушек.

Зэндер быстро встает с пола, берет меня подмышки и помогает мне подняться. Мой отец стоит в дверях и переводит взгляд между нами. Неожиданно его глаза останавливаются на лице Зэндера, минуту он смотрит на него в замешательстве, щуря глаза и изучая его лицо, пока Зэндер не отводит глаза.

— Мы знакомы? — спрашивает мой отец, разрушая неловкую тишину, которая повисла в комнате.

Зэндер неловко смеется и не смотрит в глаза папе. Он вытирает руки об штаны.

— Ага, люди постоянно так говорят. Думаю у меня стандартное лицо.

Он поворачивается ко мне лицом и мягко говорит, чтобы отец не слышал:

— Я лучше пойду. Я позвоню позже.

Я вопросительно смотрю на него, пытаюсь вспомнить, давала ли я ему номер.

— Мег выдала мне твой номер телефона, когда я заходил последний раз. Я не звонил без предупреждения, чтобы не показалось, что я и правда тебя преследую, — тихо говорит он, на лице блуждает милая улыбка. Он разворачивается и быстро проходит мимо отца с опущенной головой.

— Сэр, — на прощание бормочет он моему папе, проносясь мимо него и

выбегая через заднюю дверь.

Я жду, пока за Зэндером закроется дверь, и лишь потом смотрю на отца. Я злюсь от того, что он здесь. Я злюсь, потому что я так мало времени провела с Зэндером, особенно после того как я только что испытала самый лучший поцелуй в моей жизни. Я злюсь от того, что из-за него Зэндер почувствовал себя неловко. Я зла, сбита с толку и вся покрыта смесью для пирога.

Я хочу, чтобы он ушел. Моя жизнь хороша без него. Я привыкла, что его нет. Я привыкла к своей повседневной жизни. Его возвращение введет суматоху.

— Что ты здесь делаешь?

В моем голосе я даже не стараюсь скрыть презрение. Мне надоело скрывать от него свои мысли. Это точно не помогло ему раньше, может быть, до него дойдет, если он узнает, как сильно я не хочу, чтобы он был здесь и насколько он мне здесь не нужен.

— Я недавно выписался из реабилитационного центра. Моя помощница сказала, что я преуспел, и она уверена, что у меня есть все инструменты, чтобы быть здоровым. И вот я здесь, — улыбаясь, говорит он мне.

Будто это так просто. Как будто какой-то незнакомец, который не жил с ним и день ото дня не боролся с его зависимостью, может на самом деле оценить его всего после нескольких недель. Каждый раз, когда он попадает в реабилитационный центр, ему дают нового помощника. И каждый раз эти идиоты считают, что они его вылечили. Я уверена, что сейчас тоже самое.

— Теперь у меня все под контролем, Эддисон. На самом деле под контролем. Я вздыхаю и отворачиваюсь от него, подхожу к раковине, чтобы помыть руки. Я не

могу смотреть на него прямо сейчас. Несмотря на то, что в прошлом году я научилась не верить ни единому слову, которое он произносит, он до сих пор знает, как заинтересовать меня. Он до сих пор знает, что нужно сказать, чтобы голосок в моей голове сказал «Может быть, он прав. Может в этот раз он на самом деле справится.»

Я недовольна собой за то, что я вообще позволила этому голоску что-то сказать. Он столько раз ошибался, что пришло время ему отвалить.

— Я собираюсь быть с тобой. Я собираюсь принять на себя все обязательства в магазине, и все снова станет на свои места, — настоятельно говорит он.

На места? Как будто он знает как это. С тех пор как мама умерла, у нас все ненормально, и мне сложно поверить, что когда-нибудь все вернется на круги своя.

Я вытираю руки о полотенце и принимаюсь вытирать пол. Мой отец подбегает ко мне и забирает из рук полотенце.

— Давай, я все сделаю. Иди и закончи уборку. А я здесь разберусь.

Я вырываю полотенце, сажусь на корточки и начинаю мыть полы.

— Нет, я сама. Как обычно.

Я слышу, как отец вздыхает в поражении. Он стоит надо мной и наблюдает. Я хожу туда-сюда: вытираю пол, подхожу к раковине, чтобы выжать полотенце, пока не вытираю всю смесь с пола.

— Пожалуйста, Эддисон. Позволь мне помочь тебе. Дай мне шанс, — умоляет он и кладет несколько мисок и мерных стаканчиков в раковину.

Я поворачиваю голову к нему и скрещиваю руки на груди. Мои руки трясутся от ярости. И если я не прижму их к телу, я выкину что-нибудь глупое. Например, кину

в него вторую миску со смесью.

— Я давала тебе сотни шансов. Сотни. И каждый раз ты швырял мне в лицо мою веру и мое доверие, как будто они ничего не значат, — злобно говорю ему.

— Я знаю, поверь. Я знаю. Я четко понимаю, что мне нужно тебе многое доказать. И я докажу, Эддисон. Я клянусь, что докажу тебе, что ты сможешь мне доверять.

Голос в моей голове наконец-то молчит. Наверное, он тоже устал от всего этого дерьма.

— Я иду домой, — говорю я ему, не отвечая на его пустые обещания. Я отворачиваюсь и иду к двери, оставляя грудку грязных тарелок в раковине. Обычно я на ночь никогда не оставляю беспорядок на кухне. Я не хочу мыть их с утра. Сейчас я хочу убратсья отсюда, подальше от моего папы. Посуде придется подождать.

— Почему бы тебе просто не поехать домой со мной? Мы сможем вернуться завтра, и ты заберешь машину, — говорит он, в последний раз пытаюсь выбить немного времени, чтобы побыть вместе.

До меня доходит, что папа не знает, что я больше не живу в доме моего детства. Он понятия не имеет, что я не смогла ни дня оставаться в том доме. Потому что мне везде мерещилась мама, но я нигде ее не находила. Он понял это в день, когда она умерла. После похорон мы вернулись домой. Пока члены семьи и друзья заходили и приносили еду и другие ненужные вещи, которые, по их мнению, могли излечить наши разбитые сердца, мой отец начал убирать все мамины вещи. Одежду, обувь, украшения, фотографии, безделушки — все, до чего она дотрагивалась, было немедленно упаковано в коробки и убрано с глаз долой. Любой след моей матери

был стерт, и к концу дня казалось, что её никогда не существовало.

— Я больше не живу в том доме. У меня есть квартира возле торгового центра, — говорю я ему, хватая сумку с прилавка и пытаюсь найти в ней ключи.

— Что? Что значит, ты там больше не живешь? — в замешательстве спрашивает отец.

Наконец я нахожу ключи, поворачиваю замок и открываю дверь.

— Я имею в виду, что я там больше не живу, — злобно говорю ему. Мне стоит просто уйти и закончить на этом разговор, но я не могу. Я всегда была из тех людей, которым нужно удостовериться, что их поняли. Мне нужно убедиться, что последнее слово за мной. Хотя бы одна черта моего характера не изменилась.

— Ты стер все следы ее присутствия в доме. Какого черта я захочу там жить? Мне даже не нужно произносить её имени. Он заметно вздрагивает при упоминании о ней.

— Я все спрятал под замок, — говорит он, отворачиваясь и подходя к выключателю на стене. Он выключает весь свет. Горит только лампочка сигнализации над задней дверью.

— Я хочу, чтобы завтра ты взяла выходной. Я обо всем позабочусь здесь. Как обычно, когда я упоминаю её, он переводит тему. Он не хочет говорить о ней. Он не хочет знать её. И он спрашивает, почему я такая. Почему я стала другим человеком, почему я закрылась.

Я научилась у него. Я знаю, как отключить боль.

— Нет, я работаю завтра. Ты понятия не имеешь, что нужно делать. Он поднимает бровь и старается превратить все в шутку.

— Дорогая, я владелец этого магазина. Я работал здесь несколько лет и знаю, что нужно делать. Я уверен, что твой старик справится со всем, пока ты будешь веселиться с друзьями и побудешь обычным подростком.

Он улыбается мне. Но я не разделяю его радость. Ему в голову не приходит, что я не помню, как быть подростком и веселиться. Как будто он не помнит все свои обязанности, которые он повесил на меня за прошлый год.

— Я собираюсь намного чаще быть рядом с тобой, Эддисон. Я собираюсь доказать тебе, что я смогу, — мягко обещает он. Я разворачиваюсь и выхожу.

— Я поверю тогда, когда увижу, — бормочу громко, чтобы он услышал до того, как за мной захлопывается дверь.

После того как я стянула с себя всю липкую одежду и долго стояла под горячим душем, я села за компьютер и включила его. Я залезла на Фейсбук, на её страницу, чтобы напечатать ей мое обычное полуночное сообщение.

Дорогая мама!

Я мечтаю о том, чтобы ты была рядом. Ты единственная, кто меня понимает. Единственная, с кем я могу обо всем поговорить. Я скучаю по тебе. Каждый божий день, каждую секунду.

С любовью, Эддисон.

Я отправляю сообщение, выключаю компьютер, забираюсь в кровать и смотрю на записки, прикрепленные к доске. Я думаю о словах отца и размышляю о том,

сколько пройдет времени, прежде чем я начну нюхать его бутылки с водой в поисках водки и проверять его чеки в кошельке в поисках чеков из алкогольного магазина. Я задумываюсь о том, насколько меня хватит. Я думаю, когда же это произойдет на этот раз. Я уверена, что произойдет. Если бы я была настолько сильной, чтобы вычеркнуть его из моей жизни навсегда и никогда о нем не думать. Мои веки тяжелеют. Прежде чем я успеваю заснуть, мой мобильный телефон вибрирует на столе рядом с кроватью.

На телефоне незнакомый номер, и моё сердце бешено колотится в груди. Я знаю, что это Зэндер. Я возбуждена от того, что он сдержал свое обещание и позвонил. В то же время я нервничаю после того, что случилось. У меня был нервный срыв, он поцеловал меня, и затем явился мой отец, и все стало неловко. Я не уверена, что готова говорить с ним о моем отце. Я не уверена, что готова впустить его в ту часть моей жизни, которую так долго скрывала.

Я быстро дотягиваюсь до телефона и поднимаю трубку, подношу её к уху и зарываюсь поглубже под одеяло.

— Я не разбудил тебя?

Мягкий голос Зэндера вызывает улыбку, и я забываю о своих мыслях, которые тревожили меня минуту назад.

— Нет, но я уже в кровати, — улыбаясь, говорю ему.

Он так долго молчит на том конце, что я отрываю телефон от уха, чтобы посмотреть, не сорвался ли звонок.

— Зэндер? Ты тут? — спрашиваю, убедившись, что звонок не сорвался.

— Извини, я потерял нить разговора, когда ты сказала, что ты в кровати.

Я смеюсь над его словами и чувствую, как краснеет лицо. Я радуюсь, что я разговариваю с ним по телефону, и он не может увидеть мою реакцию на свои слова.

— Клянусь, я не буду спрашивать, что на тебе надето. Наверное. Я думаю. Окей. Я постараюсь, но извини, я не могу ничего обещать, — смеется он.

Я кусаю губу и, хотя я понятия не имею что делаю, решаю поддержать этот разговор. У меня никогда не было времени на отношения. И даже если было, я намеренно избегала их. У меня никогда не было парня, чтобы я могла почувствовать себя свободно, флиртовать и дразнить его. Закрывая глаза рукой и стараясь подавить свое смущение, я делаю попытку.

— Как насчет того, чтобы тебе не пришлось отказываться от обещаний? На мне розовые шорты и топ на бретелях в тон шорт. И я лежу под одеялом. А, и я без лифчика, — смело говорю ему, все еще сжимаю глаза, повинаясь своему порыву.

— О боже, — он шепчет в трубку. — Милая, ты меня убьешь. Мои глаза вылезают на лоб, когда он называет меня милой. Единственным человеком, который меня так называл, была моя мама. Она всегда звала меня Милашкой.

— Хорошего дня, Милашка!

— Привет, Милашка, хочешь помочь мне с шоколадным тонким печеньем?

Я не чувствовала такого давно и почти забыла каково это, слышать как Зэндер называл меня похожим именем, таким, какое мама использовала, чтобы я почувствовала себя особенной и уникальной. Я быстро поняла, что мне нравится, как это звучит на губах Зэндера. Это не очень удивительно, так как мне нравится все, что он делает губами. Особенно после того, как он поцеловал меня в

кондитерской. Несмотря на ссору с отцом, я могла думать только о том поцелуе.

— Вообще, мне нужно кое о чем тебя спросить. У меня такое чувство, что мой вопрос либо заставит тебя повесить трубку, либо ты решишь, что я сошел с ума, — наконец произносит он.

Мой внутренний охранник занимает свое место, как только он произносит эти слова. Я нервничаю. Он собирается спросить меня о моем отце, о том, кто он и почему я их не познакомила или почему он несколько месяцев не появлялся в кондитерской (даже до того как мы заговорили). Он никогда не видел моего отца. Но как обычно, Зэндер удивляет меня.

— Ну, в эти выходные в доме моих родителей намечается небольшой семейный ужин по случаю маминого дня рождения. И так как ты настолько обалденно научила меня швыряться смесью для пирога, я подумал, что единственный правильный вариант — это пригласить тебя. Я смогу показать свои безумные метательные способности, — объясняет он.

Он точно сумасшедший. Я все еще в шоке, что он не убежал от меня после моей истерики. Я едва ли поверила, что он захотел поцеловать меня и позвонил, сдержав обещание. И теперь он хочет познакомить меня с родителями?

— Не думаю, что это хорошая идея, — нервно отвечаю.

— Извини, но это не просто хорошая идея, это гениально. Если я испеку пирог, и он будет похож на подошву от кроссовок, ты сможешь спасти ситуацию. Хорошо, теперь все понятно. Он не хочет, чтобы день рождения мамы прошел без торта. Если он приведет личного повара, он сможет быть уверен, что такого не произойдет. Может быть, тот поцелуй для него не так много значит. Мне не

нравится то чувство незащищенности, которое заполняет мою голову, пока я теряюсь в догадках, что же происходит между нами. Я не привыкла чувствовать себя настолько нужной и похожей на девочку.

— Плюс, я очень хочу, чтобы ты была там. Я хочу проводить с тобой больше времени и я хочу познакомить тебя со своей семьей, — мягко говорит он, после того как я уже убедила себя, что он позвал меня только, чтобы испечь маме пирог.

Я молчу какое-то время. Что мне сказать? Возможно, это не лучшая идея приглашать меня к другим людям, потому что я не совсем нормальная?

— Пожалуйста, Эддисон. Я хочу, чтобы ты была там. Его голос такой серьезный и милый, что я готова согласиться на все, о чем он попросит. Я поспешно принимаю его приглашение и молю бога, чтобы это не стало самой большой ошибкой в моей жизни.

Глава 8

Приятное забвение

— Нет ничего постыдного в том, что ты принимаешь лекарственные препараты, Эддисон. Многим людям нужно чуть-чуть чего-нибудь, чтобы справиться с депрессией. Это не означает, что ты слабая. Это просто значит, что тебе нужна небольшая стимуляция. Ты принимала маленькую дозу все это время. Может пора немного её увеличить, — объясняет Доктор Томпсон, отпивая свой кофе с фундуком из чашки. На чашке надпись — «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные!».⁹

Я знаю, что это в порядке вещей. Каждый десятый человек принимает какой-нибудь антидепрессант. Я прочитала все возможные книги на эту тему. Но это не значит, что они мне понравились.

— Некоторым людям сложно вернуться к нормальной жизни после трагедии. Это не превратит тебя в зомби или кого-то подобного. Это просто поможет тебе контролировать свои эмоции, чтобы почувствовать себя в своей тарелке.

Я доверяю доктору Томпсон настолько, насколько вообще могу кому-либо доверять. Когда я смотрю, как она выписывает рецепт на сто миллиграмм Золофта, я чувствую, как тяжелый груз падает с плеч. Может быть, это будет свет в конце туннеля, который мне необходим. Может быть, теперь мои мысли не будут вертеться только вокруг смерти и печали.

Я достаю пузырек с таблетками из медицинского шкафчика, закрываю дверцу с зеркалом и, стоя у раковины, не свожу глаз с моего отражения. Я не глядя открываю

пузырек и высыпаю несколько голубых таблеток на ладонь. Я задумываюсь, зачем я продолжаю это делать. Я принимаю таблетки уже год и, хотя они помогают не плакать каждый божий день и сдерживают желание свернуться в кровати калачиком и никогда не вставать, они не помогают. Они в принципе не смогут помочь, как сказала доктор Томпсон. Они превращают меня в зомби. Я не слоняюсь вокруг в оцепенении и не бормочу неразборчиво, я просто... так не делаю. Я ничего не чувствую. Меня ничего не интересует. Я не делаю ничего другого, кроме как встаю и двигаюсь на автомате. Если я читаю книгу, которая заставляет других читателей рыдать дни напролет, то я не чувствую ничего. Если я смотрю ужастик, я, не моргая, смотрю в экран и думаю в чем суть. Ничто не трогает и не задевает меня.

Поставив пузырек на край раковины, я смотрю на таблетки. Такие маленькие, цвета яиц малиновки. Они такие маленькие, но имеют такой огромный эффект.

Я не хочу чувствовать все. Я не хочу тонуть в эмоциях. Но еще я не хочу продолжать так жить. Я хочу почувствовать что-нибудь. Я не знаю, что происходит между мной и Зэндером, и к чему все идет. Но я знаю, что это ничем не закончится, если я не смогу чувствовать те эмоции, которые неразрывно связаны с пребыванием в отношениях с кем-либо, особенно с таким как он. Он настолько полон жизни, а я просто пофигистка.

Снова глядя на свое отражение в зеркале, я думаю о том, что же такого он во мне видит. Мои глаза пустые, под глазами мешки. Я не помню, когда я по-настоящему улыбалась в последний раз, добровольно, не заставляя себя. Почему он захочет проводить время с кем-то вроде меня? Я думаю, что он бы точно полюбил прежнюю меня. Ту, которая могла рассмешить людей, и которой было не все равно.

Ту, которая любила безвозмездно и легко и могла разделить эту любовь с другими.

Я последовала совету отца и взяла несколько выходных, но признаться, я не имею представления, чем себя занять. Я снова попробовала писать, но слова не шли. Я попробовала читать, но ничто не заинтересовало меня. Я даже попробовала пройтись по магазинам, что девятнадцатилетняя девушка с удовольствием бы сделала. Я бесцельно слонялась по торговому центру и ничего не купила.

Неожиданно кажется неправильным продолжать принимать таблетки. Кажется неправильным отключать все эмоции, когда я на самом деле хочу чувствовать. Конечно, было время, когда мне необходимо было принимать лекарства: когда ей поставили диагноз, когда она болела и даже в день похорон. Может быть эта голубая таблетка позволит мне собраться, вместо того чтобы разваливаться на части.

Я стою возле смотровой комнаты и смотрю на открытую дверь, отказываясь входить. Мой отец уже там. Он решил пойти один. Я слышу его рыдания, когда он стоит возле гроба.

Я не хочу входить. Я не хочу видеть ее такой, неподвижной и безмолвной. Она никогда не была НИ неподвижной, НИ безмолвной. В голубом платье, которое идеально сидит и которое она собиралась одеть на мой выпускной. От этого вида хочется кричать. Я слышу, как руководитель похоронного бюро разговаривает с моей тётёй Кэти о том, сколько продлится прощание и просит сообщить ему, если семье что-нибудь понадобится. Мне хочется сказать ему, чтобы он заткнулся. Все, что нужно семье сейчас, — чтобы она была жива и не лежала в белом гробу, обрамленном по кругу розовыми розами. Мама терпеть не могла розы. Ей бы не понравилось, что люди выстроились гуськом, оплакивая её. Ей бы совсем не

понравилось, что вся комната, в которой она лежала, заставлена сотнями букетов. Все деньги потрачены на человека, который никогда не сможет ими насладиться.

— После моей смерти не присылайте цветов. Когда я умру, они мне будут не нужны. Подарите мне цветы пока я здесь, чтобы я смогла оценить их. В моей голове всплыли воспоминания о её словах, которые она говорила каждый раз, когда мы были на чьих-либо похоронах, оглядывая все приготовления, и злость смешалась с тоской.

Я хотела зайти внутрь, собрать все корзины и вазы и швырнуть их через комнату. Я хотела не чувствовать приторный запах роз, гвоздик и лилий. Меня тошнило от этого запаха. И я знала, что с этого момента каждый раз, когда я почувствую запах цветов, он будет напоминать мне об этом дне.

— Пойдем, милая, пора зайти. Люди начнут приходить с минуты на минуту, — нежно сказала тётя Кэти. Она подошла ко мне и обняла меня за талию. Близкие члены семьи пришли на полчаса пораньше и собрались в похоронном зале, чтобы они могли погоревать наедине, пока не соберутся остальные. Неужели они не понимают, что полчаса никогда в жизни не хватит, чтобы горевать? Тётя Кэти нежно подтолкнула меня и вместе мы вошли в дверь. Мой отец сидел в первом ряду, прямо напротив гроба. Он опустил голову на руки, его плечи сотрясались от рыданий. Я не хотела на него смотреть, но не могла сдержаться. Я переводила взгляд с красного ковра у его ног на черную тумбу, на которой стоял гроб, и на блестящий белый мрамор с розовыми розами. Когда я увидела её, я задержала дыхание. Она была похожа на неё, но в то же время это была не она. В руках она держала черные четки, которые папа подарил ей несколько лет назад на их

годовщину. Я помню, как я ходила на похороны бабушки, когда мне было шесть лет. Я смотрела на его тело и ждала, когда он снова начнет дышать. Я поняла, что сейчас жду того же самого. Я смотрела на её грудь и всем сердцем хотела, чтобы она начала двигаться. Пожалуйста, господи, пусть она начнет дышать. Пусть это будет ночным кошмаром. Пожалуйста, пусть это будет не наяву. Мои глаза переместились на её лицо, и мне пришлось подавить рыдания. Она была очень сильно накрашена. Зачем они накрашили её помадой? Она никогда не пользовалась помадой. Мне хотелось подбежать и стереть её и сказать маме, чтобы она открыла глаза. Я не могу здесь находиться. Это неправильно, и это не должно происходить.

Освободившись из объятий тёти Кэти, я выскочила за дверь, пробежала через холл, вниз по коридору в поисках ванной. Я не включала свет. В тот момент я предпочитала темноту. Я уткнулась в угол и разрыдалась. От рыданий разболелась грудная клетка.

— Нет, нет, нет, нет, — я снова и снова рыдала. — Я не хочу в этом участвовать. Я не хочу в этом участвовать. Почему так происходит? Слезы текли ручьем, они заливали моё лицо. Я не сдерживала их и не вытирала глаза. Может быть, если я выплачу все слезы, тогда боль утихнет. Боль уйдет, и все окажется плохим сном. Я не хочу больше чувствовать это. Я вообще не хочу больше ничего чувствовать. Я опустилась на колени на пол в ванной и плакала из-за моей мамы и несправедливости происходящего.

Воспоминание исчезает, и я моргаю, чтобы не дать волю слезам. Я подношу руку ко рту и останавливаюсь, перед тем как закинуть таблетки. Я снова смотрю на свое отражение. Кто я и что я делаю? Что я делаю со своей жизнью и к чему

стремлюсь? Правда ли таблетка — ответ? Можно ли решить все проблемы, отключив чувства? Я не хочу чувствовать все, но я также не хочу не чувствовать ничего. Я не хочу быть ненормальной, но и не хочу быть овощем.

Я делаю глубокий вдох и опускаю руку, пока таблетки не падают в раковину. Я хватаю пузырек и высыпаю все до единой таблетки в раковину. Трясущимися руками я поворачиваю кран и позволяю холодной воде смыть их все в сток. Когда последняя таблетка исчезает, я выключаю кран, смотрю на свое отражение и делаю глубокий вдох. Я выхожу из ванной, подхожу к компьютеру, включаю ноутбук и захожу на Фейсбук. Я захожу на её страницу и смотрю на её аватар. Я нажимаю на «настройки страницы» и затем захожу в раздел «безопасность». Курсор замирает над надписью: «Удалить страницу».

Мне стоило удалить её страницу давным-давно. Каждый раз, когда я получаю уведомление о том, что у неё день рождения, или вижу посты членов семьи о том, как они скучают по ней, мне хочется швырнуть ноутбук через всю комнату. Половина этих людей ни разу не навестили её в больницу, не позвонили, чтобы узнать как у неё дела. А теперь, когда её нет, они вдруг скучают по ней. У них было время, чтобы провести его с ней, но они были слишком заняты своей жизнью.

Я знаю, что оставить её страницу — нездоровый поступок, но я не могу иначе. Я убираю курсор от ссылки «удалить страницу» и вместо этого начинаю писать ей новое сообщение. Отключить страницу означает снова попрощаться с ней. Я не готова к этому. Может быть когда-нибудь, но не сейчас.

Дорогая мама,

Я мечтаю снова поговорить с тобой, всего один раз.

*Я люблю тебя. Ты мне нужна. Я скучаю по тебе.
С любовью, Эддисон.*

Глава 9

Привидения из прошлого

— Я думаю, ты делаешь успехи, Эддисон. Но тебе нужно открыться для новых ощущений. Ты не можешь позволить из-за страха неизведанного не прожить свою жизнь, — объясняет доктор Томпсон.

— Как я должна это сделать? Не так уж легко снова открыться, когда по независящим от меня обстоятельствам мне пришлось так долго сдерживаться, — жалуясь я.

— Я знаю. Хорошо, что ты понимаешь, что ты делала с собой. Ты с легкостью признаешь, что ты отключила свои чувства и эмоции, боясь, что другие люди причинят тебе боль. Это очень большой прогресс, Эддисон. Поверь мне.

Я закатываю глаза и смеюсь.

— Первый шаг — это признание? Вы всерьез испытываете на мне двенадцать шагов к исцелению? — саркастически спрашиваю я.

— Почему нет? Они работают не только на людях, которые страдают зависимостью. Они могут помочь любому, кто борется с чем-то в своей жизни. Ты борешься с депрессией, злостью, грустью, доверием... Нужно время, чтобы все это преодолеть. И ты должна сделать конкретные шаги, чтобы побороть эти проблемы.

Доктор Томпсон открывает ящик стола, вытаскивает лист бумаги и дает его мне.

— Уверена, тебе давали копию двенадцати шагов, когда ты посещала собрания группы поддержки, но я хочу, чтобы ты взглянула на них свежим взглядом. Подумай, как они, а не твой отец, могут помочь тебе. Тебе необязательно по порядку соблюдать их. Прелесть двенадцати шагов к исцелению в том, что ты можешь варьировать их, как тебе удобно. Шаг первый:

«Мы признаем, что мы не можем справиться со своей зависимостью. Мы больше не управляем своей жизнью». Ты не можешь справиться с потерей твоей мамы и с влиянием этого события на жизнь твоей семьи. Поэтому ты закрылась и твоя жизнь стала неуправляемой.

Я смотрю на список, как она сказала, свежим взглядом. Я читаю шаги и стараюсь применить их по отношению к себе.

— Признание своей беспомощности — это большой шаг к выздоровлению, Эддисон. Ты можешь понять проблемы, которые заставили тебя превратиться в того, кем ты сейчас являешься. И ты сможешь двигаться дальше. Все сводится к тому, чтобы не упускать шанс и жить за рамками зоны комфорта. Тебе удобно жить тем человеком, которым ты стала. Но это не означает, что это наилучший вариант для тебя, или что это сделает тебя снова счастливой. Шагни за грани стены, которую ты возвела, чтобы защитить себя, — говорит она, протягивая руку к столику за стаканом с ореховым кофе из Panera. Я слушаю все, что она говорит, но все мои мысли сосредоточены на этой чертовой чашке кофе. Я размышляю, не пьет ли она его неделя за неделей, чтобы сбить меня с толку.

— Я не говорю, что тебе нужно снести её за один день и остаться лицом к лицу

с болью и страхом. Я говорю тебе выглянуть за неё. Высуни голову и, если это будет слишком, вернись снова за стену. В конце концов, если ты выйдешь за стену, ты поймешь, что она тебе больше не нужна.

Трясущимися руками я подношу руку к дверному звонку и затем вытираю свои мокрые от пота ладони о джинсы. Зэндер предлагал заехать за мной, но я отказалась. Мне нужно было в тишине приехать сюда, чтобы перестать нервничать. С тех пор как он прислал смс с адресом его родителей, я каждую минуту спорила с собой, стоит ли мне приходить. Хотя я слышала голоса в голове, и дверной звонок уже известил о моем присутствии, я все еще размышляла о том, как быстро я смогу спрыгнуть с крыльца, завести машину и уехать отсюда, пока никто меня не увидел.

Открывается дверь, и передо мной стоит Зэндер. В рубашке с длинными рукавами, поношенных джинсах, босиком. Его улыбка изумительная. Я быстро забываю о том, чтобы убежать, когда он берет меня за руку и втягивает в дом. Первое, что я ощущаю, — домашний запах множества свечей, зажженных по всему современному дому. Он напомнил мне о моем собственном доме. В гостевой спальне у нас целая кладовка была выделена для свечей. Свечи всегда были расставлены по всему дому. Зэндер притягивает меня к себе, и мы идем на звуки смеха и громких голосов. Благодаря теплу его руки я уже чуть меньше напряжена в преддверие встречи с его семьей.

Как только мы заходим в большую кухню, меня окружают приветствия, объятия и похлопывания по спине от дядей, тётей, двоюродных и родных братьев и сестер. Они приветствуют меня как старого друга. Интересно, что Зэндер рассказал им обо

мне. Живот скручивает от нервного спазма, как только я понимаю, что он, очевидно, рассказывал обо мне всем этим людям, так как они знают моё имя и захлебываются от восторга от того, что я работаю в кондитерской. Он разговаривал обо мне с людьми, которые ему не безразличны. Он говорил им обо мне. И судя по всему, он рассказал только хорошее. Я больше чем уверена, что они не были бы так счастливы при виде меня, если бы знали, как я себя вела по отношению к Зэндеру со дня нашего знакомства. Или если бы они знали, что я всего в шаге от нервного срыва, потому что нахожусь в комнате полной членов семьи, которые так напоминают мою собственную.

По крайней мере, ту, которой мы были.

Его мама последней подходит ко мне, и именно её я до смерти боюсь встретить. Не потому что она будет меня судить или подсознательно знает, что я не пара её сыну, хотя эта мысль неоднократно возникала у меня, а потому что находиться среди матерей — очень сложно для меня. Меня переполняет гнев и ревность, когда я вижу матерей и их детей. Иногда, несмотря на то, как сильно я стараюсь, я не могу скрыть своих чувств.

— Эддисон, очень приятно, наконец, тебя увидеть. Я Мэри, — тепло говорит она, обвивая меня руками и сильно стискивая в объятиях. Задерживаю дыхание, когда она бережно прижимает меня к себе. Я стараюсь не думать о том, как давно никто не делал такой простой вещи как объятия для меня.

— Мой сын только и делал, что нахваливал тебя. Я никогда не видела его таким счастливым, каким он выглядит, когда говорит о тебе.

Она отпускает меня и держит меня за руки, изучая мое лицо.

— Зэндер, ты забыл сказать, какая она красивая. Я готова убить за такие великолепные глаза.

Зэндер неловко смеется и игриво толкает свою маму бедром.

— Прекрати смущать меня или я не дам тебе ни кусочка пирога.

Я отхожу от Мэри и засовываю руки в задние карманы джинс, наблюдая за их обменом слов. Остальные члены семьи гуляют по комнате, расставляют тарелки на столе и с легкостью шутят друг с другом.

— Смущать тебя — дело моей жизни. Не перечь мне или я принесу твои детские альбомы, — говорит Мэри, угрожая пальцем.

Я кусаю нижнюю губу, чтобы сдержаться. То, как они общаются, напоминает мне наши с мамой отношения. Мне не по себе.

Зэндер смотрит на меня, смеется над мамиными словами и тут же становится рядом, обнимает меня за талию и притягивает к себе.

— Думаю, пришло время вынести мой шедевр, чтобы все могли сказать мне, какой из меня великолепный пекарь, — громко заявляет он.

Когда мама отходит от нас и идет к холодильнику, Зэндер наклоняется ко мне и нежно спрашивает:

— Ты в порядке?

Удивительно, как хорошо он меня знает и может прочесть меня. Мне должно быть не по себе от того, что кто-то, кого я недавно встретила, может видеть то, что я прячу. Но меня это не беспокоит. Кто-то другой возможно, но не Зэндер. Я надеваю улыбку на лицо и киваю головой.

Его рука соскальзывает с бедра, и он переплетает пальцы с моими, прислоняя меня к столу, где его мама только что поставила торт на большой стеклянной тарелке. По крайней мере, я думаю, что это торт. Это напоминает торт. Он из белой глазури и весь покрыт розовыми точками, которые, видимо, символизируют цветы. На этом сходство с тортом заканчивается. «Торт» так накренен набок, что я, если честно, понятия не имею, как он держится. На нем столько ямок и бугров, что я задумываюсь, не склеил ли он гору капкейков. Я не хочу смеяться, но невероятно сложно сдержаться. Все стоят вокруг стола, уставившись с непроницаемыми лицами на это чудовище. Его дядя на два дюйма склоняется над тортом и наклоняет голову набок, будто пытается понять, что же это.

— Что, черт возьми, это такое? Это похоже на блевотину кота! — первым тишину нарушает 8-летний брат Зэндера, Люк.

— Люк Эндрю! Следи за языком! — возражает мама.

Она старается сдержать безэмоциональное лицо, чтобы ее младший сын понял, что она говорит серьезно, но все напрасно. Она начинает хохотать, и остальные присоединяются к ней, понимая, что можно не сдерживаться.

— О, да ладно! Все не так плохо! — жалуется Зэндер. В ответ смех становится

еще громче.

— Извини, мы не успели перейти к украшению на прошлом уроке, — хихикая, говорю ему. Мама в это время вытирает слезы, выступившие от смеха.

— О, дорогой, ты великолепный доктор, но не пекарь! — смеясь, говорит Мэри.

Я сморю на Зэндера и вижу, как он немного вздрагивает от слов его мамы.

— Ты доктор? — шокировано спрашиваю его. Я тут же чувствую себя не к месту рядом с ним. Может быть, поэтому я старалась отложить на потом расспросы о нем. Теперь я понимаю, почему он все время кажется собранным. Он чертов доктор. Ему двадцать два года, и он доктор. Это вообще возможно? Он что гений? Или типа того? Возможно, все это время он пытался поставить мне диагноз. Я не могу сдержать ощущение, что меня предали. Хотя это моя вина. Я не спрашивала ничего о нем.

— Нет! Я не доктор! — он быстро заверяет меня, когда видит очевидную тревогу на моем лице. — Я наладчик аппаратов рентгена.

Мэри фыркает и слегка поглаживает его плечо.

— Не будь таким скромным! Все намного лучше. Он специалист в рад...

— Мам! В самом деле, это твой день рождения. Ты можешь воздержаться от разговоров обо мне на один день, — говорит Зэндер и неловко смеется. Это помогает её утихомирить.

— Давайте, попробуйте! Клянусь на вкус он лучше, чем на вид. У меня был отличный учитель.

Он наклоняется и целует меня в макушку. Я закрываю глаза, наслаждаясь его близостью. Я отгоняю все негативные чувства. Хотя теперь я знаю, что к длинному списку качеств Зэндера, которые позволяют ему быть более собранным, чем я когда-либо смогу быть, добавилось еще одно.

Не стесняясь, все берут тарелки, пока мама режет на кусочки падающую башню торта. Некоторые люди сидят за столом, другие стоят. Все едят торт и соглашаются, что он на самом деле вкуснее, чем выглядит. Разговор течет непринужденно. Я ловлю себя на мысли, что я вписалась в их счастливую семью и без проблем болтаю и смеюсь с каждым из них. Хотя не совсем прошла боль в сердце от воспоминаний о том, сколько праздников и дней рождения я провела точно так же. Глубоко в голове сидит грусть и сожаление от того, что моя семья так легко развалилась. Клей, который соединял нас, пропал, и теперь мы едва ли общаемся между собой и не собираемся вместе на праздники.

— О, Зэндер, забыла спросить, ты слышал о маме Тины Рэдди? Они только что узнали, что у неё лейкемия, — сочувственно говорит Мэри.

Кусок торта камнем опускается в живот, и я ставлю тарелку на стол рядом с собой.

— Ты ведь ходил в старшую школу с Тиной? — спрашивает отец. — Мы просто встретились с её родителями в ресторане пару месяцев назад. Печальные новости.

Зэндер прочищает горло и подвигает ногу ближе ко мне.

— Думаю, это был сильный шок. Она долгое время чувствовала недомогание, и они сдали некоторые анализы. Мне очень жаль эту семью. Она очень милая женщина, и теперь такое. Я дам им твой мобильный телефон, если у них будут...

— Эй, мы забыли спеть Happy Birthday? — быстро говорит Зэндер.

Разговор о маме Тины Рэдди забыт, все собрались вокруг мамы, чтобы спеть ей песню. Но вред уже нанесен. Я стою здесь, на кухне родителей Зэндера и думаю о том дне, несколько лет назад, когда мы получили такие же новости.

Мама болеет гриппом уже больше недели, и, когда мы позвонили доктору, она сказала, что маме также следует сдать некоторые анализы. «Береженного Бог бережет», — сказала она тогда. Когда я вышла из школы после тренировки черлидеров, я послала маме смс, чтобы узнать как дела. Она ответила, что до сих пор находится в больнице и ждет, пока доктор выйдет к ней. Мой отец убежал в кондитерскую, чтобы закрыть кассу в конце дня, поэтому она сидела там одна, скучала.

Когда я приехала в больницу, я сразу пошла в кабинет, номер которого она написала в сообщении. Я была удивлена, увидев её в кровати в больничной рубашке.

— Что ты делаешь? Валяешься и лентяйничаешь? Разве ты не должна скоро пойти домой? — пошутила я, подойдя к кровати целуя её в щеку.

— У меня лейкемия.

Она пробормотала это шокированным голосом, её лицо было безэмоциональным.

— Что? — прошептала я, отстраняясь, чтобы посмотреть ей в лицо.

Может быть, я не так слышала, или она неправильно поняла доктора.

— Доктор только что ушел. Как только прибудет скорая помощь, меня перевезут в больницу Метро.

Она сказала это так спокойно, будто говорила о погоде, а не о серьезной болезни. Пока я ехала в больницу, слушая радио Топ Сорок и беспокоясь о дурацком тесте по испанскому, который будет завтра, моя мама слышала результаты анализов в одиночку.

Мне хотелось свернуться калачиком в кровати рядом с ней и заплакать. Рак — это серьезно. Многие люди прошли лечение и продолжали жить здоровой жизнью, хотя все равно это был пугающий диагноз. Моя мама была здорова как бык и редко болела, только обычной простудой. Это была не просто простуда, и все было очень плохо, особенно если они так быстро собирались перевозить её в самую большую больницу в штате. Я не могла расстраиваться прямо сейчас. Я должна быть сильной для неё. Ей нужно знать, что я доверяю докторам, и что мы однажды вспомним об этом, как о плохом моменте в нашей жизни, о том, что легко можно забыть.

— Хорошо. Ты поедешь в Метро, начнешь лечение и затем поправишься. Плюс, ты сможешь поехать в скорой помощи, возможно с очень сексуальными санитарями, — я сказала ей с улыбкой, пряча беспокойство подальше.

— Им лучше быть красавчиками. Онколог, который приходил, был жутко страшным, — смеясь, говорит она, беря меня за руку и сжимая мою.

Я стискиваю её и надеваю самую храбрую улыбку, которую могу изобразить.

— Я люблю тебя, Милашка, — мягко говорит она.

— Я тоже люблю тебя. Все будет в порядке. Вот увидишь.

Песня заканчивается, и я заставляю себя присоединиться на последних нотах поздравительной песни.

— О Боже, ты слышал о Джоше Мендельсоне? — дядя Зэндера спрашивает с полным ртом торта.

— Городским пьянчужкой? Кто-нибудь слышал, что он натворил? — Мэри округляет глаза.

— Стойте, я что-то пропустил, что произошло? — вставляет один из двоюродных братьев.

— Этому идиоту следует жить в реабилитационном центре. Я не понимаю, почему они его выпустили, — с горечью в голосе говорит Мэри. — Он только получил пятый штраф за вождение в нетрезвом виде и ударил кулаком шерифа, который его остановил.

Гул недовольства раздается за столом. Я слушаю, как они жалуется на

мужчину, который является отцом Лорен Мендельсон, с которой я ходила в старшую школу. Я видела этого мужчину только один раз, когда в десятом классе подвозила Лорен после школы. Я особо ничего о нем не знала, но по разговорам, похоже, что он мог быть копией моего отца. Мне приходится сдержаться, чтобы не реагировать на их слова.

— Этот парень просто зря занимает пространство. Как можно превратиться в такого лузера? Можете себе представить, что значит жить с ним в одной семье? Они, вероятно, совсем унижены. Я не представляю, как они вообще могут показываться в городе. Им следует переехать. Очевидно, что он безнадёжен. Он будет позорить семью, а его семья будет отвечать за его поступки, — с отвращением говорит отец Зэндера.

Я не была подругой Лорен в школе, но я знаю, что она чувствует. И это не унижение. Её не волнует, что весь город сплетничает о её отце за куском торта. Её волнует, что её жизнь пошла под откос, а она не в силах это остановить из-за её отца. Она смотрит на человека, который её растил и любил, и думает о том, почему он поступает так и причиняет боль всем остальным. Она думает, почему он любит её недостаточно сильно, чтобы не пить. Мне неожиданно хочется прийти к Лорен и сказать ей, что я её понимаю. Больше всего мне хочется уйти из комнаты подальше от болтовни об алкоголиках. Очень больно видеть, как люди, с которыми я только познакомилась, и которые мне сразу понравились, судят человека, которого совсем не знают. Мысль о том, что если бы они знали о моем отце, они бы поменяли отношение ко мне и осуждали меня, разбивает мне сердце.

Мне пришлось вспомнить тот день, когда маме поставили диагноз лейкемии. И было достаточно больно, но это уже слишком. Меня вдруг охватывает приступ клаустрофобии. Как будто стены в этой комнате приближаются ко мне, и мне не хватает воздуха. Я разворачиваюсь и быстрым шагом выхожу из комнаты, не обращая внимание на голос Зэндера, на его зов. Когда меня уже не видно с кухни, я бегу через дом к парадной двери. Я распахиваю её настежь и выбегаю на теплое солнышко. Я сбегая с крыльца по ступенькам и добегаю до середины двора. Я останавливаюсь, когда отхожу на достаточное расстояние от дома и могу вздохнуть.

Я обхватываю руками живот, я пытаюсь взять себя в руки. Я подставляю лицо солнцу, закрываю глаза. Я позволяю светлым лучам согреть моё лицо и стереть холод, который пробил меня, пока я находилась в кухне родителей Зэндера.

Я высунула голову за стену, как советовала доктор Томпсон, а теперь мне хочется снова спрятаться за ней. Мне хочется забраться на ту сторону, где я уверена, что никто не причинит мне боль своими словами или действиями. Где я могу слушать о том, как люди жалуются на пьяниц, и на меня это никак не действует. Где я могу веселиться со счастливой семьей и не ненавидеть то, что стало со мной из-за того, что я потеряла.

Доктор Томпсон солгала. Как только я вышла за рамки зоны комфорта, кирпичи, которые я тщательно составляла, стали рассыпаться. Как только я сделала шаг навстречу и позволила Зэндеру войти в мою жизнь, от моей защиты не осталось ничего, кроме развалин и облака пыли.

Глава 10

Домик из Лего

— Я знаю, что мы недавно затрагивали эту тему, но в свете произошедших событий, ты считаешь, что новые люди в твоей жизни это именно те, с кем ты можешь поговорить, когда ты особенно подавлена или в замешательстве? Теперь ты чувствуешь, что у тебя есть кто-то, кто выслушает и поддержит? — спрашивает доктор Томпсон.

Острая боль пронзает грудь. Я вспоминаю, как легко мне было бы ответить на этот вопрос год назад. Я тру ладонью в том месте, где чувствую боль. Мне даже не пришлось бы задумываться о новых людях, потому что старые меня полностью устраивали.

— Эддисон? Ты ощущаешь, что теперь у тебя есть надежная группа поддержки? — снова спрашивает доктор Томпсон, привлекая мое внимание. Я отвожу глаза от снежной фигурки, которую она использует как пресс для своих бумаг на столе, и перевожу взгляд на неё.

— Я ничего не знаю о них, поэтому не знаю, могу ли я им доверять. Мне близка Мэг, потому что у нас похожие проблемы. В Зэндере есть что-то такое, от чего мне с ним комфортно, и это заставляет меня чувствовать, что я могу ему доверять. Я не знаю, хочу ли ему доверять. Я не знаю, могу ли ему доверять... Я просто ни в чем не уверена, — жалуюсь я.

— Я знаю, у тебя был тяжелый год, особенно по отношению к самым близким людям. Почему бы тебе не рассказать мне немного о том, как эти люди тебя

предали, — спрашивает она, скрещивая ноги и располагая руки на коленях.

— У меня было много близких друзей. Одну девочку я называла своей лучшей подругой. Хотя, они не объявлялись с похорон. Неделью после её смерти они звонили каждый божий день, чтобы узнать как у меня дела, — сказала я, ковыряя кутикулу. — Моя тётя на похоронах сказала, что, хотя она не сможет заменить мне маму, она все равно будет звонить мне каждый день, чтобы провести меня и сказать, что она меня любит. Она позвонила два раза. Я не говорила с ней уже несколько месяцев.

Я стиснула зубы, стараясь не заплакать. Легче справиться с обидой, чем с грустью.

— Я слышу раздражение в твоём голосе. Ты злишься из-за того, что твои друзья и твоя тётя не звонят тебе? Не узнают, как твои дела? — спрашивает она и делает пометки в своём линованном блокноте.

Не глядя на неё, я пожимаю плечами.

— Думаю да. Я имею в виду, ведь так и есть. То же самое касается остальных членов семьи. Как только основное событие закончилось, все вернулись к работе, учебе, к своим делам, чем бы они не занимались. Они продолжили жить дальше. Им не приходит в голову, что есть люди, которые просто не в состоянии сделать так же.

Доктор Томпсон кладет свой карандаш, и мы смотрим друг на друга.

— И ты одна из таких людей.

Это утверждение, не вопрос. Она знает, почему я здесь, и что я делала, чтобы заглушить боль. Нет смысла притворяться.

— Очень тяжело не иметь людей, на которых можно положиться. Людей, которым можно позвонить, когда тебе грустно или одиноко.

От её слов у меня жжет глаз. В горле встает ком. Вероятно, большинство людей не поняли бы той связи, которая была у нас с мамой. Дочери обычно ненавидят своих мам в подростковом возрасте, иногда даже в зрелом возрасте. Но это не про меня. Может потому что я была единственным ребенком. А может потому что она долго не могла забеременеть. Что бы ни было, нашим отношениям многие завидовали. Наша связь с годами крепла. Мы были вдвоем. Мой отец обычно работал в ночную смену. К тому времени, когда я просыпалась по утрам, он уже спал после двенадцатичасового рабочего дня. Она везде меня водила, все делала вместе со мной, и мы могли говорить на любые темы.

У каждого в жизни есть, по крайней мере, один человек, который всегда будет рядом, что бы ни случилось. Он будет твоим убежищем, твоей жилеткой. С ним можно смеяться, ему можно довериться. И он позвонит, когда ты ведешь себя как дерьмо, и прямо скажет тебе об этом. Моя мама была таким человеком для меня. И мой человек ушел и больше не вернется.

— Я хочу, чтобы ты оказала мне услугу до следующей недели, Эддисон. Я хочу, чтобы ты доверилась кому-нибудь. Не имеет значения, будет ли это Мэг или Зэндер. Я хочу, чтобы ты открылась одному из них и рассказала о своих чувствах. Это соответствует пятому шагу: Признайся Богу, себе и другому человеку в истинных причинах твоих неудач. И помни, мы делаем это тебе во благо. Поэтому расскажи другому человеку об истинных причинах твоих неудач.

Несколько минут я стою посреди переднего двора, затем отхожу в тень огромного дуба. Я сажусь у его подножья, скрестив ноги перед собой. Я поднимаю по одной травинке и разрываю их посередине. Когда у меня на коленках скопилась

уже большая куча, на меня падает тень. Я продолжаю методически косить траву, он садится рядом и прислоняется спиной к стволу.

— Нууууу, что нового? — через пару минут спрашивает Зэндера нараспев.

Его повседневный тон заставляет меня рассмеяться. Я только что выбежала из дома его родителей, не в духе, даже не сказав никому ни слова. Если они не знали это раньше, теперь они уверены на сто процентов, что я фрик со множеством проблем.

— О, да ничего особенного. Присматриваю за лужайкой твоих родителей. Она немного заросла, — отвечаю я, и, наконец, поднимаю глаза и встречаюсь с ним взглядом.

Больше всего мне нравится в Зэндере то, что в его глазах я никогда не видела ни намека на осуждение, только понимание и доброту.

— Я собирался с ними поговорить об этом. Косильщики травы это прошлый век. Что им действительно нужно, так это человек, который сможет обработать траву руками.

Несколько долгих минут я молча смотрю на него. Он протягивает руку и нежно убирает челку с моих глаз, его пальцы прокладывают дорожку по моей щеке до подбородка, удерживая его. Он мягко целует меня в кончик носа. Когда он отпускает меня, я моргаю, прогоняя слезы. Он кладет свою руку поверх моей, останавливая моё непрерывное выдергивание травы. Он переносит мою руку себе на колени и переворачивает её ладонью вверх.

— Мне двадцать два года, и я зарабатываю на жизнь, фотографируя внутренности людей, — он начинает говорить, нежно проводя пальцами по линиям

судьбы на моей руке. — У меня есть восьмилетний брат без головы и пятнадцатилетний брат без моральных ценностей. Очевидно, я лучший брат в мире, они оба полностью меня уважают.

Я издаю смешок, когда он поглаживает себя по голове и продолжает.

— Я прожил довольно хорошую жизнь. Иногда людям кажется, что мне все легко далось. Я не говорю, что у меня есть темное прошлое или что-то в этом роде, но в моей жизни были не только розы, — объясняет он, пожимая плечами. — Я борюсь каждый день, стараясь быть честным и не причинять боль близким мне людям. Очень тонкая грань между правильными поступками и тем, что тебе кажется правильным. Моя мама любит называть меня всезнайкой, иногда я от этого страдаю. Мой отец обманул маму несколько лет назад, и было тяжело. Они все наладили отношения между собой лучше, чем когда-либо, но я до сих пор борюсь с чувством ненависти за его поступок. Очень утомительно одновременно любить и ненавидеть кого-то.

Моё сердце замирает, когда он переплетает свои пальцы с моими, подносит мою руку ко рту и целует тыльную сторону руки.

— Я знаю, что мы мало знакомы, но надеюсь, ты уже поняла, что я не преследователь, — говорит он с непринужденной улыбкой. — Ты мне нравишься. Ты мне небезразлична. Я хочу, чтобы ты мне доверяла.

Как я могу ему не доверять? Он открыл мне весь свой мир, познакомил меня со своей семьей и рассказал личные факты о себе. Он сделал все это, хотя я его не просила. Как будто он инстинктивно знал, что мне нужно, чтобы почувствовать себя достаточно уверенной и открыться ему.

— В последнее время у меня с отцом сложные отношения. Однажды он сломался. Он столько раз проходил реабилитацию, что я сбилась со счета, — я сбивчиво говорю. Я так быстро говорю, что мои слова сливаются в одно. Я не уверена, что он что-то понимает, но Зэндер сидит тихо и слушает, просто слушает. Неожиданно я понимаю, что это то, чего мне было нужно, чтобы кто-то просто выслушал меня. Не психоаналитик. Им платят, чтобы они тебя слушали. Если это кто-то, кто прочно обосновался в твоей жизни, просто потому что хочет быть рядом — это значит намного больше.

— Однажды ты как бы встретился с моим папой. Он вышел из реабилитационного центра, и это напугало меня до смерти. Я не хочу снова проходить через это. Я так привыкла собирать его по частям, что я просто измотана. Я больше не хочу этого делать. Я не знаю, как делать это дальше, когда я себя-то собрать не могу.

Наконец, я замолкаю и делаю глубокий вздох, отвожу взгляд от Зэндера и смотрю на его дом, где собралась вся большая семья. Я надеюсь, он понимает, как ему повезло.

— Подожди здесь секунду, ладно? — спрашивает он, быстро поднимаясь на ноги. — Я хочу кое-что тебе показать.

Я киваю головой в ответ. Он собирается уйти, но вдруг останавливается. Он разворачивается, присаживается на корточки и целует меня. Его губы нежно прижимаются к моим и вдруг их нет. Так быстро. Когда, он целует меня, я забываю о своих проблемах. Мир вокруг исчезает. Я хочу снова почувствовать его губы, чтобы закрыть глаза и просто забыться.

— Две секунды, — снова говорит он, улыбаясь. Он подпрыгивает и убегает в дом.

Он возвращается так быстро, что я даже не успеваю подумать, что он делает. Испугала ли я его, вывалив всю информацию о моем папе. Он пересекает двор, в руках у него маленький голубой ящик с наклейкой Лего.

Он плюхается на траву рядом со мной, снимает крышку с коробки, переворачивает её и высыпает все детали Лего на землю. Он начинает искать что-то в куче, отбирает несколько частей и собирает их вместе.

— Эм, что мы делаем? — в замешательстве спрашиваю его. Он вручает мне башенку из желтых, синих и красных деталей Лего, которые он быстро соединил.

— Люк разрешил мне взять это на время. Мы строим дом из Лего, — говорит он так беспечно, будто это самое обычное времяпрепровождение для двух молодых людей после того, как они рассказали друг другу свои самые страшные секреты.

— Дом? У нас нет инструкции. Как мы построим дом? — спрашиваю я в поисках одного из буклетов Лего, где расписана пошаговая инструкция. Понимая, что Зэндер считает нормальным собирать Лего на переднем дворе, я решаю, что тоже могу это делать.

— Одно из лучших качеств Лего то, что тебе не нужны инструкции. Иногда они даже не прилагаются. Ты просто собираешь что-то свое из всего набора, разбираясь что же должно получиться.

Я кручу башенку из Лего в руках. В это время Зэндер копается в куче Лего на траве и быстро собирает квадрат из Лего, который напоминает стены дома. Он достает большую голубую деталь и пытается присоединить её к углу, но у него не

выходит.

— А если что-то не подходит, если одна деталь просто не подходит, ты можешь её отложить и найти другую. Здесь столько деталей, что нет необходимости пытаться присоединить ту, которая не подходит. Если сейчас эта деталь тебе не нужна или не подходит, это не значит, что она не важна. Она может подойти потом по ходу твоего строения.

Он находит желтую деталь, которая вставляется в угол. Вскоре он уже построил маленький дом с раздвижными дверями и крышей.

— У нас еще осталось много Лего, — говорю я ему, погружая руку в кучу и рассыпаю детали по земле.

— Тебе не обязательно использовать сразу все детали. Если ты попробуешь собрать их все за раз, то будет очень печально и удручающе, когда они упадут или не присоединятся.

Он слишком прижимает еще одну деталь на крыше, стараясь присоединить трубу, что несколько кусочков стены отваливаются и падают на землю.

— Вот черт. Ты только что сломал дом, — смеясь, говорю я ему, протягиваю руку и поднимаю упавшие детали.

Он берет их из моих рук и ставит их на место.

— Еще один плюс в Лего. Если строение разваливается, не значит, что все разрушено. Это просто значит, что нужно поднять все детали и начать заново.

Произнося эти слова, он смотрит на меня, а не на дом из Лего. Теперь я понимаю смысл всего этого. Он пытается сказать мне, что я не сломлена. Независимо от моих проблем, они не должны сломать меня.

— Ты все еще можешь поднять эти кусочки, милая. Они развалились на какое-то время, но это не значит, что что-то повреждено. Все можно починить. Тебе не нужно чинить в одиночку. Всегда есть кто-нибудь, кто поможет тебе построить заново.

Я даже не пытаюсь остановить слезы, которые заполнили глаза. Я так долго сдерживалась, что я даже удивлена, как легко оказалось заплакать. Я чувствую, как первая слезинка скатывается по щеке, и я не стараюсь стереть её. Зэндер придвигается ко мне и кладет мою голову на свое плечо. Он обвивает меня руками и прислоняет нас к стволу дерева. Он просто держит меня в объятиях, пока я плачу ему в плечо. Страшно настолько открыться себя кому-либо. Все равно что закрыть глаза и спрыгнуть с утеса, не зная, будет ли внизу спасательная сетка.

Прямо сейчас в объятиях Зэндера, когда солнце садится за дом его родителей, рядом с нами лежит разноцветный домик Лего, который был сломан и собран заново. Я думаю, нашла ли я свою спасательную сетку.

Глава 11

Оползень

— Я думаю, это замечательно, что ты все обдумываешь, — говорит доктор Томпсон. Заметив, что я ковыряю ногти, она подняла бровь. — Ты отошла от своих обязанностей и, наконец, учишься снова жить.

Я отвожу взгляд и смотрю на черный розарий на столе рядом со стулом. Я никогда его не замечала и теперь теряюсь в догадках, зачем он здесь. Я не поняла, что она католической веры. Но думаю, это не удивительно, так как мы здесь не для того чтобы говорить о ней. Я снова перевожу взгляд с кучки шариков на нее.

— Я уверена, ты можешь стать той девочкой, которой была. Тебе просто нужно очень сильно захотеть. С возрастом люди меняются, но то, кем они были, все еще глубоко в них, и они несут это с собой. Твое чувство юмора, твоя любовь к жизни... все эти вещи все еще внутри тебя. Они просто были спрятаны так долго, что ты не знаешь, как найти их. Ты не можешь позволить людям указывать, кем тебе быть. Тебе решать, кем ты хочешь быть. Кем ты хочешь быть, Эддисон?

Несколько долгих минут я просто сижу и перевариваю ее слова. Я снова хочу быть собой. Я хочу с нетерпением ждать будущего и радоваться простым вещам. Я хочу снова иметь друзей. Хочу доверять кому-нибудь и не беспокоиться, что обо мне подумают. Я хочу вспомнить, как это: ни о чем не думать и не беспокоиться о том, что случится завтра. Я так много хочу. Я не уверена, достаточно ли у меня сил все это получить.

— Нет, Люк, мы не пойдем за мороженым. Ты еще не обедал, — говорит Зэндер

своему младшему брату, пока мы вылезаем из машины в парке.

Люк жалуется себе под нос, пока мы идем к качелям. Каждый из нас садится на качели.

К моему удивлению я все еще не отпугнула Зэндера. Мы проводим каждый день вместе со дня рождения его мамы. Он даже помогал мне в кондитерской однажды, когда моему отцу пришлось уйти на встречу. Он уронил поднос капкейков и обжог руку о духовку. Но он до сих пор клянется, что это был лучший день в его жизни. Надеюсь, это так, учитывая, сколько раз мы ускользали в кухню, чтобы поцеловаться. Пока Зэндер и Люк спорят о преимуществах поедания мороженого до еды, я медленно покачиваюсь туда-обратно и думаю о том, как он обнимал меня в ту ночь и усадил меня на стол в кухне. Я помню свои ощущения, когда я обвиняла ногами его талию, а он исследовал пальцами каждый сантиметр моего лица, как будто он старается его запомнить. Когда я закрываю глаза, я до сих пор ощущаю его руки под моей футболкой и тепло его ладоней, когда он прикасался к моей груди. Бабочки кружат в животе, когда я думаю о том, как сильно я хочу снова ощутить его руки. Он такой нежный и милый со мной. Он всегда спрашивает, перед тем как сделать что-нибудь. Он хочется убедиться, что я не против. Я не привыкла, что кто-то заботится о моем состоянии, и мне это нравится. Хорошо хоть раз иметь кого-то, кто обо мне заботится.

— Зэндер, угадай, что девочка из школы, Лея, умеет делать, — говорит Люк, прерывая мои размышления. Я смотрю, как он упирается пятками в землю, чтобы затормозить качели.

— Без понятия, брат. Что она умеет? — спрашивает Зэндер. Мы вдвоем

наблюдаем, как Люк спрыгивает с качелей и встает перед нами.

— Она умеет так.

Он подпрыгивает в воздухе, задирая ноги под странным углом, затем расслабляет ноги и приземляется попой на траву.

— Вау. Понятия не имею, что это было. Но если она умеет делать так, она должно быть крутая, — шутит Зэндер.

— Это было касание носков, тупица, — закатывает глаза Люк, встает и отряхивает грязь с джинсов.

— Это не касание носков, — говорю я, поднимаюсь с качелей и подхожу к нему. — Вот касание носков.

Я вытягиваю руки над головой, делаю глубокий вдох, чуть-чуть отвожу их назад, чтобы создать момент. Я подпрыгиваю, с легкостью раздвигая ноги, касаюсь носков и мягко приземляюсь.

Оба мальчика уставились на меня с открытыми ртами. Глаза широко распахнуты.

— Ты только что сделала шпагат в воздухе, — с благоговением сказал Люк. — Как ты это сделала?

Я пожала плечами, будто ничего особенного не произошло. Это на самом деле так. Я раньше делала такие вещи с закрытыми глазами после 8 лет занятий черлидингом и 11 лет гимнастики.

— Ничего особенного, — подмигиваю ему. — Можно сделать еще круче.

Я отхожу на пару шагов от него, ставлю ноги вместе, руки по швам, оглядываюсь назад, чтобы убедиться, что нет препятствий. Я опустила руки, согнула

колени, откинула тело и сделала идеальное сальто назад. Сначала руки коснулись земли, за ними ноги, и я встала прямо, не в силах сдержать улыбку. Я даже не помнила, когда я делала подобное последний раз. Возможно за день до смерти мамы, когда я сходила на свою последнюю тренировку.

— Бог ты мой, ты ОБЯЗАНА научить меня это делать, я смогу сказать Лее отвалить! — восклицает Люк.

— ЛЮК! — ругается Зэндер. — Иди и поиграй чуть-чуть на шведской стенке. Люк фыркает и пинает носком ботинка камешек.

— Хорошо. Сейчас я пойду, но я вернусь, и ты научишь меня, как быть таким же офигенным как и ты.

Я смеюсь, а он пулей убегает от нас к тренажерам.

— Ну, получай. Теперь ты официально офигенная, — смеясь, говорит Зэндер. Я подхожу к нему и сажусь на качели рядом с ним.

— Хорошо знать, что кто-то так думает, — улыбаясь, говорю ему, отталкиваясь ногой.

— Не переживай, он не единственный. Я тоже иногда думаю, что ты офигенная. Мои родители не перестают спрашивать, когда я тебя снова приведу.

Я откидываю голову и смотрю в небо. Первый раз за долгое время я чувствую умиротворение. Я не беспокоюсь об отце, или кондитерской, или как я скучаю по маме. Единственная забота сейчас — как запечатлеть момент и носить его с собой всегда.

— Ну теперь меня распирает любопытство. Где ты научилась делать такие штуки?— спрашивает Зэндер.

Я отвожу глаза с облаков, смотрю на него и думаю о том, какой я была и что сказала доктор Томпсон.

— Может быть, тебе сложно поверить, но я была черлидером, — говорю ему.

— Почему мне в это сложно поверить?

Я пожимаю плечами, прислоняюсь головой к цепочке от качелей.

— Я не совсем самый энергичный человек на земле. Люди, глядя на меня, не думают: «У этой девушки полно энергии». Но раньше они так думали. Я была шумной и энергичной. Я любила смешить людей, — печально говорю я.

— Что же изменилось?

Его голос мягкий, и он разворачивает качели, чтобы лучше видеть меня.

— Думаю, много всего. Катастрофа за катастрофой. И мне стало все равно. Я не думала о том, счастлива ли я. Я думала только о том, как прожить день.

Мы качаемся бок о бок в полной тишине, он задает новый вопрос.

— Ты всегда хотела работать в кондитерской?

Я трясую головой и наблюдаю, как Люк вдалеке ползает по шведской стенке.

— Я никогда не хотела там работать. У нас с кондитерской отношения любви и ненависти. Я люблю ее, потому что она напоминает меня в более юном возрасте, но я ненавижу ее по той же причине. Я работаю там, только потому что мне приходится, пока папа не возьмет себя в руки. Если он не сможет, я думаю, я буду работать там до своей смерти — говорю я ему, пытаюсь превратить в шутку то, что вгоняет меня в депрессию при одной мысли об этом. Эта кондитерская никогда не была моей мечтой. Мысль о том, что я проведу там всю свою жизнь, проживая мечту кого-то другого, удручает.

— А если бы тебе не пришлось работать там, чем бы ты занималась? — спрашивает Зэндер.

Мне даже не приходится задумываться над ответом. Я говорю то, что всегда мне приходит в голову, когда задают этот вопрос.

— Я бы изучала английский в колледже и в свободное время писала книгу.

Я чувствую его взгляд. Я смотрю на него и вижу широкую улыбку на его лице.

— Писатель, да? Очень круто. Ты что-нибудь писала раньше? — спрашивает он.

— Я написала тонну текстов за последние года. Стихи, рассказы, пару пьес... Возможно, это полная чушь, поэтому я бы пошла в колледж. Я не знаю. Есть что-то такое в том, чтобы просто сидеть и придумывать историю. Представлять другое время, другое место, представлять себя там. Заставлять героев делать и говорить то, что ты хочешь. Разворачивать историю так, как запланировал ты. Ничего не существует, кроме этой истории. Ты можешь закрыть окружающий мир и жить в выдуманном месте. Люди не обязаны умирать или слишком много пить. Ты можешь повернуть события так, как тебе нравится. Заменить историей настоящую жизнь в любой момент.

Я поняла, что блуждаю в мыслях, и заставила себя остановиться. Когда я думаю о писательстве, я всегда погружаюсь в работу и могу говорить об этом днями.

— Ты позволишь мне прочитать что-нибудь из того, что ты написала — спрашивает Зэндер.

— Ты не захочешь читать то, что я написала, поверь мне, — смеясь, говорю я, думая о тетрадке с сентиментальными любовными стихами и романтическими историями. Она спрятана в кладовке.

— Спорим, нет. Я бы с удовольствием прочитал все, что ты написала, потому что это твое. Они вышли из твоего сердца и души. Это замечательно, — говорит он, останавливая качели и разворачиваясь ко мне.

Он протягивает руку и хватается цепочки моих качелей. Он притягивает меня к себе, пока наши ноги не переплетаются.

— Если бы ты могла написать одну историю, которую прочитают все, о чем она была бы? — спрашивает он, глядя мне в глаза.

— О моей жизни, — шепчу я. — Это звучит нарцисстично? Писать книгу о себе? Он трясет головой и улыбается.

— Неа, совсем нет. Это жизнь. Это удары и синяки, боль и страх. Она запутана, реальна и совсем не идеальная история, которую можно выдумать. Именно об этом тебе стоит написать. И я, черт возьми, хотел бы быть первым, кто прочитает ее.

Я смеюсь над его словами и делаю то, что хотела сделать с того момента, как мы пришли сюда. Я наклоняюсь и прижимаю свои губы к его. Спуская руку по его шее, я запускаю пальцы в волосы и прижимаю его голову к моей. Он сжимает цепочки качелей, чтобы удержать меня на месте, я целую его и трогаю его лицо.

— Иииииу, фу какая гадость. Вы знаете, что так можно заработать плешь? — жалуется Люк позади нас.

Мы медленно отстраняемся друг от друга и смеемся над его отвращением. Зэндер отпускает цепочки, и я отодвигаюсь от него.

— Почему ты не играешь? — Зэндер спрашивает Люка.

— Мне скучно. Мне не с кем играть.

Я спрыгиваю с качелей, хватаю Зэндера за руку и тяну его, подводя к Люку.

— У меня есть суперская идея. Мы можем заняться этим вместе, — говорю ему.

— ТЫ хочешь научить меня как делать сальто? — восторженно спрашивает Люк.

— Еще нет. Тебе еще надо над кое-чем поработать.

Хватая Зэндера за руку, я ставлю его рядом с Люком и встаю перед ними, чтобы мы могли видеть друг друга.

— Итак, мальчики, руки на бедра, — я раздаю инструкции.

Они делают, как я говорю. Я старюсь сдержать смех над тем, какими серьезными они выглядят. Люди — мини-версия Зэндера, с его темными волосами и светлыми глазами.

— Повторяйте за мной. Иди, борись, выигрывай.

Они оба повторяют слова. Когда Люк путает слова и начинает повторять их, Зэндер толкает его плечом и Люк толкает его в ответ.

— Вау, полный отстой. Я вас совсем не слышу — я дразню их.

Они не стесняясь орут слова во все горло. Люк начинает кашлять, потому что кричал слишком громко.

— Вам обоим нужно поработать, но мы продолжаем. Поднимите руки над головой в форме буквы V, вот так... — я показываю им, сжимая кулаки и поднимая руки над головой.

Люк сразу повторяет мои движения, но Зэндер стоит и смотрит на меня.

— Подожди, ты учишь нас как быть черлидерами? — шокировано спрашивает он. — Мы парни. Мы не занимаемся черлидингом.

Опуская руки, я медленно подхожу к нему, пока не упруюсь ему в грудную

клетку, встаю на цыпочки и скольжу своей грудью по его. Я кладу ладонь ему на грудь и наклоняюсь набок, и шепчу в ухо:

— Пожалуйста, пожалуйста, Зэндер. Это сделает меня счастливой, — шепчу я, позволяю своим губам нежно касаться его уха.

Я отхожу от него, он прочищает горло и тяжело сглатывает.

— Что женщина хочет, то она и получит, — говорит он. Я улыбаюсь ему и возвращаюсь на свое место перед ними.

Я провожу остаток дня, обучая их черлидингу и показывая Зэндеру частичку той меня. Я чувствую себя беззаботно, флиртую и очень счастлива. Я очень скучала по такой себе. Я скучала по возможности просто отпустить ситуацию и жить.

— Спасибо, что взяла Люка в парк со мной, — говорит Зэндер, держа меня за руку. Мы идем обратно к его машине. Мы уже забрали Люка и купили ему мороженое по пути домой.

— Спасибо, что позвал меня. Я хорошо провела время.

Пока Люк залезает на заднее сиденье и возится с ремнем, Зэндер притягивает меня к себе и прислоняет меня к дверце пассажирского сиденья.

Он молча смотрит на меня, пока я, наконец, не беру ситуацию под контроль и прерываю тишину.

—Что?

Он медленно улыбается и прислоняется лбом к моему лбу.

— Я просто рад, что ты здесь,— тихо говорит он.

— И я, — шепчу в ответ.

И первый раз я действительно имею это в виду. Если бы я посмотрела на свои

планы год назад, я бы пропустила все эти моменты с ним. Они становятся важными и особенными для меня. Как и он.

Я почти могу чувствовать, как груз падает с моих плеч. Я почти вижу, как некоторые мои печали улетучиваются. И это кажется правильным. Кажется, что настало время снять с себя давление, которое я сама на себя наложила.

Глава 12

Предать тебя

— Ты не можешь все контролировать, Эддисон, — говорит доктор Томпсон. — Иногда случаются вещи, которые от тебя не зависят. Я знаю, сложно искать ответы и не находить их.

Не важно, сколько бы она ни говорила мне этого, мне все еще сложно понять. Я хочу знать. Почему моя мама так неожиданно ушла. Я хочу знать, почему мой отец не может быть сильным. Я хочу знать, почему мне так сложно двигаться дальше.

— Тебе просто нужно помнить, что ты ни в чем не виновата. Твой отец взрослый человек и делает свой собственный выбор. Он стал алкоголиком, не потому что он недостаточно сильно тебя любит, а потому что он слишком любит себя. Семьям зависимых понять это сложнее всего. Это случилось не потому, что ты что-то сделала или чего-то не сделала. На твои молодые плечи свалилось очень много обязательств. И, кажется, твой отец старается исправить это. Он старается доказать тебе, что он становится лучше. Постарайся поверить, что существует вероятность, что он, наконец, готов стать тем человеком, который тебе нужен. Ты можешь заставить его захотеть бросить пить. Ты не можешь контролировать его решения. Все, что ты можешь, — это жить своей жизнью и делать то, что делает тебя снова счастливой.

Когда наша еженедельная встреча подходит к концу, я снова задумываюсь, так ли это легко. Мысленно я понимаю, что не могу контролировать действия других, но все еще тяжело иногда не брать на себя ответственность.

— Я знаю, что тебе всегда была важна вера и за это время ты ее порядком растеряла. Может, настало время использовать тот смешной девиз, который ты так ненавидишь: «Отпусти и пропусти Бога». Я знаю, что мы немного не следуем установленному порядку. Но иногда только так это и работает. Шаг второй: Поверь, что сила, которая превыше нас, может снова сделать из нас святых. Ослабь вожжи, Эддисон. Позволь Ему беспокоиться о будущем и всех «что если». Просто отпусти ситуацию.

Мой отец дома уже несколько недель и к моему удивлению проводит каждый божий день в кондитерской. Он отсутствует, только если у него запланирована встреча или назначен прием у доктора. Каждый раз, когда я захожу, он берет меня за плечи, разворачивает меня и отправляет за дверь. Хорошие новости — я могу больше времени проводить с Зэндером. Плохие новости — я в основном беспокоюсь о том, как идут дела в магазине, и все ли в порядке.

— Может мне стоит позвонить еще раз перед уходом, — говорю я Зэндеру, шагая за ним. Он загружает корзинку для пикника и покрывало в багажник. Я не так сильно беспокоюсь, когда я несколько часов нахожусь на расстоянии звонка. Но сегодня мы собираемся в горы, в поход на пикник. То есть провести целый день там, где он не сможет мне дозвониться, если что-то пойдет не так.

— У нас заказ на большой капкейк на свадьбу Маршаллов. Его заберут сегодня и мне нужно убедиться...

— Милая, я уверен, все в порядке. Твой отец знает, что он делает, — убеждает меня Зэндер, закрывая багажник.

Я издаю тяжелый вздох, и он поворачивается ко мне лицом. Он обнимает меня

за талию, смыкает руки у меня за спиной и притягивает меня к груди. Мои руки скользят по его футболке, пока правая рука не ложится на его сердце, и я могу чувствовать его сердцебиение, уверенное и стабильное.

— Я знаю, что очень сложно отпустить ситуацию и поверить в него, но он вел себя хорошо в последнее время, да?

Я киваю головой и пробегаюсь руками по его груди. Я кладу руки ему на плечи. В последнее время мы проводим вместе очень много времени. Мы уже попробовали все от ужина, походов в кино, кафе и сборки домов из Лего до просто любования закатом на крыльце. После того, как он привозит меня домой каждый вечер, мы несколько часов переписываемся, просто обсуждаем наши жизни. Я знаю, что он всегда хотел работать в больнице и помогать людям, потому что его отец страдал от сильнейшего диабета, и его семья проводила очень много времени в больнице, когда Зэндер был младше. Ему нравилось, как даже если кто-то был смертельно болен, только вид медсестры, доктора или другого сотрудника больницы вдохновлял его и заставлял улыбаться. Я знаю, что он очень серьезно относится к роли старшего брата. Даже несмотря на то, что он уже не живет с родителями, он проводит много времени со своими братьями, со всеми вместе и с каждым по отдельности. Он дает им советы и следит, чтобы они шли по верному пути.

Я знаю так много о нем, и мне с ним комфортно. Но что-то у меня в голове говорит мне, что, может быть, мы слишком торопим события. Может быть, нам слишком хорошо вместе. У меня все еще два очень важных события в моей жизни, о которых я ему еще не сказала. Моя мама и тот день на кладбище. Я знаю, мне нужно ему рассказать. Я знаю, что мне нужно выложить все как на духу. Чтобы он знал, во что

он ввязывается, но я просто пока не могу. Я знаю, в тот момент, когда я увижу в его глазах жалость и, может быть, отвращение вместо понимания, я буду не готова к этому. Я не готова к тому, что он посмотрит на меня по-другому. Его поддержка и дружба сейчас очень много значат для меня. Я не могу испортить их своими проблемами и прошлым. Я скажу ему. Мне придется ему сказать. Просто не сейчас.

— Давай просто сходим в горы на пикник и потом, если ты не против, я разрешу тебе сходить в магазин и проверить как там твой отец, — улыбаясь, подмигивает Зэндер.

Он крепче сжимает меня в объятиях и у меня захватывает дыхание. Такое случается каждый раз, когда он рядом. Ощущение его тела, прижатого ко мне, пробуждает радость и мурашки в животе. Это заставляет меня забыть о моих планах и просто захотеть провести с ним весь день в кровати. Мы еще не зашли дальше поцелуев и прикосновений. Но каждый раз я чувствую себя живой и желанной. Я знаю, он тот, которому я хочу отдать всю себя. Он единственный, кто когда-либо пробуждал во мне такие чувства. Я знаю, очень скоро я отдам ему еще один кусочек себя, который не давала ни одному мужчине. Каждый раз, когда мы наедине, он убеждает меня, что он не хочет на меня давить и что только мне решать, как далеко мы зайдём. Я знаю, это сумасшествие желать поделиться с ним самым сокровенным и особенным, когда я не отдала ему самую важную часть: правду. Я знаю, что сделав этот шаг, я снова почувствую себя живой. Мне стоит найти другую причину, чтобы двигаться дальше в отношениях с ним. Но я не могу сдержаться. Больше всего на свете я хочу почувствовать что-нибудь внутри кроме страха. И я скажу ему правду. Может, когда я сделаю следующий шаг, это придаст мне силы и смелости. Мне

стоит все ему рассказать. Его губы прижимаются к моим, я провожу рукой по его волосам и запускаю язык в его рот, я знаю, что мое сознание уже решило, как далеко мы зайдем и как скоро это произойдет.

Звонок моего мобильного телефона в заднем кармане заставляет нас оторваться друг от друга. Я хихикаю, когда Зэндер отходит на пару шагов и поправляет джинсы, делая пару глубоких вдохов. Я не могу сдержатъ смех, зная какой эффект я на него произвожу.

Улыбка на моем лице быстро исчезает, когда я слышу панику в голосе отца.

— Эддисон, ты говорила с Мэг сегодня? Она не пришла на работу и не берет трубку, — говорит он уставшим голосом. Я слышу звон посуды на заднем фоне и гул посетителей, которые делают заказы.

— Нет, я не разговаривала с ней пару дней. Волна вины пробирает меня, когда я понимаю, что не видела ее уже неделю, с тех пор как отец не пускает меня в кондитерскую.

— Ты хочешь, чтобы я приехала? — спрашиваю я. Зэндер подходит ко мне и вопросительно смотрит на меня.

— Мэг не появилась на работе, и мой отец не общался с ней, — шепчу ему, пока отец громко ругается, я слышу падающий звук.

— Нет, у меня все под контролем. Я не хотел портить тебе день, — заверяет он меня.

— Почему бы нам не заехать к ней? — спрашивает Зэндер. Я киваю и одними губами говорю ему «спасибо». Перед тем как положить трубку, я говорю отцу о наших намерениях и обещаю перезвонить.

— Мне жаль. Я испортила наш пикник. Зэндер берет меня за руку, открывает мне дверь и усаживает на пассажирское сиденье.

— Ерунда. Ничего не испорчено. Мы заедем к ней и потом продолжим наш удивительный романтический пикник в парке. Я смогу положить голову тебе на колени, ты будешь кормить меня виноградом и рассказывать мне, какой я замечательный, — подмигивает он.

Я закатываю глаза и забираюсь в машину. Я смеюсь, когда он закрывает дверь. Надеюсь у меня еще будет миллион точно таких дней.

— Мэг, давай, открывай, — я ору через дверь. Мы уже пять минут барабаним в дверь, но она не отвечает.

— Я знаю, ты там, я видела твою машину.

Зэндер прислонился плечом к стене возле двери и скрестил руки на груди.

— Хочешь, чтобы я попробовал?

Я озадаченно вздыхаю и продолжаю сверлить дверь взглядом, в надежде что она откроется.

— Я не знаю. Может она просто уснула в наушниках и врубила iPod на полную громкость. Она меня убьет, если мы просто вломимся к ней.

Я снова набираю ее номер. Как только я собираюсь сбросить звонок и набрать ее номер в пятый раз, мы слышим громкий стук и звук разбивающегося стекла. Зэндер быстро отходит от стены и встает рядом со мной.

— Отойди, милая, — говорит он, и я встаю за его спиной.

Сильным ударом ноги он выбивает дверь, и она распахивается, со стуком ударяясь о стену. Обгоняя его, я залетаю в квартиру, выкрикивая имя Мэг.

— МЭГ! ГДЕ ТЫ? МЭГ!

Зэндер бежит по пятам и врывается в меня, когда я замираю на месте в дверном проеме ее спальни.

— Мэг? О, боже, что за черт?

Я не могу заставить себя сделать хотя бы шаг.

Нет, нет, нет. Пожалуйста, господи, нет. Она не могла сделать это снова. Она не могла.

Мне нужно подойти к ней и проверить как она, но я не могу. Моя подруга свернулась в комок на полу в своей комнате, окружена битым стеклом, на руках кровь в нескольких местах, а я не могу заставить себя подойти к ней.

Зэндер проталкивается мимо меня и подбегает к ней, садится на корточки возле нее, даже не переживая, что он встал в стекла и кровь.

— Эй, солнышко, проснись. Давай, посмотри на меня, проснись, — мягко говорит Зэндер и берет ее лицо в руки, поворачивая голову к себе.

Я даже не замечаю, что задерживаю дыхание, пока она слабо не открывает глаза и улыбается ему.

— Привет, горячий парень, — она слабо произносит.

Что-то не так. Кроме очевидных вещей, она лежит на осколках ламп, фоторамок, и еще бог знает чего, у нее нет голоса. Я быстро обвожу взглядом комнату, и мои глаза фокусируются на пустом флаконе возле ее кровати.

— Эддисон, звони 9-1-1, — тихо говорит Зэндер, нежно убирая волосы Мэг с ее глаз.

Я слышу его, но не могу ничего сделать, только не отрываю взгляд от флакона

таблеток. Я насчитываю три флакона, но нигде не видно таблеток. Она приняла все? Что она приняла? Почему она это сделала? Я знаю, она это уже делала. Господи! Мы встретились в психиатрическом отделении с одинаковыми бинтами на запястьях, которые скрывали вертикальные шрамы, но теперь все в порядке. Мы обе в порядке. Мы обе живем своей жизнью и знаем, что единственный момент слабости больше не повторится. Мы не станем делать это снова, потому что мы не хотим умереть.

Но может это не правда. Я знаю, что я так думаю, а что насчет нее? Мы никогда не говорили об этом. Наша дружба была основана на том, чтобы не лезть в жизнь друг друга.

Это работало.

Я смотрю на Зэндера, пока он мягко разговаривает с Мэг и старается заставить ее сфокусироваться на нем и не дать ей заснуть. Я понимаю, что это не сработало. Вообще не сработало. Это была тупая идея. Это вообще не имеет отношения к дружбе. Дружба это значит быть рядом с кем-либо, помогать в сложный период и отмечать хорошие новости вместе. Знать все о другом человеке и все равно любить его и находиться рядом. Я ничего такого не делала для Мэг. Я держала ее на расстоянии и понятия не имела, через что она прошла и все еще проходит. Стоя здесь, наблюдая, как она пытается открыть глаза, я вспомнила тот день, когда я зашла домой после безумного звонка отца.

Я забежала в дом и натолкнулась на тетю в кухне.

— Не ходи туда, дорогая. В ее комнате следователь, — сказала она и положила руки мне на плечи. Я стряхнула их и постаралась пройти мимо нее.

— Мне нужно туда. Мне нужно ее увидеть.

Она обняла меня сзади и прижала к себе. Я вырывалась. Мне нужно было пройти в другой конец коридора. Мне нужно было увидеть, что это просто шутка. Этого не могло произойти. Это не правда.

— Эддисон, дорогая, тебе не стоит идти туда, — мягко прошептала она мне в ухо.

— ПУСТИ! МНЕ НУЖНО УВИДЕТЬ ЕЕ! — закричала я во все горло.

Я, наконец, вырвалась из ее хватки и побежала по узкому коридору в спальню моих родителей. Я проигнорировала отца, который рыдал в гостиной, прижавшись к стене.

Я остановилась в дверном проеме, как раз когда мужчина в черном пиджаке отошел от кровати и кивнул мне.

— Она спит. Она просто спит, — я бормотала сама себе, когда впервые ее увидела.

Она лежала на боку, под покрывалом, отвернувшись от меня.

Мужчина в костюме подошел ко мне и положил руку мне на плечо:

— Я сочувствую твоей утрате.

Я даже не взглянула на него. Я не могла отвести взгляд от мамы.

Когда он прошел мимо и вышел из комнаты, мои ноги медленно понесли меня к кровати, ближе к тому месту, где она спала, просто спала.

Я обогнула кровать и наконец увидела ее лицо, такое спокойное и умиротворенное.

— Мам?

Ответа не последовало, и я подошла на шаг ближе, пытаюсь найти признаки жизни, что-нибудь, что бы подтвердило, что этого не происходит.

— Нет, нет, нет, нет, нет,— я бормотала сквозь слезы, стоя рядом с кроватью, просто глядя на нее. Я была не способна двигаться. Моя грудь болела, зрение помутнело от слез. Я обняла себя за талию и продолжала повторять свое отрицание, пока не начала орать снова и снова:

— НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ!

— Нет, нет, нет, нет.

Звук моего собственного голоса вернул меня в настоящее. Я попыталась понять, что происходит.

— ЭДДИСОН!

Крик Зэндера заставил меня подпрыгнуть, и я поняла, что не свожу взгляда с пустых флаконов, вместо того чтобы помочь Мэг.

Трясущимися руками я набираю 9-1-1 и монотонным голосом говорю диспетчеру, что по моему мнению моя подруга пыталась себя убить.

Как только Зэндер понял, что я в порядке и больше не собираюсь стоять без дела, размышляя о нашей дружбе, Зэндер оставил меня наедине с Мэг, а сам вышел на улицу в ожидании скорой помощи. Я сижу рядом с ней, держу голову на своих коленях и стараюсь не заплакать, когда она смотрит на меня. Ее глаза заплаыли от снотворного, которое прописал ей доктор, чтобы избавиться от кошмаров.

— Почему? Почему ты не сказала мне? — шепчу я, поглаживая рукой ее щеку.

— Глупо, Эдди, мы не рассказываем ничего друг другу, — еле слышно говорит она с улыбкой на лице. — Все просто замечательно, если мы не разговариваем.

Я моргаю, не давая волю слезам, и смотрю на нее.

— Прости меня, мне так жаль.

У нее вырывается смешок, она слабо протягивает руку и слегка похлопывает меня по руке.

— Ты такая глупая. Это не твоя вина. Это МОЯ вина. Это все моя вина. Все моя вина. Они умерли из-за меня. Меня, меня, меня. Я во всем виновата. Мне так хочется спать, — почти беззвучно говорит она, ее глаза закрываются.

— Нет, Мэг, проснись! Ты не можешь заснуть. Пожалуйста, Мэг, открой глаза, — умоляю я, по щекам струятся слезы. Ее глаза медленно приоткрываются, но не фокусируются на мне. Она смотрит на точку над моей головой.

— Мне не стоило убегать на вечеринку. Мне не стоило столько пить. Моя вина, что ты приехал за мной. По моей вине тебя сбил грузовик. Моя вина, моя вина, моя вина, — она грустно шепчет. — Я все исправлю. На твоём месте должна была быть я.

Я кручу головой туда-сюда, не понимая, что она говорит, но зная, что все не так.

Так не должно быть. Ничего этого не должно было случиться. Мне стыдно, что я не была хорошей подружкой и не знала, что она держит в себе.

Пока Мэг периодически теряет сознание, я вспоминаю мудрые слова доктора Томпсон и делаю то, что не делала уже давно.

Я молюсь.

Глава 13

Молчи

— Нельзя ожидать, что люди сами поймут, что ты хочешь от них, если ты держишь все в себе, Эддисон, — заявляет доктор Томпсон, усаживаясь поудобнее напротив в своем кресле и протягивая руку за чашкой кофе.

На ее белой чашке розовым цветом детским почерком написано «Лучшая мама в мире». Это напомнило мне какую-то маляку я делала для мамы на каждый День матери. На секунду я задумалась, стояла ли еще эта чашка в кухонном шкафу в доме моих родителей. Возможно уже нет. Я уверена, что ее давно уже там нет, как и других вещей моей матери.

— Твоя злость словно живой, дышащий организм. Его нужно отпустить или он потихоньку будет тебя съедать. Твой отец научился общаться с людьми в реабилитационном центре. Он знает, что он предал тех, кого любил. Он также знает, что они будут на него злиться.

Ты избегаешь общаться с ним на важные темы, потому что ты боишься взбаламутить воду. Ты все еще слишком переживаешь за него и за то, что он может сделать, что ты не думаешь о себе. Ты не сможешь справиться со своим разочарованием, пока наконец не признаешь, как на тебе отразилось его пьянство. Вам обоим следует поговорить об этом и двигаться дальше.

Легче сказать, чем сделать. У нас с отцом никогда не было таких отношений, чтобы мы могли просто сесть и поговорить о своих чувствах. Такие отношения у меня всегда были с моей мамой. Моему отцу следует звонить, когда у тебя проблемы

или тебе нужно поднять что-нибудь тяжелое. Он всегда придет на помощь, и у него в запасе всегда есть шутка или что-нибудь еще, чтобы развеселить тебя. Но он никогда не имел дело со всякими сюси-пуси. Он никогда не был тем человеком, к которому я могла бы обратиться или на которого можно положиться. Наверное, это не лучшая мысль идти к нему сейчас, когда он только что вышел из реабилитационного центра и любая стрессовая ситуация может вернуть его обратно.

— Не бойся предоставить все ему, Эддисон. Настало время кому-то другому передать ношу, которую ты несешь. Он взрослый человек, и настало время ему взять на себя ответственность за свои действия.

Просидев в больнице два часа, нам наконец удалось взять с доктора слово, что с Мег все будет в порядке. В машине скорой помощи она призналась, что приняла несколько таблеток снотворного. Они все еще промывают ей желудок на всякий случай. Врачам не пришлось накладывать швы, удалось обойтись перевязкой ран. Мы не знаем, сколько она пробудет в больнице. Сначала ей следует пройти обследование у психиатра. Она жива и находится в безопасности. Это все, что имеет значение.

— Ты уверена, что не хочешь сначала заехать домой и переодеться? — мягко спросил Зэндер, как только мы припарковались у кондитерской. Я мельком глянула в зеркало и поняла, что моя футболка в пятнах крови Мег. Пока Зэндер паркуется, я рассматриваю красные пятна на моей футболке и дотрагиваюсь до каждого из них.

— Мне не следовало уезжать. Она там совсем одна. У нее никого нет, кроме

меня, — бормочу я, продолжая водить руками по кровавым следам. Я раздумывала над ее словами о том, что их больше нет и это ее вина. Я могу только предположить, что она говорила о своих родителях. Мне разбивает сердце мысль, что все это время у нас было гораздо больше общего, чем я думала.

Зэндер протягивает руку и берет меня за руку. Он подносит ее к губам и целует тыльную сторону руки. Я смотрю на него. Другой рукой он проводит по моим волосам и по лицу.

— Она в порядке, милая. Они дадут ей сильное успокоительное. В ответ я киваю головой, но меня еще мучает чувство вины. Я оставила ее наедине со своими демонами, а теперь я оставила ее одну-одинешеньку в больнице. Это неправильно.

— Мне придется на один час погрузиться в работу, нужно доделать кое-какие документы. Я позабочусь о ней и скажу тебе, как там дела, — обещает он. Мне хочется сказать ему, что я его люблю. Это осознание сотрясает меня словно пощечина. Я сижу и смотрю на него, покрытая кровью моей подруги и заживо съедаемая чувством вины. Мне хочется сказать ему, что я способна дышать только потому, что он сидит рядом со мной и заботится обо мне. Но я молчу. Я не могу. Я не стану обременять его своими чувствами, пока он не узнает всего обо мне. Вместо этого я прислоняюсь лбом к его лбу и издаю тяжелый вздох.

— Спасибо, что был со мной сегодня, — нежно говорю ему.
— Не благодари меня за такие вещи. Конечно я здесь, и я никуда не уйду. Ты же знаешь, Эддисон.

Его голос наполнен беспокойством и заботой. Мне кажется, что он

догадывается о том, что я хотела ему сказать, до того как он меня остановил. Я задумываюсь о том, знает ли он обо мне больше, чем я рассказала. Может, это его способ убедить меня, что независимо от моих поступков и слов он никуда не уйдет. Я выдаю желаемое за действительное. Я хочу верить в это. Я так хочу, чтобы это оказалось правдой, поэтому предполагаю, что он может читать мои мысли.

— Я должна войти и поговорить с отцом, — говорю ему, отрываясь от него и наклоняясь, чтобы открыть дверь. Все чего я хочу — притянуть его и поцеловать, забыть о том, что произошло сегодня, о моей роли в этом. Но я не могу. У меня есть обязательства.

— Ты позвонишь, если тебе что-нибудь понадобится? — спрашивает он через открытое окно. Я вылезаю из машины и закрываю дверь.

— Я позвоню. Я обещаю.

Когда я захожу через парадную дверь, в магазине никого нет. Я рада этому. Возможно мне следовало воспользоваться советом Зэндера и сначала заехать домой, принять душ и переодеться. Но впервые за долгое время я просто хочу поговорить с отцом. Мне нужна его мудрость и уверенность, которую может дать только отец.

— Чья эта кровь? Твоя? Что, черт возьми, произошло? — беспокойно спрашивает отец, как только я появляюсь в дверях. Он оббегает прилавок и хватается меня в объятия, осматривая нет ли у меня повреждений.

— Я в порядке. Это не моя кровь, — говорю ему усталым голосом. Он берет мое лицо в свои руки и поворачивает его, проверяя правда ли это.

— Что случилось? Этот парень, Зэндер, что-то сделал?

Я отстраняюсь и смотрю на него словно на сумасшедшего.

— Что? Нет! Это кровь Мег, но с ней все в порядке, — быстро говорю ему. Его глаза расширились от шока.

— Что случилось с Мег?

Я неловко прочищаю горло и отворачиваюсь от него, тихо бормоча слова.

— Сегодня у нее был сложный день. Она приняла несколько таблеток снотворного... слишком много. Она разбила некоторые вещи в своей квартире и поранилась. Оттуда кровь.

Долгое время за моей спиной не раздается ни звука. Наконец я разворачиваюсь, чтобы посмотреть, слушает ли он меня вообще. Он стоит на том же месте, руки на поясе, на лице к моему удивлению ярость. Его губы плотно сомкнуты, а руки на бедрах сжаты в кулаки.

— Я знал, что от этой девчонки одни проблемы. Она больше не работает здесь, и я хочу, чтобы ты держалась подальше от нее.

— Что, прости? — в ответ я нападаю на него, от злости стискиваю зубы.

— Ты слышала меня. Тебе не стоит общаться с таким человеком, Эддисон. От нее одни проблемы и это еще одно доказательство. Она пыталась убить себя, боже правый.

Тот, кто так поступает, просто...

Мой отец обрывает фразу, в основном из-за того, что от меня идут волны злости. Я чувствую, как злость закипает во мне, я хочу закричать. Мне хочется выплеснуть злость на стол рядом со мной, чтобы он разбился об пол, а злость перейдет на что-то другое, а не на него. Он понятия не имеет, насколько Мег и я похожи. И мне стоит пожалеть его, так как он настолько жесток, когда речь идет об

этом. Но я не могу. Он не знает, как мы с Мег познакомились. Он не знает, что у нас одинаковые шрамы на запястьях, которые ежедневно напоминают нам о нашей слабости. Он не в курсе, потому что он был слишком занят, очередной раз проводя шестьдесят дней в реабилитационном центре. Он забыл, что дома осталась дочь, которая предоставлена сама себе и должна самостоятельно попрощаться с мамой.

— Тот, кто так поступает, просто кто? Продолжай, закончи предложение. Я хочу услышать, как он это скажет. Я хочу, чтобы он признался, что этот человек — поврежден, сломан, слаб, посредственен...я знаю, что все эти слова проносятся у него в голове, все эти слова, которые я относила к себе последний год.

— Давай, пап, скажи, что ты на самом деле думаешь о Мег. Что ты на самом деле думаешь о том, кто пытался убить себя? Что ты думаешь о человеке, который может быть настолько слабым и так мучиться от боли, что они не видят другого выхода, нет возможности избавиться от боли?

Я даже не поняла, что я надвигаюсь на него, пока не оказалась прямо перед ним, глядя на тело шесть футов два дюйма высотой, ожидая что он скажет обо мне то, что я уже знаю.

— Я понимаю, она твоя подруга и ты расстроена тем, что произошло...

— Вот дерьмо! Ты ничего не понимаешь! — ору я. — Ты знаешь, что я делала год назад, пап? Я сидела на могиле мамы, глотала таблетки с лезвием в руке. Я свернулась калачиком у ее изголовья, желая быть где угодно, только не здесь без нее. Все, что ты думаешь о Мег: какой она плохой человек, безнадежная, и сломленная, и потерянная, угадай что? Это про меня.

Я закатываю рукава, пихаю руку ему в лицо и наблюдаю, как его лицо теряет

цвет, пока я говорю. Он не сводит глаз с белого шрама на моем запястье.

— Вот как выглядят безнадега и ... пап. Они выглядят точно также как Мег. И чувствуются точно также, как чувствует она. Это чувство одиночества и осознания, что тебя бросили все, кого ты любил, им нет дела до тебя, — кричу я, пока он медленно качает головой, как бы отрицая все это.

— О, Эддисон, нет, — мягко говорит он.

Я уверена, что это не совсем то, о чем говорила доктор Томпсон, когда советовала мне, наконец, поговорить с отцом. Но теперь, когда я начала, я не могу остановить поток слов.

— Она умерла, и они могли похоронить тебя рядом с ней. Ты избавился от всех ее вещей и отказывался говорить о ней или признавать ее существование. Вот она была здесь, и все было в порядке, а теперь ее как будто не существовало никогда. Мы не говорили о том, как сильно мы скучаем по ней, и мы не делились воспоминаниями о ней. И упаси бог нас произнести ее имя. Во время праздников мы игнорировали все традиции, которые были у нас. Потому что НИКТО НЕ МОГ ГОВОРИТЬ О НЕЙ!

Я хочу заплакать. Мне стоило заплакать. Меня переполняют эмоции, я говорю отцу все те вещи, которые держала в себе последний год. Мои эмоции на пределе. Каждое слово правды словно нож в сердце каждого из нас. Я знаю, что ему больно, я знаю, что разбередила старые раны. Выражение его лица говорит о том, что его раны открыты и кровоточат, причиняют боль. Но мне все равно. Я хочу, чтобы ему было больно. Я хочу, чтобы он почувствовал часть той боли, через которую я прошла и с которой я справлялась в одиночку.

— Это из-за Зэндера, да? Он вбивает тебе это в голову и старается настроить тебя против меня, — спорит отец, все еще мотая головой. Я отвожу руку, но не прячу мой шрам. Я всегда ношу одежду с длинным рукавом, чтобы скрыть свой поступок. С меня хватит. С меня хватит лжи, секретов и притворства.

— Ты вообще слышишь себя? Почему ты думаешь, что Зэндер имеет отношение к тому, что я чувствую или что я сделала? Ты даже не знаешь его.

Мой отец издает раздраженный смешок и нервно проводит рукой по волосам.

— Ты тоже не знаешь. В последнее время ты проводишь с ним много времени. Я рад, что ты развлекаешься и проводишь время подальше отсюда, я просто не доверяю этому парню, — говорит он.

— О, это в тебе зависть говорит, — выпаливаю в ответ.

— Что, черт возьми, это значит?

Я закатываю глаза и отхожу на шаг назад, увеличивая дистанцию между нами.

— Ты прекрасно знаешь, что это значит. Может я знаю его не так давно, но я доверяю ему. Я знаю тебя всю жизнь и не могу сказать о тебе того же. Раздражение на его лице сменяет печаль. Я знаю, это мои слова, но мне все равно. Мы на цыпочках ходили вокруг друг друга с тех пор, как он вернулся домой. С меня хватит. Я не могу постоянно беспокоиться о том, что любое мое слово или мой поступок может заставить его взяться за старое. Доктор Томпсон права. Он взрослый человек и принимает решения сам. Я не могу нести ответственность за его неудачные решения. Впервые я поняла и поверила в то, что она говорила на протяжении долгого времени. Это не моя вина.

— Мег поправится, кстати, — я информирую его, возвращая разговор к важному

вопросу. Я знаю, что все мои слова пролетели мимо ушей, как обычно. Я разворачиваюсь и иду к входной двери, оставляю ее открытой и выхожу на улицу. Мой отец снова и снова зовет меня, но я игнорирую его.

Глава 14

Дорогая Любовь моя

— Ты единственная, кто сможет сделать тебя снова счастливой, Эддисон. Все это время власть была у тебя. Тебе просто нужно снова найти причину быть счастливой, — говорит доктор Томпсон. — Если Зэндер делает тебя счастливой, почему ты сомневаешься?

Мне нечего ей ответить. Я честно не знаю, почему я не позволяю ему войти в мою жизнь во всех смыслах, я лишь позволяю себе бояться, что он уйдет. Но я знаю, что этого не случится. Он не тот человек, который так поступит, и я знаю это в глубине души.

— Я думаю, сейчас ты понимаешь, что не сможешь прожить всю жизнь в страхе. Ты знаешь, что каждый миг, каждый момент на этой земле бесценен, и не стоит принимать все как должное. Не трать время на страх. Подними свой зад и будь счастлива!

Я сижу и в шоке смотрю на доктора Томпсон. Я сижу так довольно долго, она закатывает глаза. Что-то подобное сказала бы моя мама. Меня застали врасплох.

Первый раз я выхожу из кабинета доктора Томпсон, и у меня мурашки бегут по коже.

Я стою на маленьком парадном крыльце Зэндера, насквозь мокрая, стараюсь набраться храбрости и постучать в дверь. Мне стоило вызвать такси, когда я вылетела из кондитерской. Зэндер забрал меня с утра на пикник, а моя машина осталась у дома. Мне не хотелось ждать на парковке такси, чтобы отец мог увидеть меня и выйти поговорить, поэтому я шла, пока не приехала машина. Я прошла семь кварталов под ливнем. Темные облака и проливной дождь соответствовали моему настроению.

Но стоя тут, когда волосы прилипли к лицу, мокрая одежда — к телу, я чувствую себя как в тупой мелодраме, когда главная героиня бежит сквозь дождь к любимому мужчине. Это слишком банально, даже для меня. Но я здесь, и я тоже могу постучать и покончить с этим. Мне нужен Зэндер. Мне нужно тепло его рук и его успокаивающий голос, который скажет, что все будет хорошо.

Я не успеваю постучать, как дверь открывается нараспашку. Зэндер стоит в своей больничной униформе, и мне приходится вспоминать зачем я здесь. Я никогда не видела его в форме. Это стоит видеть. Одежда под цвет его глаз, голубая. Все о чем я могу думать — это как бы снять с него одежду.

— О, боже, ты что пешком шла сюда? Почему ты не позвонила мне? — шокированно спрашивает он, оглядывая подъездную дорожку в поисках моей машины.

— Давай скорей, заходи.

Он затягивает меня в дом и закрывает дверь. Он незамедлительно обвивает меня руками и притягивает к себе.

— Ты промокнешь, — жалуясь я, пока он быстро растирает мою спину, чтобы согреть меня.

— Не важно. Почему ты не позвонила? Ты обещала, что позвонишь, если тебе что-нибудь понадобится. Я бы заехал за тобой, — ворчит он.

Я зарываюсь лицом в его шею и глубоко вдыхаю запах мыла и его одеколona, чтобы успокоиться и перестать злиться.

— Прости меня. Я поругалась с отцом, мне нужно было уйти. Мне нужно было быть здесь, с тобой.

Я говорю ему в шею и не могу сдержаться, чтобы не оставить маленький поцелуй на его Адамовом яблоке. Теперь его форма полностью промокла благодаря мне, я чувствую жар его тела. По моему телу пробегает дрожь, но не из-за мокрой одежды, а из-за мужчины, который обнимает меня.

Я слегка освобождаюсь из его объятий, чтобы посмотреть в его лицо. Он подносит руку к моему лицу и убирает волосы с моего лба.

— Тебе нужно избавиться от мокрой одежды. Я принесу полотенца, — ласково говорит он и собирается идти. Я хватаю его за мокрую форму и притягиваю к себе.

— У меня есть идея получше. Как насчет того, чтобы и ты снял свою одежду. Мы сможем убить двух зайцев, — улыбаясь, говорю ему.

Я наблюдаю как он облизывает губы и нервно сглатывает, прежде чем заговорить.

— Не соблазняй меня сейчас. Мне и так сложно не пялиться на твою просвечивающую футболку. Я стараюсь вести себя как джентльмен.

Он снова начинает уходить. Пока он не успел отвести от меня взгляд, я быстро стягиваю футболку через голову, швыряю ее на паркет, куда она приземляется со шлепком. У него падает челюсть, когда он видит меня в одном белом, кружевном бюстгальтере и мокрых джинсах.

— Что ты... о, Господи... я... Боже... Вау...

Я не могу сдержать смех, пока он бормочет слова, оглядывая меня. Я думала, я буду нервничать сильнее. Мне стоило понимать, что все не так. Все в Зэндере меня устраивает. С ним я, наконец, могу быть самой собой.

Я хватаюсь за застежку на джинсах, просовываю пуговицу в дырку и медленно расстёгиваю молнию.

— Я думаю, мне может понадобится помощь, чтобы снять мокрые джинсы.

Когда я просовываю большие пальцы за пояс, чтобы снять мои джинсы, Зэндер наконец обретает голос и быстро кладет свои руки на мои, чтобы остановить мои попытки снять их самостоятельно.

— Милая, ты сводишь меня с ума. Что ты делаешь? — шепчет он.

— Я знаю, я немного неопытна в этих вопросах, но я верю, что я снимаю с себя одежду. Тебе, вероятно, стоит сделать то же самое, — улыбаясь, говорю ему.

— Ты только что поругалась с отцом и прошла весь путь сюда под проливным дождем. Я не хочу, чтобы ты сделала что-то в расстроенных чувствах, о чем потом будешь жалеть.

Я хватаю его руки, убираю их с моей талии и подношу к своим щекам.

— Ты прав. Я расстроена, и у меня была ужасная ночь, но я никогда в жизни не буду жалеть об этом. Не с тобой. Я здесь, потому что ты нужен мне. Я здесь, потому что я хочу тебя. Я здесь, потому что я люблю тебя.

Я не могу забрать слова назад. И хотя я знаю, что мне стоило подождать, прежде чем их произносить, я не могла. Мне нужно, чтобы он знал, что я чувствую. Мне нужно, чтобы он знал, что это не минутное решение, основанное на моих эксцентричных эмоциях. Я, может быть, и не планировала, что это произойдет сегодня. Но тот факт, что его лицо, его дом, его улыбка были единственными картинками, которые всплывали в моей голове, после того как я вышла из кондитерской, что-то значит. Он важен для меня. Я хочу, чтобы он это знал.

— Скажи что-нибудь, — шепчу я. В это время он стоит передо мной, держит мое лицо и смотрит мне в глаза.

Может быть, для него это слишком. Может, он не готов к такому, и я все

испортила своим признанием в любви. Не важно, я никогда не пожалею, что рассказала ему о своих чувствах. С меня хватит скрывать свои чувства, хорошие и плохие.

— Повтори, — ласково отвечает он и проводит большим пальцем по мой скуле.

— Я люблю тебя, — незамедлительно отвечаю я.

— О, слава богу.

Его губы обрушиваются на мои, я улыбаюсь ему в рот. Он обхватывает меня и прижимает к себе. Когда его язык сплетается с моим, я не могу сдержать стон. Я люблю целовать этого мужчину, я люблю прикоснуться к этому мужчине, и я не хочу больше ждать.

Я не знаю, почувствовал ли он мое нетерпение или это смесь его собственных чувств, но он быстро поднимает меня, я обвиваю его ногами. Он разворачивается и несет меня по коридору, прямо в спальню, не прерывая поцелуй.

Он спотыкается в темном коридоре, прижимает меня к стене каждые несколько шагов, пока мы стараемся снять с него мокрую одежду в перерывах между поцелуями и смехом. Когда мы, наконец, попадаем в его комнату, он ставит меня на ноги возле кровати, и мы помогаем друг другу снять остатки мокрой одежды. В темноте спальни, сквозь окно уличный фонарь освещает лишь его очертания. Он улыбается мне, берет меня и нежно кладет на кровать. Он быстро надевает презерватив и накрывает мое тело своим.

Он удерживает свой вес и лежит на локтях. Я обхватываю его бедра ногами и стараюсь прижать его к себе так близко, насколько возможно.

— Скажи еще раз, — шепчет он и смотрит на меня.

Я хихикаю, затем смотрю на него с полной серьезностью и повторяю снова:

— Я люблю тебя, Зэндер.

Он издает стон облегчения и упирается своим лбом в мой.

— Я полюбил тебя с первого взгляда.

Мне хочется заплакать от сладости его слов, но сейчас не время для слез. И не время грустить. Сейчас время жить... и быть счастливой.

— Ты уверена?

От его слов бабочки дико машут крыльями у меня в животе. Он не просто меня любит, он заботится обо мне. Он хочет, чтобы у меня все было хорошо. Я не сомневаюсь, если я передумаю, ничего не изменится.

Но я не собираюсь менять решение. Я хочу его сильнее, чем смогу описать.

— Я уверена в этом, как ни в чем другом.

Он закрывает глаза и снова облегченно вздыхает. Он двигает бедрами, чтобы я смогла почувствовать его и осознала, насколько он хочет этого и хочет меня.

Я скольжу рукой по его волосам, прижимаю его рот к своему, пока он

устраивается у меня между ног и медленно начинает входит в меня.

Я вздрагиваю от неожиданной боли. Он отрывается от моих губ, чтобы прошептать извинения и слова любви.

— Прости, прости. Я люблю тебя.

Он приостанавливает движения и замирает. Я наклоняюсь и снова целую его. Мне нужно почувствовать его губы, чтобы успокоиться.

— Все в порядке, я в порядке, — тихо говорю ему, приказываю своему телу расслабиться и напоминаю себе, что больно будет недолго. — Пожалуйста, я в порядке. Продолжай.

Беспокойство и боль на его лице успокаивают меня, я крепче сжимаю ноги вокруг его талии и направляю его глубже, пока он не пробивает барьер, и я могу выдохнуть.

Жжение быстро утихает, и мы вместе двигаемся. Зэндер продолжает повторять снова и снова, как сильно он любит меня. Он трогает меня и целует меня везде, куда может дотянуться. Вскоре удовольствие сменяет боль, и я могу насладиться процессом. Он кладет руку между нами и нежными, как перышко прикосновениями разжигает огонь внутри меня. Я хватают его за волосы, откидываю голову на подушку, а он целует мою шею. Ничего в жизни не было настолько восхитительно. Ничто не сравнится с прикосновениями Зэндера и его движениями внутри меня. Я никогда не ожидала, что мой первый раз будет таким. Я никогда не думала, что почувствую что-то помимо облегчения, когда все закончится. Я не хочу, чтобы это

заканчивалось. Я в шоке, я чувствую, что меня накрывает оргазм по мере того, как он двигает своим телом и его рука медленно трогает меня.

— Зэндер, Зэндер...

Я повторяю его имя снова и снова, пальцы моих ног сжимаются, и удовольствие охватывает каждый дюйм моего тела. Я даже не узнаю звуки, которые вырываются у меня. Я неистово прижимаю свои бедра к нему, чтобы продлить ощущения. Он губами забирает мои крики и начинает двигаться быстрее и жестче. Я крепко охватываю его руками за плечи, чтобы быть ближе к нему насколько возможно. Он сильный и твердый, теплый и нежный. Я хочу обнимать его вечно.

Сквозь оргазм он снова и снова говорит мне, что любит меня. Я держу его так сильно, как могу. Я не хочу его отпускать и не хочу, чтобы этот момент заканчивался.

Зэндер наконец падает на меня. Я счастливо улыбаюсь, чувствуя вес его тела и биение его сердца. Через несколько минут, он скатывается с меня на край кровати, чтобы выкинуть презерватив в мусорную корзину. Он быстро устраивается рядом со мной, обвивает меня рукой за талию и прижимает меня к груди. Зэндер тянется за простынями и накрывает нас. Он прижимается ко мне, покрывает мою щеку, шею, плечо поцелуйчиками, пока я не хихикаю от того, что мне щекотно.

— Я люблю тебя, Эддисон, — шепчет он мне в ухо и кладет голову на подушку за мной.

Закрывая глаза, я просовываю свои пальцы в его руку, которая покоится на моей

талии, и крепче притягиваю его к себе, проваливаясь в сон быстрее, чем раньше за долгое время.

Глава 15

Я буду с тобой

— Я знаю, ты привыкла быть совсем другим человеком, Эддисон. Тяжело снова найти ту девушку, когда на твои плечи свалилось так много, — говорит доктор Томпсон, подносит чашку с кофе к губам и дует на горячую жидкость. На этой неделе на чашке нарисованы маленькие голубые снежинки и фраза «Let it snow» серебряными и синими буквами. Я смотрю в окно на яркое солнце и думаю о том, почему она использует зимние аксессуары, если на улице почти восемьдесят градусов по Фаренгейту.

— У тебя были друзья, ты веселилась и была беззаботна. Прости меня за сленг, но пора делать или дать сделать другим, как говорится, — улыбаясь, говорит доктор Томпсон.

Я ошеломлена ее выбором слов. Моя мама постоянно говорила эту фразу мне и папе. Хотя я уже привыкла к прямоте доктора Томпсон, такого я не ожидала.

— Ты хорошо справляешься, и ты строишь нормальные отношения. Не упускай момент, Эддисон. Будь хорошим другом; замечательным, разумным человеком, которым ты привыкла быть и которым, я верю, ты еще можешь стать.

Прохаживаясь по больничным коридорам, я не могу сдержать улыбку. Несмотря на то, что я волнуюсь за Мег, я нервничаю перед встречей с ней. Я могу думать только о Зэндере и нашей вчерашней ночи. Когда я проснулась утром, он меня все еще крепко обнимал, и я с трудом смогла выбраться из его объятий. Все, чем мне хотелось заняться, — остаться с ним в кровати, устроиться под одеялом и забыть о

внешнем мире. Но сейчас я не могу так поступить. Когда я проверила свой телефон, там было сообщение от Мег и три пропущенных от папы. Мег сообщила, что к ней пускают посетителей. Прямо сейчас у меня хватит сил только на одну проблему, поэтому отцу придется подождать.

— Тук, тук, — говорю я, просовывая голову в дверной проем в палату Мег. Она сидит в постели и щелкает каналы по телевизору. Когда я вхожу, она одаряет меня широкой улыбкой.

— Ты вовремя. Больничные кабельные каналы полный отстой.

Я смеюсь и, подвигая стул ближе к кровати, сажусь. Она в это время выключает телевизор.

— Нууууу, что нового? — спрашиваю с улыбкой. Я пользуюсь методом Зэндера, чтобы немного разрядить обстановку. Я хочу, чтобы Мег могла свободно со мной общаться. Я хочу, чтобы она знала, что я ее друг и я здесь ради нее. Пора поменять свое поведение, и я хочу начать с наших с ней отношений.

— О, знаешь, все как обычно. Небольшая депрессия и попытка самоубийства, чтобы разнообразить день, — говорит она и неловко хихикает.

В воздухе повисает тишина, Мег теребит края изношенного одеяла у себя на ногах.

— Что случилось, Мег? — ласково спрашиваю я.

Она издает тяжелый вздох и откидывается на подушки. Она смотрит в потолок и пытается подобрать слова.

— Два года назад я училась в колледже. Я ходила в школу, чтобы получить

начальное образование. Я все еще жила дома и ходила на занятия, — тихо объясняет она, ее глаза все еще рассматривают потолочную плитку. — Однажды вечером вечеринка слегка вышла из-под контроля, и я перепила.

Мои родители всегда говорили, что я могу позвонить им в любое время, если попаду в неприятности. Я позвонила им и попросила забрать меня, так как все мои друзья были пьяны не меньше меня, а может и больше. По дороге домой отец читал мне нотации об алкоголе и я сказала что-то саркастическое. Он повернулся, чтобы посмотреть на меня. В следующий момент я поняла только то, что вокруг нас все взорвалось. Он вышел на встречу, и мы столкнулись лоб в лоб с грузовиком. Они умерли мгновенно. Я отделалась вывихом запястья и раной на голове. У меня были две маленькие раны, а они расстались с жизнью. Вся моя большая семья после этого не захотела иметь со мной ничего общего. Я и до этого была белой вороной, так как была чуть-чуть дикая. Случившееся доказало, что я плохое семя. Я убила своих родителей, два года назад, вчера.

Наконец, Мег повернула свою голову ко мне. Все, что я хотела сделать, это обнять ее и сказать, что все будет хорошо.

Так я и сделала.

Я поднимаюсь и сажусь на край ее койки.

— Подвинься, — командую я, вытягиваю ноги на одеяло.

— Мы будем обниматься? Оооо, мы можем целоваться? — спрашивает она и двигается.

— Шшшшш, не порти момент, — говорю я, обнимаю ее одной рукой за плечи и притягиваю к себе. Она кладет голову мне на плечо, и мы долгое время сидим в

тишине на ее больничной койке.

— Мне жаль, что так случилось с твоими родителями. Это не твоя вина. Твоя семья — это кучка болванов, — со злостью говорю я, нарушая тишину. Мег издает смешок и обхватывает меня за талию.

— Могу я дать тебе их телефон, чтобы ты позвонила и сказала это им?

Мы вместе смеемся. Но я надеюсь, она знает, что для нее я могу сделать именно это и еще больше. Я могу съездить к каждому и высказать им это, если ей так станет лучше.

— Прости меня, я вела себя как дура по отношению к тебе, — шепчу я.

— Ты не была дурой. У тебя своих забот хватает. И я не рассказывала тебе этого о себе. Ты не знала.

— Но мне следовало знать. Я никогда не была таким дерьмовым другом. Я раньше была тем человеком, к которому все шли со своими проблемами... — замолкаю я.

— Что случилось? Я знаю, твой отец - отстой. По крайней мере, был. Мне показалось, он довольно клевый, но я ничего не знаю о нем, кроме того, что работала с ним последние несколько недель, — пожимает плечами Мег.

Я, не задумываясь, рассказываю ей свою историю. Я задолжала ей объяснения. Она понимает, что раньше я была лучше. И теперь я потихоньку стараюсь вернуть себя.

Не вдаваясь в подробности, я рассказываю ей о том, как потеряла маму. Кажется не совсем правильным сосредоточиться на моих проблемах, когда она лежит в больнице. Но я хочу, чтобы она поняла. У нее слабое представление о моем отце,

только по обрывкам разговоров, которые она слышала за последний год. Она никогда не хотела вмешиваться, поэтому никогда не спрашивала.

Когда я рассказываю ей все, мы с Мег говорим о ее родителях. Она обещает мне, что она поговорит со мной, как только почувствует приступ вины или депрессии. Больше никаких таблеток, никакой печали в одиночку. Мы обе будем лучшими друзьями друг другу, и надеюсь, что будущее нас обеих стало чуть светлее.

Мег спрашивает о Зэндере, и я не могу скрыть румянец на щеках или стереть улыбку с лица. По моему лицу она узнает, что произошло прошлой ночью, и издает оглушающий визг. К нам даже прибегает несколько медсестер. После того, как мы убедили их, что все в порядке, мы начинаем неумоимо хихикать. Я стесняюсь попросить совет. Хотя я не хочу нагружать Мег своими проблемами, она настаивает. Ей нужно сосредоточиться на чем-нибудь еще, отвлечься от своих проблем. Я думаю, она права. Я понимаю, что уже больше часа сижу с ней в больнице, я возвращаюсь к своим старым воспоминаниям и проблемам и говорю о новых; чувства страха, которое обычно появляется в желудке, больше нет. Мне легко говорить с Мег, мне нравится иметь подругу, чтобы с ней поговорить. Я люблю Зэндера, и я знаю, что могу поговорить с ним обо всем, но иметь подругу это другое.

— Я призналась ему в любви, — смущенно рассказываю ей.

— О, охренеть. Это серьезно. Более серьезно, чем потерять девственность.

Я хлопаю ее по руке и прошу говорить потише, когда заходит медсестра, чтобы проверить, что у нас происходит.

— Мы слишком спешим? Все слишком быстро, да? Мне кажется, что все смотрят на нас как на сумасшедших. И моему отцу он не очень нравится. Одному

Богу известно почему, — жалуясь я, закатывая глаза.

— Ненавижу, когда люди говорят: «О боже, они женятся слишком быстро» или «Они даже не знают друг друга». Какое им дело до твоих отношений? Только вы двое знаете, что хорошо, а что плохо. Я уверена, что ты не занялась бы сексом с тем, в ком не уверена на сто процентов. И я видела, как он смотрит на тебя и как он о тебе заботится. Его глаза повсюду следуют за тобой, убеждаясь, что ты в порядке. Никто не скажет тебе, торопиться ты или тормозишь. Для вас обоих все происходит именно с той скоростью, с которой должно.

Когда Мег заканчивает, я шокировано смотрю на нее, удивленная ее проницательностью.

— Как, черт возьми, ты стала такой умной?

Она пожимает плечами и одаривает меня самоуверенной улыбкой.

— Легко решать чужие проблемы. Со своими не справиться.

Мы болтаем еще несколько минут, а когда я убеждаюсь, что она в порядке, я обещаю позвонить позже и ухожу, чтобы она смогла отдохнуть перед встречей с одним из психотерапевтов.

Копаясь в сумке в поисках мобильного, чтобы написать Зэндеру сообщения, я не обращаю внимание, куда иду и врезаюсь в кого-то.

— О боже, простите! — восклицаю я, глядя на блондина в больничной униформе со стетоскопом на шее.

— Все хорошо. Я в порядке, — говорит он, беззаботно улыбаясь.

— Эддисон? Простите, Эддисон Сноу?

Я оборачиваюсь, одна из медсестер Мег подбегает ко мне с моим мобильным в

руке.

— Вы забыли это в комнате Мег. Она попросила меня постараться догнать Вас,
— говорит она и протягивает телефон.

Я благодарю ее, и она быстрым шагом уходит обратно на работу.

— Тебя зовут Эддисон Сноу? Я подумал, что видел тебя раньше.

Я снова смотрю на парня, в которого врзалась. Я удивлена, что он все еще здесь.

— Простите, мы знакомы?

Он поднимает обе руки и вертит в руках стетоскоп.

— Ты, возможно, не помнишь меня. Ты была не совсем в себе, когда я видел тебя в последний раз. Хотя сейчас ты выглядишь лучше. Я рад, что у тебя все в порядке. Зэндер сказал, что ты в порядке, но приятно убедиться в этом самому.

Я в замешательстве смотрю на него, не понимая, о чем он и когда он видел меня в последний раз. Но так как он знает Зэндера, я полагаю, что он один из его друзей или коллег. Я не могу сдержать улыбку, понимая, что он говорил обо мне с друзьями.

— Ты работаешь с Зэндером?

Он качает головой, продолжая таскать туда-сюда край стетоскопа.

— Нет, он работает в отделении рентгена, но мы познакомились в колледже. Я стажер в скорой помощи. Там я встретил тебя.

Детали по кусочкам соединяются в памяти, и по спине пробегает холод.

— *Мне срочно нужен литр 0 отрицательной. Она потеряла много крови.*

— *Ты можешь сказать свое имя? Не закрывай глаза.*

— *Кто-нибудь дайте манжету для измерения давления и позвоните в операционную.*

— *Ее зовут Эддисон. Эддисон Сноу, ей восемнадцать лет.*

— *Эй, милая, открой глаза. Давай, открой глаза и посмотри на меня.*

— *Кровяное давление семьдесят на сорок пять. Мне нужна кровь СЕЙЧАС!*

— *Эддисон, эй, все в порядке. Шииии, ты в порядке. Я здесь, Эддисон.*

— Зэндер был вне себя в тот день, когда тебя привезли.

Голос парня вытаскивает меня из воспоминаний. Мне все тяжелее дышать, он продолжает:

— Я знаю его много лет, но я никогда не видел его таким подавленным или паникующим как тогда, когда он пришел поговорить, а тебя вкатили на носилках. Мы пытались выпроводить его, пока работали с тобой, но он был решителен. Что-то, связанное с обещанием твоей матери... я не знаю. Он

был единственным, кто мог заставить тебя говорить, поэтому нам пришлось разрешить ему остаться.

Я ни слова ему не говорю в ответ. Я не могу говорить, я не могу дышать. Все вокруг размыто, я понимаю, что я отвернулась от него и бегу по коридору. По щекам струятся слезы.

Он выкрикивает мое имя, я пробегаю мимо лифта. Я не поворачиваюсь и не отвечаю ему.

Единственная мысль, которая проносится в голове, все это было ложью. Все между нами, каждое слово... все это было ложью.

Глава 16

Не ведись

— Иногда люди будут тебя огорчать. Это жизнь, Эддисон. Важно, как ты будешь к этому относиться, — объясняет доктор Томпсон.

Запах грецких орехов наполняет комнату, я смотрю, как доктор Томпсон подносит чашку кофе к губам и делает глоток. Раньше мне нравился запах грецкого ореха. Моя мама покупала свежие ядра грецкого ореха и молола их сама каждое утро.

— Очевидно, я не знаю, как с этим справиться. Я так привыкла, что люди меня подводят, что у меня выработался иммунитет к таким вещам. Я ожидаю этого, это случается. Затем я просто живу дальше и больше никогда не собираюсь с ними иметь ничего общего.

Доктор Томпсон ставит на стол свою кружку и складывает руки на колени.

— Никто не идеален. Люди ошибаются. Просто потому что они причиняют тебе боль не значит, что они прекращают любить тебя или заботиться о тебе. Существует множество причин, почему люди делают в жизни тот или иной выбор. Если ты не будешь разрешать им снова приблизиться к тебе или будешь отвечать тем же, то в итоге ты останешься одна. Я не хочу, чтобы ты осталась одна, Эддисон. Ты заслуживаешь того, чтобы тебя окружали люди, которые тебя любят и разделяют твои сокровенные интересы. Раньше ты умела разглядеть в людях хорошее. Я хочу, чтобы ты снова стала такой. Я хочу снова увидеть тебя счастливой. Моя работа не закончится, пока ты, наконец, не станешь счастливой.

Доктор Томпсон не знала меня в то время. Когда я была окружена людьми, которые меня любят. Когда у меня не было других забот, кроме как веселиться и быть молодой. Но она права. Я всегда различала в людях хорошее. Даже если они в какой-то степени меня разочаровывали, я все равно могла найти в них качества и все равно хотела находиться рядом с ними. Я легко прощала, я прощала быстро. На сердце не оставалось никаких шрамов. Я хочу вернуть ту девушку. Мне кажется, что она в недосягаемости. Я чувствую, что балансирую на краю: застрять в печали и депрессии или продолжать жить и позволить себе быть счастливой. Одно сильное дуновение ветра могло уронить меня в любое из направлений. Прямо сейчас создается ощущение, что мое будущее счастье зависит от того, в какую сторону дует ветер.

Когда я добираюсь до дома Зэндера, я не стучу в дверь. Пару недель назад он показал мне, где хранятся запасные ключи. Я поднимаю коврик у двери и подбираю с пола ключ. Я вставляю его в замок и открываю дверь.

Странно находиться в его доме без него. Хотя он на работе, его присутствие чувствуется во всем. Куда бы я ни повернулась, в какую бы комнату ни зашла, я могу видеть его, чувствовать его, слышать его... Он везде. И первый раз за время нашего знакомства меня это злит. Я больше не хочу, чтобы он заполнял мою жизнь. Я не хочу видеть его во всем, куда бы я ни посмотрела. Не хочу, чтобы каждая часть дома напоминала о том, как мы были вдвоем. Мне пришлось сдерживаться изо всех сил, чтобы не смести с кухонного стола его почту, не снести со стен фотографии его семьи в рамках или не разбить его лампу о стену. Я хочу сломать его, как он сломал меня. Но вещи в доме — всего лишь вещи. Сломав их, я не сломаю его. Они не

поцарапают ни его сердце, ни его душу. Эти вещи можно заменить, если их разобьют. У тебя есть только одно сердце и одна душа. Что, черт возьми, с ними делать, если их разрушили?

Я игнорирую счастливые воспоминания о том, как мы, обнявшись, смотрели кино на его диване. Вместо этого я думаю о плохом: о его предательстве и лжи. Я думаю о том, как за какие-то короткие шесть недель мне стало комфортно рядом с ним, и о том, что мы встречались раньше. Я думаю о том, как я боялась рассказать ему о случившемся год назад на кладбище; как я не хотела, чтобы он стал смотреть на меня о другом. Это просто шутка. Я больше всего боялась того, о чем он знал. Он знал обо мне все и не сказал ни слова.

Я захожу в его комнату и не могу смотреть на кровать. Я отказываюсь вспоминать, каково это, ощущать его в его объятиях и близко к его телу. Я не позволяю себе думать о словах любви, которые он шептал мне, и которые были ложью.

Я даже не знаю, что я делаю в его комнате. Я не знаю, что я ищу, или что я надеюсь найти, но мне нужно что-то сделать. Мне нужны ответы. Они мне нужны прямо сейчас. Я начинаю вытаскивать его вещи из комода, скидываю их на пол в огромную кучу. Когда я не нахожу ничего в ящиках комода, я перехожу в кладовку. Затем смотрю под кроватью и заглядываю в каждую тумбочку. Я вытаскиваю все содержимое комнаты на пол. Когда я не нахожу ничего, что бы связывало его со мной или мамой, я забираюсь в центр его одежды, обуви, спортивного инвентаря, старых учебников и фотоальбомов. Я очевидно пересмотрела кино. Я прочитала слишком много историй, где мрачный незнакомец заполняет комнату секретными

фото и записками, которые доказывают его предательство. Неужели я на самом деле надеялась найти коробку с черно-белыми фотографиями, снятыми на телефон? Я прижимаю колени к груди, медленно раскачиваясь вперед и назад.

Я не знаю, как долго я сижу среди его вещей и смотрю в пустоту, но вскоре я слышу его голос за моей спиной.

— Если ты хотела немного прибраться, у меня есть немного грязной одежды в прачечной комнате, — нервно хихикает Зэндер, стоя в дверном проеме.

Я не поворачиваюсь к нему и не двигаюсь с места. По его смешку я понимаю, что он знает, почему я здесь. Его друг на работе, вероятно, рассказал ему о том, что случилось. Меня затошнило при мысли о том, что какой-то незнакомец знал больше о моей жизни, чем я. И что Зэндер доверился ему вместо меня.

— Как?

Я говорю ему только одно слово. Но этого слова достаточно. Он точно знает, о чем я спрашиваю. И он, вероятно, по своей комнате понял, что если он не скажет наконец мне правду, разрушения в его доме на этом не закончатся. Меня никогда не наполняло столько злости и боли. Мне должно быть стыдно за то, что я вела себя как ребенок и навела бардак, но мне не стыдно.

— Я был ее специалистом по химиотерапии, когда ей поставили диагноз. Я был первым, кто поставил ей диагноз лейкемии. И за те два года, пока она была больна, случалось так, что я все время был на дежурстве, когда она приходила на прием. Я начал забирать ее из приемной и приводить ее на обследования сам, вместо медсестры. У нас было много времени на разговоры.

Я закрыла глаза и подумала о том, сколько раз мама ходила на МРТ или рентген

и иные обследования. И до меня дошло, что у нее было много времени на разговоры с ним, много времени, чтобы поговорить о ее жизни и единственной дочери.

— Она попросила тебя преследовать меня после ее смерти, или ты придумал это сам? — злобно спросила я, поднимаясь с пола, чтобы посмотреть ему в лицо. Я хочу видеть его лицо. Я хочу наблюдать и понять, если он в этот раз соврет.

— Я не преследовал тебя, Эддисон. Я присматривал за тобой, чтобы убедиться, что ты в порядке.

Я издаю непривлекательное фырканье и закатываю глаза.

— Оу, простите, это новый термин, который обозначает следить за кем-то, зная все о нем и потом заставить влюбиться? Мой промах, — с сарказмом говорю я.

Он сокращает дистанцию между нами и протягивает ко мне руку. Я быстро отступаю на шаг назад. Я не хочу, чтобы он касался меня. Его лицо омрачается, когда я продолжаю отходить, пока не врезаюсь в стену напротив.

— Мне жаль, Эддисон. Мне очень жаль. Я собирался тебе сказать. Клянусь Богом, меня убивал тот факт, что мне пришлось это скрывать. Я знал, что если скажу слишком рано, то ты уйдешь. Я не хотел потерять тебя. Я люблю тебя. Пожалуйста, ты должна мне поверить, — умоляет он.

— Ты не любишь меня. Все было ложью. Ты все знал обо мне, все это время. Все это время я думала, что это реально, но нет. Тебе просто было меня жаль, — всхлипывая, говорю ему.

Я не хочу плакать перед ним. Я не хочу говорить, что просто находиться с ним в одной комнате терзает мое сердце, которое держится на тонких ниточках.

— Это никогда не было ложью и мне никогда не было тебя жаль. Я беспокоился о тебе и хотел, чтобы ты была счастлива. С первого взгляда, когда я увидел тебя в больнице, я знал, что хочу узнать тебя получше. Это было неправильно, и я знал, что это неправильно, но не мог ничего с этим поделать. Ты была такой красивой и такой сильной. Каждый раз, когда ей сообщали плохие новости, ты стойко выносила их за нее. Я видел, как взрослые мужчины ломались перед своими семьями и целой бригадой врачей, но ты высоко держала голову и давала своей маме силы и храбрость для борьбы, — говорит он мне, напоминая мне каждый раз, когда мне хотелось выбежать из больницы, орать во все горло от несправедливости происходящего. Но я ни разу так не сделала. Я никогда не хотела, чтобы она видела, как я боялась ее потерять.

— Она постоянно говорила о тебе. О том, как вы были близки, и как она до смерти боялась того, что с тобой станет, когда умрет. Она знала, что твой отец не сможет быть сильным для тебя. Она беспокоилась, как это повлияет на тебя. Она видела, как я смотрел на тебя, когда наблюдал за тобой издалека. Она шутила над тем, какие вопросы я, в конце концов, стану ей задавать о тебе. Во время последнего осмотра она взяла с меня обещание, что я найду тебя и прослежу, чтобы с тобой все было в порядке.

Его слова не смягчили предательство. Мне стало даже больше одиноко, и я сильнее разозлилась от мысли, насколько близок он был к моей маме, что мог дать ей подобное обещание.

Я скрещиваю руки на груди и не говорю ни слова, пока он продолжает свое объяснение.

— Я старался держаться от тебя подальше, клянусь. Я знал, что перейду столько границ, если постараюсь связаться с тобой, когда я узнал о ее смерти. Я старался игнорировать свое обещание, забыть и продолжать жить, — он продолжает. — Но затем, одной ночью, я был на обеде и поднялся в ER, чтобы поговорить с другом Нейтом. Я только начал говорить с ним о планах на выходные, когда парамедики ворвались в двери и нас вдруг окружили доктора и медсестры, люди, выкрикивающие приказы. Я взглянул на каталку и мое сердце упало. Я увидел, как ты лежишь там без сознания. Твои руки, одежда и кровать — все было в крови. Меня это до смерти напугало.

Я не хочу вспоминать тот день, но не могу справиться. Воспоминания настолько яркие, я могу почувствовать чистый, антисептический запах больницы, почувствовать, как меня поднимают с каталки, услышать крики и приказы докторов вокруг. Только в этот раз я слышу голос Зэндера, чистый как колокольчик. Он просит меня открыть глаза и говорит, что все будет хорошо. Я слышу, как его голос разговаривает со мной сейчас, и я слышу его голос тогда. Осознание, что он разговаривал со мной тогда, старался поддерживать меня в сознании, должно было наполнить мое сердце теплом, но этого не происходит. Я смущена и пристыжена. Я зла от того, что он видел меня в таком состоянии. Он видел меня в один из самых слабых моментов в моей жизни. Он стал свидетелем того, насколько разбита я на самом деле.

— Это моя вина. Мне стоило сдержать обещание. Этого бы не случилось, если бы я сдержал обещание, — печально констатирует он.

— Ну, к счастью для тебя, больше тебе не придется тонуть в самосомнениях и в

чувстве вины. Ты однажды посмотрел на меня и решил, что сможешь меня починить. Мне не нужна твоя помощь, и мне не нужна жалость, — говорю я ему, отворачиваясь от него и игнорирую боль, которая пронзает его лицо. — С этого момента держись от меня подальше.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти. Я в ярости от того, что он признался, что был со мной из жалости. Ему казалось, что моя попытка самоубийства была его виной, что он не выполнил обещание, данное маме. Все это время я думала, что он был со мной, потому что он хотел, а не потому, что ему пришлось.

— Пожалуйста, Эддисон, не уходи. Не так, — умоляет Зэндер, следуя за мной, пока я иду к входной двери.

Когда я поворачиваю замок и тяну дверь, он протягивает ко мне руку и хлопает ладонью по двери, закрывая ее.

— Пожалуйста, не уходи. Я не правильно все объясняю. Мне никогда не было тебя жаль. Клянусь Богом. Я люблю тебя. Я влюбился в тебя с первого взгляда. Я не хочу потерять тебя вот так.

Он прижат к моей спине, его губы у моего уха, когда он умоляет меня. Очень тяжело оставаться сильной и не сдаться, когда он так близко. Его рука все еще покоится на закрытой двери, а его ладонь держит меня. Я не знаю, что делать. Я не знаю, чему верить. Я хочу развернуться к нему лицом, чтобы он обнял меня и забыл всю боль. Но он тот, кто причинил мне боль в этот раз. Если забыть тот факт, боль не исчезнет. Я не могу замечать свои проблемы под ковер и забывать о них. Прямо сейчас ложь Зэндера — большая проблема. Я отказываюсь это игнорировать.

— Тебе следовало быть честным со мной. Я провела последних полтора года,

смотря на отца, который врал мне снова и снова, глядя мне в глаза. Я думала ты другой. Я думала, что могу доверять тебе, — говорю я, снова поворачиваю дверную ручку и распахиваю настежь дверь.

Его рука отпускает меня. В этот раз он не пытается меня остановить.

— Ты можешь доверять мне, Эддисон. Пожалуйста, просто скажи мне, что сделать, и я сделаю. Я сделаю что угодно.

Я останавливаюсь в дверном проеме и игнорирую каждый инстинкт, который говорит мне повернуться и дать ему еще один шанс. Я игнорирую бешеный стук своего сердца в груди, при мысли о том, что я больше его не увижу. Я слишком долго доверяла своему сердцу. Это не принесло ничего, кроме боли. Мне стоит прекратить думать сердцем и начать пользоваться головой. Если бы я хорошенько подумала, может я могла бы увидеть признаки его предательства. С меня хватит людей, которые мной пользуются, и моей слепой веры в них.

— Просто держись подальше от меня.

Отрезая последний кусок от сердца, я покидаю дом Зэндера и его жизнь, не сказав больше ни слова.

Глава 17

В последний раз

— Жизнь — тяжелая штука, Эддисон. Периодически все падают. Важно снова встать. Ты встаешь, идешь дальше и делаешь все, что в твоих силах. Все, чего я хочу, это увидеть, как ты делаешь все возможное, — говорит доктор Томпсон. — Мое сердце разбивается на осколки, когда я вижу тебя в таком состоянии. Я знаю, что в тебе гораздо больше жизни, и ты гораздо больше можешь дать людям.

На секунду я задумываюсь, заботится ли доктор Томпсон обо всех пациентах так, как обо мне. Еще я думаю о том, есть ли у нее вообще другие пациенты. Я видела в телешоу, как люди заходят в одну дверь и выходят в другую. Таким образом они никогда не встречаются. У доктора Томпсон только одна дверь, значит это не тот случай. Естественно, жизнь — это не счастливое телешоу, где проблемы решаются меньше чем за тридцать секунд. Вероятно, она так планирует встречи, чтобы люди не встречались на лестнице.

— Тебе только стоит научиться вставать после падения. Иногда это нелегко, в большинстве тебе просто не хочется двигаться. Тогда тебе больше не придется через это проходить. Но ты не можешь так поступить. Я не позволю тебе. Каждый раз, когда тебе кажется, что ты сдаешься, я хочу, чтобы ты думала о своей маме. Я знаю, это больно. Я знаю, ты стараешься не вспоминать о ней, но мне нужно, чтобы ты сделала так. Задумайся о том, что бы она подумала, если бы увидела, как ты разваливаешься на куски. Подумай о том, что бы с ней стало, если бы она знала, что

с тобой сделала ее смерть, как сильно она тебя сломала и изменила.

Я киваю в знак согласия. Но я не рассказываю ей, как часто я делаю именно так. Я не говорю ей, что я хочу продолжать разваливаться на куски, продолжать вредить себе еще сильнее. Может быть, тогда она вернется. Я знаю, что это невозможно, но я все равно верю, что если я достаточно сильно ее разочарую, она найдет способ поговорить со мной. Может, у меня появится еще один шанс услышать ее голос, даже если он скажет мне заткнуться и перестать жалеть себя.

После пяти не отвеченных подряд звонков от отца в то время как я бесцельно катаюсь по городу, я решаю поговорить с ним. Этот день уже не может стать хуже. Может быть, его слова выведут меня из тумана, в котором я нахожусь. Сейчас ничего не имеет значение. Я чувствую себя преданной всем и вся.

— О, Эддисон. Слава Богу. Дорогая, прости меня. За все. Я не хотел ругаться с тобой, — восклицает отец, когда я вхожу в парадную дверь родительского дома и он притягивает меня к себе.

Как бы я ни была зла на отца за все, что он сделал, злость исчезает, как только он обнимает меня. Так легко забыть обо всем плохом, когда есть что-то правильное. Зажатая в его объятиях, я снова чувствую себя маленькой девочкой. Будто я вернулась в то время, когда все было просто и единственным, из-за чего я плакала, была содранная коленка. Я хочу, чтобы он стал тем человеком. Я так сильно хочу, чтобы он стал тем человеком, на которого я равнялась. Я хочу, чтобы он снова заботился обо мне. Я хочу, чтобы он был моей силой, моей скалой. Я потеряна, и я болтаюсь повсюду. Мне нужен якорь, чтобы остановить меня. Когда я зарываюсь лицом в его грудь и вдыхаю запах его одеколона, я чувствую еще один запах,

который могу опознать везде. У меня кровь стынет в жилах, когда он достигает моего носа. Я крепко зажмуриваю глаза и наслаждаюсь последними минутами теплоты, перед тем как убрать его руки и отстраниться. Я стараюсь сохранить ощущение безопасности и защищенности. Я знаю, сейчас они мне нужны как никогда. Я отхожу на пару шагов.

— Тыпил, — с непроницаемым лицом говорю я. Я не позволяю себе показать эмоции. Не хочу, чтобы он видел, как больно снова произносить эти слова.

Он машет рукой на меня и игнорирует мое предложение, быстро меняя тему. Я знаю, что у меня есть ответ.

— Я пытался дозвониться до тебя со вчерашнего дня. Я знаю, что тебе очень нравится тот парень, Зэндер. Мне жаль, что я так говорил о нем. Я вспомнил, где я его видел. Я знал, что видел его раньше и утром мне пришло в голову, когда...

— Стоп. Просто прекрати, — тяжело вздохнув, я прерываю его. — Я не хочу говорить о Зэндере. Я не хочу говорить ни о чем другом, кроме этого запаха.

Он нервно проводит рукой по волосам. Я знаю, что он пытается придумать оправдание или какое-нибудь подходящее объяснение, почему он снова сорвался. Ты не просто срываешься, когда ты алкоголик, который решил снова запить после периода трезвости. Бутылка не просто падает тебе в руку, и ты случайно ее выпиваешь. Ты принимаешь осознанное решение открыть крышку, поднять бутылку и сделать первый глоток. Ты точно знаешь, что ты делаешь, когда глотаешь жидкость и наливаешь себе следующий бокал. Оно может упасть в твой живот как кислое молоко, и ты можешь сожалеть о каждом глотке, потому что ты знаешь, что это неверное решение. Но ты продолжаешь пить.

— Что? Нет объяснений? Никаких полудебильных объяснений, почему ты снова сорвался? — со злостью спрашиваю его.

— Эддисон, дорогая, пойми, это тяжело. Я не могу это контролировать. Это болезнь, — объясняет он.

— Нет, это не болезнь! МОЯ МАМА БЫЛА БОЛЬНА! — кричу я, не в силах сдержать гнев. — У нее была инфекция, заразившая кровь, которая текла в ее теле. Она провела несколько лет в больнице и позволяла врачам неделю за неделей вливать яд ей в вены. Она потеряла волосы, она постоянно уставала, но она продолжала бороться, пока ее тело в конце концов не сдалось. ОНА болела. Единственная болезнь у тебя — эгоизм.

Я не могу даже смотреть на него сейчас. Мне отвратительно все в нем. Я не понимаю, как он превратился в такого слабого человека. Но, видимо, это идет из семьи, потому что сейчас мне все безразлично, мне хочется упасть на пол и никогда не вставать.

— Я знаю, ты злишься на меня. Я злюсь на себя. Было так тяжело, Эддисон. Я пытаюсь, но кажется ничего не помогает. А этим утром я вспомнил, что видел Зэндера в больнице, когда твоя мама была там. Я не смог справиться с болью от воспоминаний. Мне жаль. Я знаю, что подвел тебя. Этого больше не произойдет, я обещаю.

Я вижу, как отец нервно трет шею. Мне хочется пожалеть его, но я не чувствую этого. Я знаю, что ему грустно и больно. Я знаю, что он скучает по ней и не знает как еще уменьшить боль, как и я год назад, на кладбище. Я все знаю, но я также знаю, что ничего не могу сделать для него. Я пыталась поддерживать его, я пыталась

показать ему любовь, я была рядом с ним и я оттолкнула его. Я сделала все, что могла, чтобы он снова захотел быть здоровым. Ничего не помогло. Все это время я переживала за него и забыла попереживать за себя. Я забыла, что значит выздороветь. Может поэтому я отдалась в свои первые отношения с закрытыми глазами. Я отказывалась видеть перед своим носом. Теперь мое сердце разбито.

— Ты тоже не идеальна. Боже правый, ты пыталась убить себя, Эддисон. Ты пыталась убить себя, а я даже не знал об этом. Я твой отец, и ты даже не сказала мне, — со злостью говорит мой отец, снова выворачивая все наоборот и пытаюсь выставить меня виноватой. Я уже проходила это столько раз, что вероятно я могла бы говорить с ним в унисон.

— И чтобы ты сделал, если бы знал? Снова сбежал бы из реабилитационного центра? Напился до смерти? — я нападаю на него в ответ.

— Не говори со мной таким тоном, молодая леди. Я все еще твой отец и заслуживаю уважения.

Я не рассмеялась ему в лицо, хотя хотела. За что, интересно, он, по его мнению, заслуживает уважения? За то, что оставил меня, когда он был больше всего мне нужен? За то, что так сильно испортил свою печень и почки, что я удивляюсь, как его организм способен функционировать и вести нормальную работоспособность.

— Я вернулся. Я хочу проводить время с тобой. Но ты не позволяешь. Я тебе не нужен. Теперь ты маленькая Мисс Независимость и тебе никто не нужен, — злобно говорит он.

— Ты думаешь, я хочу так жить? Ты думаешь, я хочу заботиться обо всем сама? Я так независима, потому что мне приходится так жить. В большинстве своем ты

мне не нужен, потому что я научилась все делать сама. Тебя не было рядом. Тебя никогда не было рядом, — спорю я.

— Это было сложное время для нас обоих. Но я делаю все, что в моих силах. Тебе просто нужно быть терпеливой и дать мне шанс справиться с этим. Я собираюсь стать лучше, я обещаю, — говорит он, его голос становится мягче. Его настроение меняется на 180%, как всегда, когда он пьян.

— С меня хватит, пап, — наконец мрачно говорю я. Я разворачиваюсь и иду к двери, понимая, что, возможно, ноги моей больше не будет в этом доме.

— Все будет хорошо, Эддисон, не переживай. Я обещаю, это последний раз, — говорит он мне в след. В это время я открываю дверь и смотрю на двор, в котором я раньше играла в «салки» и лазила по деревьям с друзьями.

— Ты прав. Это был последний раз. С меня хватит, мне не нужен человек, который не может быть со мной, когда он мне нужен. Мы оба сделали много ошибок, когда она умерла. Мы оба делали выбор, который был неверным. Разница в том, что я была ребенком, а ты был взрослым. Теперь мы поменялись ролями, и я больше не хочу так жить.

Я выхожу за дверь и позволяю ей тихо закрыться за моей спиной.

Я пробегаю несколько пролетов по пути к офису доктора Томпсон, иду прямо к двери и стучу. За год, что я хожу сюда, я никогда не записывалась в приемной. В нашу первую встречу она встретила меня в коридоре и сказала, что я могу сразу заходить, вместо того чтобы тратить время в приемной.

Когда на мой стук никто не отвечает, я снова стучу в дверь и зову ее по имени. У меня не назначена встреча, но я все равно надеюсь, что она здесь для всяких

неожиданных посетителей. Тем более она всегда говорила, что я могу прийти в любое время. Сейчас мне нужно поговорить с кем-нибудь. Она первый человек, о котором я подумала.

Я прикладываю ухо к двери, чтобы понять есть ли там кто-нибудь. Когда я ничего не слышала, я решила подергать за ручку. Когда я медленно открываю дверь, вид по ту сторону заставляет мое сердце бешено стучать, а мои руки дрожать. Я зашла в пустую комнату и встала посередине. Я поворачиваюсь вокруг себя и думаю, происходит ли это на самом деле или я сошла с ума. Мне нужен ее совет больше, чем никогда. Мне нужны ее бескомпромиссные мудрые слова «все так как есть». Мне нужно поговорить с кем-то, кто понимает меня и может сказать, что, черт возьми, мне делать.

Я не понимаю, что происходит или почему она оставила меня вот так. Это не имеет никакого смысла. Те чувства, которые я испытываю сейчас, напоминают мне о том, как я потеряла свою маму. Она не была моей мамой, но стоя в комнате, в которой я провела так много часов, неделя за неделей, я все еще чувствую боль от потери, глядя, как все исчезло. Нет белого кожаного дивана, нет голубого кресла, нет стола, нет штор, которые нужно опустить, чтобы избавиться от солнца. Нет картин Томаса Кинкайда на стене, нет пятен от кофе — ничего кроме пустой комнаты и пустых стен. Никаких следов кого-либо.

Я не могу справиться с этим сама. Я не настолько сильная, чтобы справиться со всем без нее. Я не могу потерять еще одного человека без предупреждения. Когда я стараюсь дышать, стоя посередине пустой комнаты, мое внимание привлекает записка на стене. Я подхожу к ней и срываю. Глаза застилают слезы, когда я читаю

слова, которые она оставила для меня.

Глава 18

Вытащи меня отсюда

— Ты помнишь тот день, когда меня выписали из больницы, и мы просматривали список психотерапевтов? — спрашиваю я Мэг по мобильному, а сама в это время сижу в машине, глядя в ветровое стекло на ряды надгробных плит и искусственных цветов.

Я даже не пыталась понять, что произошло, когда вчера ушла из офиса доктора Томпсон. Я была утомлена и эмоционально высушена. Единственное, чего мне хотелось, — спать. К несчастью, сон не шел. Последние несколько ночей я ворочалась, размышляла о вере в Бога, моей вере в людей и как столь невозможное могло на самом деле произойти со мной. Я думала о Зэндере и обо всем, что он мне говорил. Несмотря на все, я скучала по нему. Мне пришлось собрать всю свою волю, чтобы не позвонить ему и услышать его голос. Он бы знал, что делать. Он бы знал, что сказать, чтобы успокоить меня. Но я не могла ему позвонить. Я не знала, как простить его после того, что он сделал.

Выключив зажигание, я положила ключи в карман, отстегнула ремень безопасности, но не шелохнулась, чтобы открыть дверь. Я год не была здесь. Сегодня ровно год. Возможно, именно сейчас не самое подходящее время, чтобы приехать сюда, но я не знала, куда еще пойти.

— Ага, вроде бы, — ответила Мэг. Я смотрела, как мужчина разбрасывает семена вокруг надгробия в ярде от меня. — Я помню, что советовала тебе

держаться подальше от Chronic Halitosis Man. Ты же не пошла к нему, да? Я тебя предупреждала.

Записка на салфетке, которая была прикреплена прошлой ночью к стене в офисе, лежит в центре приборной панели, рядом с коробкой передач. Нет необходимости снова читать слова. Я уже выучила их наизусть. Они снова и снова повторяются в моей голове.

— Нет, я не ходила к нему. Я пошла к женщине, которую ты советовала. Ту, которая тебе очень понравилась, — говорю я в надежде, что она подтвердит, что я не сошла с ума.

— О, супер! Я как раз говорила с ней вчера вечером. У меня назначена встреча с ней завтра, после выписки.

Я выдохнула с облегчением, чувствуя себя менее сумасшедшей, чем прошлой ночью. Может быть, она просто переехала в новый офис или типа того. В этом больше смысла, чем в мыслях о духах и загробном мире, которые крутятся в голове.

— Она переехала? В новый офис или куда-то еще? — спрашиваю я и снова кидаю взгляд на салфетку.

— Нет, не думаю, мы договорились встретиться в том же офисе, где виделись пару лет назад, — отвечает Мэг.

— На восьмой Авеню, да? На втором этаже?

Я слышу, как Мэг разговаривает с медсестрой. Я нетерпеливо жду, пока они закончат и стучу пальцами по рулю.

— Извини, им нужно померить мое кровяное давление, — говорит Мэг, снова возвращаясь к разговору. — Ты сказала восьмая Авеню? Доктор Томас работает не

на восьмой Авеню. Она работает на улице Клифтон, на углу Butternut. Она сидит на первом этаже.

У меня кровь стынет в жилах, когда я беру записку и смотрю на почерк.

— Ты имеешь в виду доктора Томпсон? — я делаю акцент на разницы фамилий.

— Нет, доктор Томас, — отвечает Мэг. — Без П. К кому, черт возьми, ты ходила последний год?

У меня нет ответа. Я хотела бы знать то же самое. Я быстро заканчиваю разговор, обещаю перезвонить позже и кладу телефон в карман. Мое тело трясет от страха, когда я открываю дверцу машины и медленно выбираюсь наружу. Мне приходится собрать все силы, чтобы заставить свои ноги встать на траву и пойти к ее могиле. В моей голове проносятся воспоминания о том, как я была здесь последний раз. Я стараюсь не думать об этом и иду мимо чужих надгробных плит по небольшому подъему. Мои глаза не отрываясь смотрят на надгробие, к которому я направляюсь. Вскоре всё вокруг исчезает. Я не вижу ничего вокруг, кроме цементной плиты, с которой улыбается ее лицо. Ничего кроме ее имени, даты рождения, даты смерти, земли у основания плиты. Теперь, год спустя, земля не рыхлая, а гладкая, на ней трава, недавно скошенная садовниками.

Я не слышу пения птиц, не слышу колыхания ветвей. Я слышу гул машин за пределами кладбища от того, что люди торопятся на работу, в школу или еще куда-то. Я не слышу ничего, кроме тех слов, которые я сказала год назад, сидя на этом самом месте с мыслями о смерти и боли.

Я не знаю, как жить.

Я не знаю, как жить без тебя.

Чувство пустоты и одиночества снова нахлынули. Все, что я старалась запереть на замок, чтобы я смогла дышать и функционировать без нее. Я обхватываю руками талию и держусь. Я не хочу давать волю чувствам. Я не хочу чувствовать то же самое, что и год назад. Я была в глубокой депрессии, и ничто не могло меня вытащить из нее. Я закрываю глаза, чтобы отогнать воспоминания, но ничего не получается. Я помню дни рождения, праздники, отпуска и каждый наш разговор, как хороший, так и плохой. Все накатывает на меня как фейерверк и взрывается перед глазами. Я все помню. Но я не помню ее. В моих воспоминаниях ее лицо размыто, и я не могу слышать ее голос. Я забываю, как она выглядит, я забываю ее голос, потому что я выбрала отогнать эти мысли и закопать их глубоко, чтобы они не причиняли мне боль. В голове я слышу ее голос, который говорит мне, чтобы я следила за языком, когда я рассказываю о чем-либо или жалуясь на то, что отец хочет смотреть телевизор, вместо того чтобы пойти куда-нибудь пообедать. Я слышу это, но это не ее голос. Не ее голос раздается в моей голове. Это голос доктора Томпсон. Я просто хочу услышать снова ее голос. Я так сильно хочу услышать ее голос, что задумываюсь, а были ли последние годы правдой. Доктор Томпсон, или Томас, или кто бы, черт возьми, она ни была, напоминала ее. У нее был тот же цвет волос, та же манера общения, та же зависимость от кофе с фундуком. Но это была не она. Это не могла быть она. Это невозможно. В этом нет смысла.

Я смотрю на плиту и понимаю, что эта единственная надгробная плита в поле зрения, на которой нет цветов. Единственная, на которой нет признаков

присутствия посетителей или людей, которые подбирают украшения, чтобы показать, что по человеку скучают и думают о нем. Я чувствую себя виноватой за то, что не приходила сюда. Мне стыдно, что я не показала ей, как сильно я скучаю. Ее могила должна быть усыпана сотней различных цветов, букетов и записок, у нее должны быть шелковые цветы и живые, цветочные горшки и корзины с цветами. Она заслужила гораздо больше, чем пустой клочок земли 4 на 7 футов, на котором кроме куста дерна нет ничего, говорящего о том, какая замечательная она была.

Я медленно опускаюсь на землю, сажусь на то самое место, где я сидела год назад. Где я позволила своей крови пролиться на землю. Указательным пальцем правой руки я провожу по белому шраму на внутренней стороне запястья, глядя на ее фотографию.

Я приходила сюда постоянно после ее смерти. Я приходила и разговаривала с ней. Каждый раз, когда дул ветер или пролетала птица, я представляла, что она пытается ответить мне. Когда я вышла из больницы, я оглянулась на те времена, когда задавала ей вопрос, и флюгер, который висел на дереве неподалеку, качался на ветру. Я называла себя тупой всевозможными словами. Мертвые молчат. Они не заставляют птицу пролететь рядом, чтобы дать тебе знак, когда ты обдумываешь убить или не убить себя. Они не издают музыкальный звон с помощью ветра, когда ты спрашиваешь, могут ли они тебя услышать.

Я вытаскиваю смятую салфетку из кармана и снова смотрю на нее. Вместо шрама на запястье я провожу пальцами по изогнутому почерку, который выглядит так знакомо.

— Это нереально. Это не по-настоящему, — я шепчу надгробной плите. — Я

слишком этого хотела, и мое сознание просто играет со мной.

Я задерживаю дыхание и оглядываюсь в поисках падающего листа или приземляющейся птицы. Я закатываю глаза от своего идиотизма. Я комкаю салфетку и со злостью швыряю ее на траву.

Моя мама всегда верила в духов. Она верила в жизнь после смерти и верила, что люди наблюдают за тобой после своей смерти и находят способы общаться с тобой. Я всегда насмехалась над ней, когда мы обсуждали эту тему, но она была непреклонна.

— Не смейся. Твоя бабушка наблюдает за мной. Иногда я это чувствую, — она говорила мне, когда мы сидели за кухонным столом и обедали, пока отец был на работе.

— Мама, это зловеще. Ты на самом деле думаешь, что бабушка стоит за тобой и наблюдает, как ты делаешь печенье или готовишь что-то еще? Или когда ты идешь в ванну? О, боже, что если она смотрит на тебя, когда вы с папой... ну ты понимаешь..., — спрашиваю я, хихикая.

Она берет кухонное полотенце, которое лежит на столе рядом с ее тарелкой и шлепает меня. Она смеется, когда оно попадает мне прямо в лицо.

— Ну, она точно присматривает за мной, так как мы с твоим отцом... ну, ты понимаешь. Все время. Мы как кролики, — она подмигивает мне.

— Оу, фуууууу! Ла-ла-ла-ла-ла-ла, Я НЕ СЛУШАЮ ТЕБЯ! — я кричу и затыкаю пальцами уши, чтобы не слышать ее.

Она протянула руку и схватила меня за руку, чтобы я вытащила палец из уха.

— Если серьезно, ты не веришь, что твои любимые люди захотят присматривать

за тобой после своей смерти? Убедиться, что ты в порядке? Просто потому что они умерли, не значит, что они забыли о тебе. Я считаю, грустно думать о том, что ты на небесах и не быть с теми, кого любишь, — мудро говорила она.

— Ну, я считаю это странным. Существует очень много вещей, которые я не хотела бы, чтобы видели мои любимые, — проинформировала я ее и укусила спагетти.

— Подожди. Когда ты вырастешь и помудреешь, как я, ты изменишь мнение.

Несмотря на это, я ни разу не поменяла свое мнение. После ее смерти мысль о том, что мои любимые присматривают за мной, злила меня. В Библии говорится, что небеса — это место, наполненное невообразимой красотой. Это место радости, где нет слез или звуков рыданий. Если Небеса существуют и моя мама там, какого черта ей захочется наблюдать за ее любимыми? Мы грустим, и находимся в депрессии, и скучаем по ней так сильно, что не знаем, как ходить или жить. Почему она захочет увидеть нас такими? С чего ей захочется выйти из предполагаемой красоты небес и вернуться в этот земной ад. Ответ: ей не захочется. Она не захочет наблюдать за мной и видеть меня такой. У нее не будет никакого безграничного счастья, если она увидит, что ее смерть сделала со мной и моим отцом. Она будет несчастна. Если она будет духом, который летает вокруг нас день за днем и видит, как мы сломались после ее смерти, это разобьет ей сердце.

— Я знаю, что это неправда. Мне бы очень хотелось поверить, но это не так. Мне так сильно хотелось поговорить с тобой, столько раз...

Я замолкаю и смотрю на ее фотографию, стараясь не заплакать. Пару минут спустя, я встаю и бросаю последний взгляд на ее надгробную плиту.

— Счастливого дня матери, мам. Я скучаю по тебе.

Я знаю, что она не наблюдает за мной и не слышит моих слов, но может быть, каким-то образом, она знает. Где бы она ни была сейчас, я надеюсь, что она знает, но, вероятно, нет.

Я поворачиваюсь и злобно смотрю на смятую салфетку на траве. Я не хочу ее брать. Это не по-настоящему, возможно кто-то издевался надо мной, ударил меня ножом глубоко и повернул рукоять. Это не может быть правдой.

Я прохожу мимо салфетки и направляюсь к машине, не оглядываясь. Это была плохая идея прийти сюда, особенно сегодня. Я думала, что найду ответы на вопросы, которые тревожат меня, но их стало только больше. Я знаю, что могу позвонить Мэг и она поговорит со мной, но мои пальцы замирают над цифрами, пока я открываю машину и забираюсь внутрь.

Откидываясь на сиденье, я пролистываю список контактов в телефоне, пока не дохожу до буквы З. В горле застывает комок, когда я вижу его имя. Больше всего на свете я хочу, чтобы он был здесь прямо сейчас, сидел рядом со мной в машине, говорил, что я не сошла с ума, и обнимал меня. Мне стоит позвонить Мэг и позволить ей быть моей подругой. Она рассмешит меня, она будет знать, что нужно делать. Единственная проблема в том, что она не знала мою маму. Независимо от того, как я стараюсь ей объяснить, сколько мама значила для меня, она никогда полностью не поймет. Она никогда не видела нас вместе, она не проводила с ней час за часом, неделя за неделей, налаживая отношения с ней, и не давала ей обещаний. Она никогда не заботилась о ней, и не носила траур по ней, и не переживала, что ее обещание будет нарушено.

Я закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья, всхлип вырвался из груди.

Я оттолкнула его. Он хотел защитить меня, а я оттолкнула его.

Я вспоминаю о времени, проведенном с ним, и каждое воспоминание разбивает мое сердце на мелкие кусочки, потому что его нет рядом. Он лгал мне, но я тоже лгала ему. Я никогда не была полностью честной с ним, и он знал это. Он знал, что я скрывала от него часть себя; почему он был уверен во мне, когда я не могла ответить ему тем же?

Он нужен мне. Мне нужно знать, что это происходит на самом деле. Мне нужно почувствовать его руки на моем лице, которые говорят, что он любит меня. Мне нужно перестать сдерживать чувства внутри и отпустить их. Мне хочется впасть в истерику прямо сейчас. Я хочу кричать, плакать, как год назад, как и каждый день с того момента. Вместо этого, я сдерживала свои чувства. Мне нужно погоревать. Мне нужно оплакать ее и помнить ее. Мне нужно перестать думать, что если я притворюсь, что ее никогда не было и никогда не буду о ней говорить, мне это доставит меньше боли. Мне так больно, что я жила мыслью о том, что моя мама «говорит» со мной через доктора Томпсон, и что это возможно.

Мне хочется поднять трубку и позвонить ему, но я не могу. Не сейчас. Пока я не справлюсь с этим сама. Он заслуживает цельную женщину, а не ту, которая изо всех сил старается не сойти с ума.

Глава 19

Не могу выплакаться

Я могу видеть ее в нескольких футах от меня. Она стоит спиной ко мне, ее волосы развеваются на ветру. Я улыбаюсь, смотрю, как она прогуливается вдоль пляжа. Я бегу, чтобы догнать ее.

— Мам!

Мой зов остается без ответа. Может быть, она не слышит меня. Волны бьются о берег, поднимается ветер. Он застилает мне лицо моими волосами. Мне приходится на бегу убирать волосы с лица.

Я снова зову ее и стараюсь бежать быстрее, чтобы догнать ее, пока она не добралась до больших скал, которые уходят в воду. Она не может забраться на них до того, как я догоню ее. Если она успеет, то я никогда не смогу поговорить с ней.

Она продолжает идти уверенной походкой, не поворачивая головы. Она не оборачивается на мой зов, несмотря на то, что я зову ее много раз и очень громко.

Я бегу так быстро, как могу. Я тяжело дышу, у меня болит грудь. В ногах начинают гореть мышцы, но я не обращаю на это внимания. Я должна добежать до нее. Мне нужно поднажать, и я буду рядом с ней. Если я добежу до нее, я схвачу ее за плечо, и она, наконец, повернется. Я, наконец, увижу ее лицо и ее улыбку.

Я так сильно соскучилась по ее улыбке.

Независимо от того, как быстро и громко я бегу, расстояние между нами растет. Она идет прогулочным шагом, а я бегу, но не могу догнать ее. Я не понимаю, почему не могу ее догнать. Почему она просто не повернется?

— Мам, пожалуйста! — кричу я из последних сил.

Я со всей силы погружаю ноги в песок. Мои ступни громко шлепают о мокрый песок, я чувствую, как камни и ракушки впиваются в кожу, но мне все равно. Единственное, что причиняет мне боль сейчас — она не узнает меня. Она не понимает, что я прямо позади. Если бы она просто повернулась и увидела меня, я знаю, она бы остановилась. Она бы остановилась, она бы улыбнулась. Она бы обняла меня и никогда не отпустила.

Я вижу, как она добралась до скалы и начала забираться на нее. По щекам струятся слезы.

— Мам, стой! Пожалуйста, не уходи! Не оставляй меня! — кричу я.

Я все еще бегу, но не двигаюсь с места. Я совсем не приближаюсь к ней. Теперь она очень далеко. Я знаю, что никогда не догоню ее.

Она забралась на вершину скалы и начинает спускаться с другой стороны. В ужасе я смотрю, как ее блондинистая голова исчезает из вида.

Она ушла. Она была прямо передо мной, и я ее упустила.

Я опускаю взгляд на ноги и понимаю, что больше не бегу. Я оглядываюсь, чтобы понять, как далеко я убежала, но на песке нет моих следов. Я думаю о том, сдвинулась ли я с места вообще. Неужели я просто стояла на месте и ничего не сделала? Казалось, что я бежала, двигалась вперед, но может быть нет. Может быть, все это время я неподвижно стояла, пока все остальное двигалось. Глядя на скалы, где она исчезла, я понимаю, что не хочу отставать.

Задышавшись, я подскакиваю на кровати, быстро оглядываюсь вокруг и пытаюсь прийти в себя. Когда я вижу знакомые стены своей спальни, я хватаюсь за сердце и

восстанавливаю дыхание.

Сон был очень правдоподобным. Я до сих пор чувствую мокрый песок под ногами и запах океана. Я дотрагиваюсь до щеки, она мокрая от слез. Я плакала во сне. Этот все тот же сон, который преследует меня после ее смерти. Какое-то время он мне не снился, но сегодня он вернулся с новой силой. Я не могла сосчитать, сколько раз я смотрела, как она уходит от меня во сне, пока я зову ее. Я продолжаю кричать, толкать себя, причинять себе боль, но результат никогда не меняется. Она не поворачивается и не позволяет мне пойти с ней. Безумство предполагает достижение разных результатов одним и тем же способом за счет многократного повторения. Она ушла и никогда не вернется. Я не могу дотянуться до нее, я не могу снова потрогать ее, я не могу остановить ее. Ненормально причинять боль себе и окружающим, потому что я не могу идти дальше. Безумство — ожидать, что жизнь сама по себе изменится к лучшему, пока я хочу быть снова с ней.

Я наклоняюсь к прикроватному столику и щелкаю выключателем лампы. Мои глаза тут же расширяются при виде записок, которые разбросаны на кровати. Когда я вернулась с кладбища, я зашла в дом и в шоке застыла на пороге, когда увидела, что все покрыто салфетками. Они были прикреплены везде, сверху до низу, все было завешено записками от Зэндера. Я прочитала каждую из них, аккуратно сняла их и внесла их в комнату.

Я заснула, окруженная ими. Я прочитала каждую, по меньшей мере, сотню раз. Я подняла ближайшую записку и уставилась на слова, написанные им черными чернилами.

*Я люблю тебя,
Потому что ты самый потрясающий
человек, которого я когда-либо встречал.*

Я кладу ее и беру другую. Я читаю слова и представляю, как он сидит на своей кухне за кухонным столом, его голова лежит на салфетках, пока он пишет слова, которые у него в сердце. Я снова читаю каждую записку и даю словам проникнуть в мое сердце.

Я люблю тебя, потому что ты заставляешь меня улыбаться.

Я люблю тебя, потому что ты доверила мне свою безопасность.

Я люблю тебя, потому что ты делаешь очень вкусные капкейки.

Я люблю тебя, потому что ты сильнее, чем думаешь.

Я люблю тебя, потому что ты красивая.

Я люблю тебя, потому что ты делаешь меня счастливее, чем я когда-либо был.

Я люблю тебя, потому что ты не боишься мечтать.

Я люблю тебя, потому что однажды ты напишешь свой рассказ... и он будет

потрясающим.

Когда я дохожу до последнего, я поднимаю глаза и смотрю на предыдущие записки, которые прикреплены на пробковой доске. Я пробегаю глазами каждую, пока не дохожу до нужной. Она располагается прямо посередине. По рукам бегут мурашки, и дрожь пробегает по позвоночнику, когда я замечаю записку, которая не была прикреплена на доске, когда я вернулась с кладбища и уснула в одежде прямо на покрывале, окруженная словами Зэндера.

Я свешиваю ноги с кровати, медленно встаю, пересекаю комнату и встаю прямо перед доской. В глазах все помутнело от слез, я закрываю рот рукой, чтобы сдержать рыдания, когда я понимаю, что ничего не вижу.

Как такое возможно? Я смяла ее и бросила на траву на кладбище.

Трясущимися руками я касаюсь записки, чтобы убедиться, что она настоящая. Когда я чувствую пальцами грубую текстуру салфетки, я больше не могу сдерживать рыдания.

Я позволяю вырваться всему, что так долго копилось. Я плачу, пока не начинаю задыхаться от рыданий, чувствую, как болит голова и отекли глаза. Я смотрю на записку, почерк и текст. И первый раз за долгое время я начинаю смеяться сквозь слезы. Я смеюсь, потому что не могу больше плакать. Я смеюсь, потому что мое сердце, кажется, сейчас взорвется. Я смеюсь, потому что я, возможно, сошла с ума, но это не имеет значение. Ничего не имеет значение, кроме записки, ее смысла и того факта, что она не может быть в моей комнате, ведь я ее выбросила.

Я отворачиваюсь от доски и спешу к компьютеру, сажусь и включаю его.

Я жду, пока загрузится программа, вытираю слезы и вспоминаю слова Зэндера, которые он сказал тогда в парке с Люком.

Она о падениях и синяках, о боли и страхе. Она запутанная и настоящая, это не идеальный рассказ, который можно завязать. Именно об этом тебе стоит написать.

Я слышу его голос, он вдохновляет меня на то, что я давно хотела сделать, но боялась.

Я кладу руки на клавиатуру и печатаю первое предложение — слова, которые я снова и снова мысленно повторяла. Мои пальцы летают по клавиатуре, и история наполняет меня и снова заставляет плакать. Я оживляю ее, я вкладываю каждую частичку себя, которую прятала глубоко внутри.

Два дня я сижу за компьютером. Я оживляю каждый момент последних полутора лет, и впервые это меня не ломает. Я забываю поесть, я редко сплю. Я только печатаю. Я печатаю, пока не устают пальцы, пока голова не начинает болеть от слез и постоянного сидения за компьютером. Я печатаю до последнего слова. Когда я закончила, я просматриваю, что получилось и понимаю, что я написала книгу. Не рассказ, не пьесу... книгу. Целую книгу о своей жизни.

Я знаю, мне стоит поесть или, по крайней мере, чуть-чуть поспать, но не могу. Есть более важное место, где мне стоит находиться. Сон подождет. Я нажимаю

кнопку «печать», заскакиваю в душ, пока печатается страница за страницей.

Когда я выхожу из душа, напечатаны все страницы, и я скрепляю стопку резиновой нитью. Я забегаю в комнату за сумкой, бросаю взгляд на пробковую доску. Я делаю глубокий вдох и убираю центральную записку и прикрепляю ее под резиновую нить. Я провожу по ней рукой, улыбаюсь, быстро заправляю кровать и хватаю самую важную записку от Зэндера.

Я запрыгиваю в машину, несусь по городу, каждые несколько секунд кидаю взгляд на стопку страниц на пассажирском сиденье. Я паркуюсь на подъездной дорожке. Когда я вижу, что его машины нет, я стараюсь не расстраиваться. Я хватаю ручку и салфетку Зэндера, быстро карябаю записку под его словами и прикрепляю ее рядом с запиской с моей доски. Пролистывая стопку страниц, я выхожу из машины. Я делаю глубокий вдох и поднимаюсь по ступенькам. Я наклоняюсь и кладу страницы на его коврик.

Я выпрямляюсь и еще раз смотрю на записку, на которой написаны оба сообщения.

Я люблю тебя, потому что однажды ты напишешь свой рассказ...

и он будет потрясающий...

Зэндер,

Прости меня. Спасибо, что поверил в меня.

Я люблю тебя.

Эддисон

Глава 20

Храбрая

Три месяца спустя

Сидя за столом возле окна, я печатаю последнее предложение и нажимаю «Сохранить». Я закрываю глаза и сцепляю руки за головой, у меня затекли плечи от того, что я долго сидела. Через пару минут я открываю глаза, смотрю на компьютер и улыбаюсь. На клавиатуре лежит салфетка. Я смеюсь, когда читаю текст.

Улыбнись. Я люблю тебя.

Зайди на кухню.

У меня для тебя сюрприз.

Я потеряла счет, сколько салфеток теперь у меня. Я все еще храню каждую из них. Но теперь они не прикреплены на моей пробковой доске, потому что там закончилось место. Я смотрю на стену, где раньше висела доска, вздыхаю и улыбаюсь, когда смотрю на единственную записку, которая там висит. Она висит в стеклянной рамке, которую Зэндер подарил мне, когда закончил читать мою книгу пару месяцев назад. Я встаю с компьютерного кресла, подхожу к рамке и смотрю на нее. Я думаю о том дне, когда я нашла эту записку на стене в пустом офисе доктора Томпсон, а потом о дне, когда снова ее нашла. Больше эти слова не заставляют меня

грустить или неловко себя чувствовать. Когда я читаю их, я думаю о невозможном, и о том, как иногда неподдающиеся пониманию прекрасные вещи могут произойти с тобой, если ты удачлив и любим. Я провожу пальцами по гладкому стеклу и молча читаю слова.

Моя работа окончена.

Я помогла тебе настолько, насколько могла.

Будь сильной, будь прекрасной,

Живи полной жизнью,

Все будет хорошо, Милашка.

Я люблю тебя вооооооооооот так.

Я глубоко вздыхаю и улыбаюсь словам и нарисованному человечку с широко распахнутыми руками. Я отрываю руку от стекла и отхожу от стены. Я бросаю взгляд на компьютер. Я знаю, пришло время сделать то, что я долго откладывала. Я быстро подхожу к столу, наклоняюсь, открываю браузер и захожу на Facebook. Я захожу на ее страницу. Теперь ее страница не причиняет мне боль. Я кликаю на «Настройки страницы» и перехожу на вкладку «Безопасность».

— Я люблю тебя, — шепчу я и нажимаю «Удалить страницу».

Я отхожу на шаг от компьютера, глубоко вздыхаю, отворачиваюсь и иду на кухню.

— Ты вовремя. Я до изнеможения готовил ужин, и он стал остывать, — говорит Зэндер, встречая меня в дверном проеме и обнимая меня. Я смотрю на стол,

который заставлен контейнерами с китайской едой на вынос.

— До изнеможения, да? — смеясь, спрашиваю я.

Он наклоняется и прижимает свои губы к моим. Протягиваю руку и обнимаю его за шею, притягивая к себе. Поцелуй слишком быстро заканчивается, и он прислоняет свой лоб к моему и смотрит мне в глаза.

— Ты не представляешь, как тяжело заказать китайскую еду. Слишком большой выбор, — шутит он.

Мы отрываемся друг от друга и садимся за стол. Пока мы едим, мы болтаем о том, как прошел его день на работе и как прошел мой день за писательством. Я думаю о том, как мы дошли до этого и насколько я счастлива, первый раз в жизни.

После того, как три месяца назад я оставила свой рассказ на крыльце Зэндера, я поехала в дом моих родителей. Хотя я сказала отцу, что с меня хватит, мне нужно было убедиться, что он понял, что я имела в виду. Когда я зашла в дом, он паковал чемодан. Он снова собирался в реабилитационный центр и сказал мне, что он завязал с обещаниями, которые не может выполнить. Я сказала ему, что больше не приду в кондитерскую. Я больше не могу ей управлять в его отсутствие. Я не хочу ей управлять. Это не было моей мечтой, и я больше ни дня не буду заниматься тем, что не делает меня счастливой.

Через пару недель «Сладости Сноу» была продана молодой паре, которая пообещала ничего не менять и пользоваться теми же рецептами. Они даже согласились не увольнять Мэг, которая вернулась в школу, чтобы получить начальное образование.

Я общаюсь с отцом раз в неделю. Я больше не позволяю себя втягивать в его

проблемы. Я делаю все возможное, чтобы он знал, что я поддерживаю его, но я не позволяю его решениям повлиять на мою жизнь как раньше. Я не знаю, что может произойти между нами, когда он на этот раз выйдет из реабилитационного центра. Но с помощью Зэндера я не позволяю себе беспокоиться о том, что я не могу изменить.

Глядя через стол на Зэндера, я не могу сдерживать улыбки, когда он изображает пациента, которого привели на рентген в тот день. Когда я оставила страницы на его ступеньках, я не была уверена, что увижу его когда-нибудь. Я понятия не имела, насколько далеко я его оттолкнула, может быть он понял, что не стоит со мной связываться, что я приношу столько проблем.

До конца того дня, я старалась не заикливаться. Я не позволяла себе нервничать по поводу того, что сейчас он, сидя дома и читая мой рассказ, узнает обо мне все. После того, как я поговорила со своим отцом, я пошла в кондитерскую и весь вечер пекла сладости по маминым рецептам. Я приготовила маффины и пироги, торты и печенье, и сотни других вещей, которые я ела и готовила вместе с ней. В одиннадцать часов, после закрытия магазина, открылась задняя дверь, и я затаила дыхание, когда увидела Зэндера, который нес мой рассказ в руках.

— Черт побери, — прошептал он, глядя на все приготовленные изделия, которые заполняли каждый миллиметр кухни.

Я нервно засмеялась, а он стоял в дверном проеме.

— Меня немножко занесло, — я пожала плечами.

Его глаза были прикованы ко мне. Я смотрела ему в глаза, когда он подходил ко мне. В моем животе летали бабочки, когда он подошел вплотную. Он положил

стопку страниц на прилавок рядом со мной и взял в руки мое лицо. Я прижала свое тело к нему и посмотрела в его лицо.

— Спасибо, что доверила мне свою историю.

Я без промедления обняла его за талию.

— Спасибо, что прочитал ее и простил меня, — прошептала я.

Он покачал головой и провел большим пальцем по щеке.

— Нечего прощать. Ты заслуживаешь большего, чем я. Ты заслуживаешь правды, а я слишком боялся рассказать ее тебе, — ответил он.

Я отвела взгляд и посмотрела на свою историю на столе.

— Я слишком боялась. Я не хотела, чтобы ты все узнал и посмотрел на меня по-другому, — призналась я.

— Ты не понимаешь? — спросил он, оторвал мою левую руку от своей шеи и поцеловал мой шрам. — Эта история здесь, в твоем сердце и душе. Это причина, по которой я люблю тебя. Каждое слово описывает, почему я влюбился в тебя и почему я никогда в жизни не разлюблю тебя, что бы ни случилось. Ты удивляешь меня, Эддисон. Твоя сила потрясает меня. Тот факт, что ты тоже любишь меня, потрясает меня. По крайней мере я надеюсь, что ты тоже меня любишь, — нервно сказал он, покусывая губу.

— А я думала, я единственная сумасшедшая, — смеясь сказала ему. — Как я могу не любить тебя? Ты был ее другом. Она доверила тебе меня. Ты сделал все возможное, чтобы научить меня снова жить. Я люблю тебя. Я больше не хочу держаться за прошлое. Я хочу снова ждать будущего с тобой. Мне нужно, чтобы ты делал меня сильной.

Он запечатлел ласковый поцелуй на кончике моего носа и улыбнулся мне.

— Я тебе не нужен для этого, Милая. Эта история подтверждает, что ты очень сильная. Ты можешь делать все, что задумала. Я хочу быть рядом с тобой и смотреть, как твои мечты воплощаются в реальность.

Последние три месяца были лучшими и самыми страшными в моей жизни. По настоянию Зэндера я отдала свою историю литературному агенту. В скором времени, с помощью денег, которые мы выручили от продажи кондитерской, я поступила в колледж и начала посещать курсы английского и креативного письма. Я продолжала писать истории.

— О, Боже, я почти забыл про сюрприз, — говорит Зэндер, вытирает руки салфеткой и встает из-за стола. Я наблюдаю, как он подходит к прилавку, берет большой конверт из манильской бумаги и вручает его мне.

— Не злись, но я его уже открыл. Я догадывался, что это, но хотел убедиться перед тем, как показать тебе, — говорит он, пока я беру конверт из его рук и открываю его.

— Что это? — спрашиваю я, открываю порванный угол конверта.

— Помнишь, я говорил тебе, что один из моих клиентов работает в издательстве в Нью-Йорке? — спрашивает он, пока я запускаю руку в конверт.

— Да. Если я правильно помню, я сказала тебе не беспокоить его, — говорю я Зэндеру, поднимаю бровь и молча ругаю его взглядом.

— Я думаю, тебе пора понять, что я никогда не слушаю тебя, — смеюсь, говорит он.

Я качаю головой, вытаскиваю толстую пачку бумаги из конверта. У меня

перехватывает дыхание, когда я вижу название моей истории на обложке.

— О, Боже, — бормочу я, провожу рукой по обложке, которая выглядит так, будто ее профессионально оформили и сшили.

— Они опубликуют ее, Милая. Им понравилось каждое слово, — радостно говорит Зэндер.

Я смотрю на манускрипт в моих руках. Я едва ли верю в происходящее. Я почти потеряла себя, и эта история могла бы быть никогда не написана. Теперь другие люди читают ее. Она будет стоять на полках шкафов, и люди будут вытаскивать ее и читать о девушке, которая почти сдалась. С помощью парня, который любил ее сильнее, чем она могла себе представить; с помощью глаз самого важного человека, которые присматривали за ней, она научилась двигаться дальше.

Она научилась жить.

Эпилог

Десять лет спустя...

— Мамочка, бабушка была на твоей свадьбе, когда ты вышла замуж за папу?

Я улыбаюсь Энджел¹⁰, моей шестилетней дочери, которая свернулась рядом со мной на диване и просматривает наш свадебный альбом.

— Нет, милашка, она не присутствовала лично на ней. Но я уверена, она смотрела на нас с небес.

Энджел поднимает на меня свои большие, великолепные серые глаза — глаза мои и моей мамы в одном.

— Она ангел на Небесах, и поэтому ты назвала меня Энджел, да? — спрашивает она с невинностью ребенка.

— Точно! И даже, несмотря на то, что ее нет здесь, она любит нас, и присматривает за нами, и охраняет нас.

Она возвращается к просмотру альбома и внимательно смотрит на каждую фотографию. Я прижимаю ее к себе и целую ее в макушку.

Кажется, прошло столько лет с тех пор, как я зареклась, что не буду иметь детей, потому что я не представляю, как я справлюсь без помощи моей мамы. Но теперь я не знаю, как вообще такое могло прийти мне в голову. Я бросаю взгляд на салфетку в рамке, которая все еще висит на стене и которая сопровождала нас с Зэндером везде, куда бы мы ни переезжали. Я закрываю глаза и посылаю мысленное «спасибо» в небеса.

Когда я обнаружила записку, я не могла понять, как такое могло случиться. Я старалась не заикливаться на том, что я не понимаю, откуда взялась записка и как можно осознать, что я держу что-то подобное в руках. Я не понимала, пока не родилась Энджел, пока я сама не стала мамой. Я, наконец, отпустила все сомнения, просто приняла факт, что каким-то чудесным образом моя мама присматривает за мной. Я до сих пор не знаю, была ли доктор Томпсон на самом деле или ее послала моя мама мне на помощь. Я больше не думаю об этом. Я поняла. В тот момент, когда доктор дала мне Энджел, я влюбилась в нее, между нами установилась связь, которую никогда не разорвать, даже после смерти. Я знала, что, несмотря ни на что, я буду всегда ее защищать. И даже если я не смогу быть с ней, я буду неподалеку.

Я все еще каждый день скучаю по моей маме. Я все еще думаю о ней очень часто. Я все еще мечтаю, чтобы она была рядом и помогала мне справляться с неурядицами. Я все еще думаю о том, почему ей пришлось уйти, и прихожу к мнению, что ее время настало. Я вспоминаю ее лицо, ее голос, ее обаяния. Эти воспоминания не позволяют мне чувствовать себя пустой и одинокой. Я чувствую себя счастливой, потому что она была в моей жизни, хотя и не очень долго. Я та, кем я являюсь, потому что она любила меня. Я буду и дальше сильной и буду жить своей жизнью на полную, потому что она меня этому учила, а теперь, когда у меня есть дочь, у меня еще большая причина наслаждаться своей жизнью.

— Милая, я дома! — кричит Зэндер из кухни и проходит к нам в гостиную.

Он подходит к дивану сзади, я задираю голову, чтобы увидеть его. Он наклоняется ко мне и целует меня в губы, затем он переходит к нашей дочери. Он хватает ее и поднимает, она визжит от восторга.

— Привет, малышка-милашка, как прошел день? — он спрашивает ее и зацеловывает ее лицо.

— Мы с мамочкой говорили о бабушке и как она наблюдает за мной. Как ты думаешь, она смотрит на меня, когда я хожу в ванную? Надеюсь, нет. Есть такие вещи, которые люди не должны видеть.

От выбора слов нашей дочери мы с Зэндером взрываемся от хохота. Я не могу не вспомнить разговор, который был у нас с мамой на ту же тему.

— Я уверена, бабушка дает тебе время уединиться, когда ты ходишь в ванную, — смеясь, говорит Зэндер. Затем он садит нашу дочь и вытаскивает из-за спины большой, толстый конверт.

— Ооооо, это подарок для меня? — восторженно спрашивает Энджел.

— Прости, малышка-милашка, это для мамочки, — отвечает он, обходит диван, кладет его мне на колени и садится рядом.

Я замечаю обратный адрес моего издателя и думаю, может это копия моего нового манускрипта. Я разрываю конверт, вытаскиваю записку и пробегаю глазами по тексту,

— О, боже, сегодня десятая годовщина выпуска моей первой книги. Они напечатали специздание для меня, — я нежно шепчу Зэндеру, запускаю руку в конверт и вытаскиваю книгу.

Глядя на обложку, я нежно провожу рукой по названию и вспоминаю дни, когда я заперлась в квартире и, наконец, позволила словам лечь на бумагу.

— Поздравляю, Милая. Ты прошла долгий путь. Я так горжусь тобой, — говорит Зэндер, целуя меня в лоб.

За все года я написала столько книг, что не сосчитать. Каждая увенчалась успехом, о котором я не мечтала. Но эта история моей жизни будет всегда занимать особое место в моем сердце.

Я открыла твердую обложку, пропустила первую страницу с названием и улыбнулась, читая слова пролога, напечатанные так давно.

Смерть меняет каждого...

КОНЕЦ

Если ты или тот, кого ты знаешь, постоянно испытывает чувство печали, безнадежности, или вас посещают мысли о самоубийстве, очень важно обратиться за помощью. Просьба о помощи — это не показатель слабости.

Если тебя переполняют чувства, или если самоубийство кажется выходом, ты всегда можешь поговорить с кем-то, кого ты любишь, или с доктором.

Самоубийство никогда не выход.

Заметки

[←1]

Цитата из произведения американского протестантского теолога Карла Пауля Рёйнхольда Нібура
«Молитва о душевном покое»

[←2]

«Keep coming back, it works if you work it» - один из слоганов знаменитой во всем мире 12-шаговой программы восстановления групп анонимной поддержки в Америке.

[←3]

Lady locks - досл. женские локоны (англ)

[←5]

Фамилия Snow – Снег (англ.)

[←6]

Популярная песня Vanilla Ice – Ice Ice baby

[←7]

«Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» - повесть шотландского писателя Роберта Стивенсона о раздвоении личности.

[←8]

В оригинале игра слов: цветок (flower[флауа]) и мука (flour[флауа]) — омофоны.

[←9]

«Let them eat cake» — русский перевод легендарной французской фразы: «Qu'ils mangent de la brioche», букв. «Пусть они едят бриоши», ставшей символом крайней отрешённости верховной абсолютистской власти от реальных проблем простого народа.

[←10]

*прим. пер.— Энджел от англ. *angel* – ангел*